

ISSN 2227-1538
eISSN 2307-4590

ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНЕ В ЭЛЕКТРОННОЙ СРЕДЕ

О.Г. Филатова, Ю.А. Кабанов, А.В. Чугунов

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ БАРЬЕРЫ РАЗВИТИЯ
ЭКОСИСТЕМЫ ЦИФРОВЫХ ГОРОДСКИХ СЕРВИСОВ:
КЕЙС САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Д.В. Волковский

ДЕЛИБЕРАТИВНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ КАЧЕСТВА
ЦИФРОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ ВЛАСТИ И ГРАЖДАН:
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

А.В. Соколов, П.А. Бабаджанян

ЦИФРОВОЕ НЕУЧАСТИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Н.А. Баранов

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК НОВЫЙ АКТОР
СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ:
ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Главный редактор ШУМИЛОВ Андрей Владимирович кандидат политических наук, доцент Соредактор СКОВИКОВ Алексей Константинович кандидат политических наук, доцент Ответственный секретарь НИКИФОРОВА Ирина Владимировна Перевод ОРЛОВА Елена Геннадьевна Учредитель / Издатель НИИ общественных и политических наук	Научная редакция 16+ АЛЕКСЕЕВ Сергей Валерьевич кандидат политических наук, доцент АРУТЮНОВ Антон Георгиевич научный сотрудник БУРДА Михаил Александрович кандидат политических наук, доцент ЕФРЕМОВ Олег Юрьевич кандидат философских наук, доцент КАСИМОВ Евгений Витальевич кандидат исторических наук, доцент ШЕВЧЕНКО Екатерина Сергеевна кандидат политических наук
Председатель Редколлегии номера ФИЛАТОВА Ольга Георгиевна доктор политических наук Редакционная коллегия АВЦИНОВА Г.И. – доктор философских наук, профессор (Москва) БОЛЬШАКОВ А.Г. – доктор политических наук, профессор (Казань) БОРЩЕВСКИЙ Г.А. – доктор политических наук, профессор (Москва) БРОННИКОВ И.А. – кандидат политических наук, доцент (Москва) ВАТЫЛЬ В.Н. – доктор политических наук, профессор (Гродно) ГРИШИН О.Е. – кандидат политических наук, доцент (Москва) ГУСЕЛЕТОВ Б.П. – доктор политических наук, доцент (Москва). ИЛЬМЯРВ М. – доктор истории, PhD (Таллин) КАПИЦЫН В.М. – доктор политических наук, профессор (Москва) КЕРЯН Г.М. – доктор политических наук, профессор (Ереван) КОЗЛОВА Н.Н. – доктор политических наук, профессор (Тверь) КОРЯКОВЦЕВА О.А. – доктор политических наук, профессор (Ярославль) КУРИЛЛА И.И. – доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург) ЛЕДЯЕВ В.Г. – доктор философских наук, профессор (Москва), доктор политики, PhD (Манчестер)	Сопредседатель Редколлегии номера ЧУГУНОВ Андрей Владимирович кандидат политических наук ЛЕОНТЬЕВА О.В. – кандидат политических наук, доцент (Тирасполь) МИНЕЕВА Е.К. – доктор исторических наук, профессор (Чебоксары) НАСИМОВА Г.О. – доктор политических наук, профессор (Алматы) ОМЕЛЬЧЕНКО Н.А. – доктор исторических наук, профессор (Москва) ПАСТУХОВА Л.С. – доктор педагогических наук, кандидат политических наук, доцент (Москва) ПРОРОК В. – доктор философии, PhD (Прага) РЯБОВА Т.Б. – доктор социологических наук, профессор (Санкт-Петербург) САМАРКИНА И.В. – доктор политических наук, профессор (Краснодар) СЕРГЕВНИН В.А. – PhD, доктор юриспруденции (Макомб) СОКОЛОВ А.В. – доктор политических наук, доцент (Ярославль) ТУРОВСКИЙ Р.Ф. – доктор политических наук, профессор (Москва) ХОРИНА Г.П. – доктор философских наук, профессор (Москва) ЧЕРНЫШОВ Ю.Г. – доктор исторических наук, профессор (Барнаул) ШИРЯКОВ О.Н. – доктор исторических наук, профессор (Чебоксары) ЮРЧЕНКО С.В. – доктор политических наук, профессор, (Симферополь)

Editor in Chief SHUMILOV Andrei Executive Secretary NIKIFOROVA Irina Translate ORLOVA Elena Design PAVLUNIN Dmitriy Publisher Institute of Social and Political Sciences	Co-Editor SKOVIKOV Alexey Editors ALEKSEEV Sergey ARUTYUNOV Anton BURDA Mihail EFREMOV Oleg KASIMOV Evgeniy SHEVCHENKO Ekaterina
Chairman of the Editorial board FILATOVA Olga Doctor of Political Sciences Editorial Board AVTSINOVA Galina Prof. (Moscow) BOLSHAKOV Andrey Prof. (Kazan) BORSHCHEVSKY Georgiy Prof. (Moscow) BRONNIKOV Ivan Assoc. Prof. (Moscow) VATYL Viktor Prof. (Grodno) GRISHIN Oleg Assoc. Prof. (Moscow) GUSELETOV Boris Assoc. Prof. (Moscow) ILMJARV Magnus PhD (Tallinn) HORINA Galina Prof. (Moscow) KAPITSYN Vladimir Prof. (Moscow) KERYAN Garik Prof. (Yerevan) KORYAKOVTSOVA Olga Prof. (Yaroslavl) KOZLOVA Natalia Prof. (Tver) KURILLA Ivan Prof. (Saint-Petersburg) LEONTEVA Olga Assoc. Prof. (Tiraspol)	Co-chairman of the Editorial Board CHUGUNOV Andrei PhD in Political Sciences LEDYAEV Valeriy Ph.D. (Manchester), Prof. (Moscow) MINEEVA Elena Prof. (Cheboksary) NASIMOVA Gulnar Prof. (Almaty) OMELCHENKO Nikolay Prof. (Moscow) PASTUHOVA Larisa Assoc. Prof. (Moscow) PROROK Vladimir. PhD (Prague) RIABOVA Tatiana Prof. (Saint Petersburg) SERGEVNIN Vladimir Prof. (Macomb) SHIROKOV Oleg Prof. (Cheboksary) SAMARKINA Irina Prof. (Krasnodar) SOKOLOV Aleksander Assoc. Prof. (Yaroslavl) TUROVSKY Rostislav Prof. (Moscow) CHERNYSHOV Yriy Prof. (Barnaul) YURCHENKO Sergey Prof. (Simferopol)

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНЕ В ЭЛЕКТРОННОЙ СРЕДЕ

ОТ РЕДАКЦИИ	6
О.Г. Филатова, Ю.А. Кабанов, А.В. Чугунов ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ БАРЬЕРЫ РАЗВИТИЯ ЭКОСИСТЕМЫ ЦИФРОВЫХ ГОРОДСКИХ СЕРВИСОВ: КЕЙС САНКТ-ПЕТЕРБУРГА	7
В.А. Белый, Е.Ю. Видясов ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ СЕРВИСОВ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ И ГРАЖДАН: ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ОПРОСА ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ ЕДИНОЙ КАРТЫ ПЕТЕРБУРЖЦА	36
О.А. Игнатьева, И.И. Толстикова, А.В. Плетнев, К.С. Кондратенко, Ю.Ю. Платонова ДОСТУПНОСТЬ ЦИФРОВЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ ДЛЯ ИНВАЛИДОВ: БАРЬЕРЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИНКЛЮЗИИ В РОССИИ	54
А.В. Соколов, П.А. Бабаджанян ЦИФРОВОЕ НЕУЧАСТИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ	76
Д.В. Волковский ДЕЛИБЕРАТИВНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ КАЧЕСТВА ЦИФРОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ ВЛАСТИ И ГРАЖДАН: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	90
Ю.А. Головин, Н.А. Сухонина ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКИЕ ДИСКУРСИВНЫЕ СТРАТЕГИИ В ОСВЕЩЕНИИ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ В РОССИЙСКИХ ОНЛАЙН-СМИ	117
Д.А. Калямина, М.А. Кирина ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕГУЛЯТОРНОЙ ПОЛИТИКИ: ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ОЦЕНКЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ НОРМ И ПРАВИЛ	137

Н.А. Баранов ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК НОВЫЙ АКТОР СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ	159
Т.Л. Барандова, И.В. Мокин ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО КАК МЕХАНИЗМ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ: КРОСС-РЕГИОНАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ	180
Наши авторы	196
The contents	

В журнале отражены личные взгляды авторов,
которые могут не совпадать с позицией редакции журнала «PolitBook».

ОТ РЕДАКЦИИ

«Государство и граждане в электронной среде» - под таким названием вот уже одиннадцатый раз выходят материалы Международной объединенной научной конференции «Интернет и современное общество» (Internet and Modern Society), связанные с непрерывным развитием цифрового взаимодействия власти и общества. Конференция IMS – одно из первых в России специализированных научных мероприятий, объединяющих ученых и практиков, чьи профессиональные интересы лежат в плоскости самых разных аспектов влияния современных технологий на общественное развитие. В 2025 году конференция состоялась в 28-й раз – традиционно в Санкт-Петербурге, в Университете ИТМО.

В настоящем номере представлены русскоязычные материалы одного из крупных событий объединенной конференции – VIII Международной конференции по электронному управлению DTGS. Целью конференции DTGS-2025 было как обсуждение новых форм взаимодействия граждан и государства в цифровой среде, так и выявление барьеров, вызовов и рисков цифровизации публичной сферы, определение роли доверия к цифровым технологиям со стороны граждан и государственных служащих (<https://ims.itmo.ru/e-gov/>).

Именно поэтому номер открывает статья, напрямую связанная именно с выявлением барьеров развития сервисов в цифровой среде. Авторы этой статьи, на примере исследований, проведенных в Санкт-Петербурге, отмечают довольно низкую востребованность гражданами цифровых сервисов, создаваемых органами региональной власти, и предлагают возможные пути преодоления возникающих институциональных барьеров. Вторая и третья статья также касаются исследований городских цифровых сервисов, выявлению возможностей и барьеров для взаимодействия государства и граждан, которые они предоставляют. А следующая статья отражает озабоченность автора невключением такой активной части общества, как студенческая молодежь, в процессы цифрового участия в политике и государственном управлении. Таким образом, эти исследования демонстрируют, с одной стороны, активное развитие экосистемного подхода, большие возможности и перспективы, которые он предоставляет как для граждан, так и для государства, а с другой стороны – показывают появляющийся скептицизм и растущее недоверие к цифровым технологиям.

Следующий раздел журнала посвящен коммуникативным возможностям, которые предоставляет современная цифровая среда. В первой статье подробнейшим образом представлен делиберативный подход к анализу качества цифровых коммуникаций власти и общества, а во второй говорится о лингвосемиотических дискурсивных стратегиях, используемых в онлайн-СМИ.

Статьи третьего, заключительного раздела номера объединены исследовательским интересом авторов к возможностям и перспективам, которые предоставляет цифровая среда для развития политики, регулирующей взаимодействие государства и граждан. Авторы выявляют роль искусственного интеллекта в оценке законодательных норм для специалистов по взаимодействию власти и общества, всесторонне изучают значение государственно-частного партнерства для развития цифровой инфраструктуры российских регионов и дают предложения по переходу от системы сбора форм отчетности к автоматическому обмену данными, в том числе с использованием технологий «Интернета вещей».

Редакторы номера благодарят всех участников конференции за интереснейшие материалы, а редакцию журнала – за возможность их публикации и выражают надежду на дальнейшее сотрудничество.

Номер сформирован при поддержке проекта Российского научного фонда и Санкт-Петербургского научного фонда №23-18-20079 «Исследование социальной результативности электронного взаимодействия граждан и власти в Санкт-Петербурге на примере городских цифровых сервисов» (<https://rscf.ru/project/23-18-20079/>).

Редакторы номера О.Г. Филатова, А.В. Чугунов

ТЕМА НОМЕРА

**О.Г. Филатова,
Ю.А. Кабанов,
А.В. Чугунов**

**O. Filatova,
Yu. Kabanov,
A. Chugunov**

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ БАРЬЕРЫ РАЗВИТИЯ ЭКОСИСТЕМЫ ЦИФРОВЫХ ГОРОДСКИХ СЕРВИСОВ: КЕЙС САНКТ- ПЕТЕРБУРГА *

INSTITUTIONAL BARRIERS TO THE DEVELOPMENT OF THE DIGITAL URBAN SERVICES ECOSYSTEM: THE CASE OF ST. PETERSBURG

Аннотация

Настоящее исследование посвящено оценке развития городских цифровых сервисов Санкт-Петербурга и выявлению барьеров их развития. Проводится сравнительный анализ трех городских экосистем – портала «Наш Санкт-Петербург», мини-приложения «Я здесь живу» и «Единой карты петербуржца», – с целью выявить их место в городской жизни, их востребованность, барьеры на пути их использования гражданами. Кроме того, ставится задача определить, являются ли данные сервисы единой цифровой городской экосистемой. Концептуально-методологическая рамка исследования строится на институциональном подходе. Эмпирическую базу работы составляют официальные документы, экспертные интервью, а также серия опросов и фокус-групп среди горожан. Результаты показывают, что в Санкт-Петербурге созданы условия для развития децентрализованной цифровой городской экосистемы взаимодействия государства и общества. Однако на данный момент развитие происходит в логике нескольких отдельных экосистем. Отчасти это связано с проблемами межведомственного взаимодействия при информационном обмене и скрытой конкуренцией между органами власти. Необходима дальнейшая работа по интеграции отдельных систем в единую

Abstract

The present study is devoted to the assessment of the development of urban digital services in St. Petersburg and the identification of barriers to their development. A comparative analysis of three urban ecosystems is carried out – the portal "Our St. Petersburg", the mini-application "I Live Here" and the "Unified Card of St. Petersburg" – In order to identify their place in urban life, their demand, and barriers to their use by citizens. In addition, the task is to determine whether these services constitute a single digital urban ecosystem. The conceptual and methodological framework of the study is based on the institutional approach. The empirical base of the work is official documents, expert interviews, as well as a series of surveys and focus groups among citizens. The results show that conditions have been created in St. Petersburg for the development of a decentralized digital urban ecosystem of interaction between the state and society. However, at the moment, development occurs within the logic of several separate ecosystems. This is partly due to the problems of interdepartmental interaction in information exchange and hidden competition between government agencies. Further work is needed to integrate individual systems into a single ecosystem. The results of sociological

экосистему. Результаты социологических исследований показывают низкую востребованность создаваемых органами региональной власти цифровых сервисов: граждане чаще обращаются к федеральным государственным либо коммерческим сервисам, либо используют цифровые системы, предлагающие больше выгод и меньше издержек к их использованию (в частности, «Единая карта петербуржца»). В статье приводятся рекомендации по устранению выявленных барьеров и повышению востребованности сервисов со стороны граждан.

studies show low demand for digital services created by regional authorities: citizens more often turn to federal state or commercial services, or use digital systems that offer more benefits and fewer costs for their use (in particular, the "Unified Card of St. Petersburg Resident"). The article provides recommendations for eliminating the identified barriers and increasing demand for services from citizens.

Ключевые слова:

город, городское пространство, цифровой сервис, экосистема, институционализм, фокус-группа, социологический опрос.

Key words:

city, urban space, digital service, ecosystem, institutionalism, focus group, sociological survey.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2025-3-7-35>

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда и Санкт-Петербургского научного фонда №23-18-20079 «Исследование социальной результативности электронного взаимодействия граждан и власти в Санкт-Петербурге на примере городских цифровых сервисов» (<https://rscf.ru/project/23-18-20079/>).

В 2024 году был опубликован рейтинг городов по IQ-индексу, разработанному Минстроем в рамках проекта «Умный город». Второе место после Москвы занял Санкт-Петербург, что свидетельствует о достаточно эффективной цифровизации его городского хозяйства¹. Однако методика рейтинга учитывает лишь инфраструктурные аспекты, в то время как город представляет собой «сложное образование, включающее пространства, технологические объекты, инфраструктуры, алгоритмы и, конечно, людей» (Сети города, 2021, 31). Для комплексного изучения «умных городов» необходимо отойти от технократического подхода, уделив должное внимание не только технологиям, но и социально-политическим аспектам развития цифровых сервисов (Сети города, 2021; Hemment and Townsend, 2013; Kitchin and Dodge, 2011; Mahnke, 2019; Safransky, 2019; Komminos, 2020).

В настоящее время в Санкт-Петербурге активно развиваются цифровые сервисы, в рамках которых выстраиваются технологические и организационные механизмы взаимодействия городских властей и граждан. Довольно

¹ Результаты расчета Индекса IQ городов за 2023 год. (2024). Минстрой России. <https://www.minstroyrf.gov.ru/docs/373609/>.

часто в их продвижении используется термин «экосистема», популярности которого мы во многом обязаны успешным коммерческим цифровым проектам. Во-первых, это экосистема городских сервисов (ЭГС) «Цифровой Петербург», запущенная в 2021 году Информационно-аналитическим центром при Комитете информатизации и связи. Целями ЭГС является сбор полезных для граждан государственных и коммерческих сервисов на одной интернет-площадке. Флагманский проект ЭГС – мини-приложение «Я здесь живу» (ЯЗЖ), реализуемое на платформе ВКонтакте с конца 2022 года и к середине 2025 года включающее 16 сервисов. Ключевая особенность ЭГС заключается в разработанной создателями проекта ролевой модели, позволяющей пользователю идентифицировать себя как носителя какой-либо социальной роли и получить соответствующий сервис. Во-вторых, это портал «Наш Санкт-Петербург», созданный в 2014 году и позволяющий гражданам направлять сообщения о проблемах, связанных с жилищно-коммунальным хозяйством, благоустройством, работой городских служб и другими вопросами, которые в обязательном порядке рассматриваются ответственными учреждениями. В-третьих, это Единая карта петербуржца (ЕКП), разработанная в 2019 году на основе банковской карты платежной системы «Мир» с расширенными возможностями, позволяющими получать зарплату, социальные выплаты, записать любой вид проездного билета, экономить на оплате городского транспорта и различных покупках. К середине 2025 года экосистема включает в себя 12 цифровых сервисов. Кроме того, пользователи могут принять участие в голосовании (сервис «Городской диалог»), то есть участвовать в жизни города и получать за это баллы, которые можно обменять на билеты в театры и музеи, доступ к подпискам и другие бонусы.

В настоящей работе мы предпринимаем попытку сравнения этих трех «экосистем» как со стороны органов власти, так и с точки зрения пользователей и выявления барьеров на пути их развития. В частности, нас интересует то, почему в Петербурге сложилось несколько экосистем с пересекающимся функционалом и как это отражается на паттернах использования цифровых сервисов гражданами.

Концептуально работа основана на институциональном подходе, который помогает выявить в технологиях «правила игры», которые одновременно являются и результатом взаимодействия акторов, и фактором, определяющим их поведение в будущем (Mendonca et al., 2024). Исследование построено на оригинальной базе эмпирических данных, собранных нами по

результатам нескольких социологических опросов, фокус-групп и интервью. Данные опросов позволили оценить востребованность нескольких цифровых сервисов («Я здесь живу», «Наш Санкт-Петербург», «Единая карта петербуржца»), в то время как в рамках фокус-групп удалось выявить паттерны использования данных сервисов гражданами, а также воспринимаемые гражданами стимулы и барьеры к их использованию. Интервью позволили получить более глубокое представление о внутренних процессах, связанных с построением «экосистем» в системе государственного управления. Анализ социологических данных дополняется нами исследованием документов, позволяющих сформировать представление об институциональном дизайне цифровых сервисов.

Теоретическая рамка: «экосистемы» как институты

Термин «экосистема», как указывалось выше, за последнее время приобрел большую популярность в контексте государственных и коммерческих цифровых проектов, однако, он остается недостаточно теоретически проработанным, особенно в отношении учета социальных аспектов цифровой трансформации (Barykin et al, 2020; Hein et al, 2017; Stamatis et al, 2020). В ряде случаев экосистемный подход представляется ценным инструментом для понимания взаимосвязанных систем и их компонентов, в том числе – социальных систем с интенсивным использованием информационно-коммуникационных технологий (Cali, 2017; Dawes et al, 2016; Misnikov et al, 2021, 2022; Nardi and O'Day, 2000; Strate, 2004; Sharkov et al, 2018; Scolary, 2012; Мизинцев и др., 2000; Мисников и Филатова 2021; Филатова, 2022). Исследователями формулируются ключевые характеристики экосистем применительно к сфере политики и государственного управления, такие как единый вход, многоканальность и многофункциональность (Santos, 2017; Ju, 2019; Wang et al, 2017; Ачкасова, 2023; Петрова, 2019; Фролов и др., 2023). С этой точки зрения, город может быть представлен как уникальная административная, управленческая и цифровая экосистема, которая использует цифровые сервисы для обеспечения коммуникативного взаимодействия между властью и гражданами (Ash et al; Damery and Rosehthal-Sabroux, 2016; Таусенд, 2019; Попов и др., 2022; Строев и Пивоварова, 2022).

Вместе с тем, для изучения процессов формирования и использования подобных экосистем более подходящим видится не экосистемный, а институциональный подход. Говоря об институционализме в его современном ви-

де, следует отметить, что он не является единым подходом, поскольку его версии заметно различаются по своим теоретико-методологическим основаниям, однако, все они разделяют убеждение о важности институтов в определении человеческого поведения (Hall & Taylor, 1996). По определению Д. Норта, институты представляют собой «ограничительные рамки», которые «задают структуру побудительных мотивов человеческого взаимодействия» (Норт, 1997, с. 17). Такие институты могут быть не только формальными и официальными нормами, но также и не формальными, но принятыми в том или ином обществе правилами (Helmke & Levitsky, 2004). Такое расширенное понимание институтов позволяет использовать терминологический аппарат «нового» институционализма для концептуализации различных явлений, в том числе и связанных с развитием цифровых платформ и их влиянием на социальное городское пространство.

В настоящее время активно развивается еще одна версия институционального подхода, получившая название «алгоритмического институционализма». Его авторы – бразильские исследователи Р. Мендонса, Ф. Филгейрас и А. Альмейда – рассматривают в качестве институтов алгоритмы, лежащие в основе цифровых платформ. В такой интерпретации «алгоритмы представляют организационные архетипы», которые «строят сценарии действий» (Mendonca, 2024, с. 32) для акторов, влияя таким образом на паттерны использования различных цифровых сервисов. Это согласуется с более ранними представлениями исследователей о регулирующей поведение пользователей природе интернет-технологий, выраженных Л. Лессигом в знаменитой фразе «код – это закон» (Lessig, 2007).

Объединяя алгоритмический институционализм и теорию рационального выбора, Р. Мендоса и др. отмечают, что алгоритмы, как и прочие институты, формируют систему стимулов (incentives) и издержек (costs) для акторов, которые, в свою очередь, стратегически действуют в рамках сформированных институтов для максимизации своей выгоды (Mendonca, 2024, с. 33-34). Иными словами, институциональный дизайн цифровой платформы – интерфейс, функционал, правила подачи и обработки запросов – определяют то, что пользователь может и не может делать в его рамках, как он оценивает свои выгоды и издержки от использования этой платформы.

Кроме того, сами алгоритмы как институты являются результатом действий, создающих их акторов, отражают их ценности и представления, а

также являются выражением существующей в обществе или системе управления «расстановке сил» (Mendonca, 2024, с. 43; Lessig, 2007, с. 110).

Иными словами, институциональный подход к анализу городских «экосистем», во-первых, позволяет рассмотреть существующую конфигурацию цифровых сервисов как результат взаимодействия акторов, в данном контексте – органов государственной власти, а также как результат взаимного приспособления сложившихся структур управления и новых технологий (Дьякова, 2011). Во-вторых, этот же подход помогает увидеть эффекты этих «экосистем», которые выражаются в паттернах взаимодействия граждан с цифровыми сервисами.

Технологическая и институциональная среда городских цифровых сервисов Санкт-Петербурга

В данном разделе мы предпринимаем попытку описать особенности технологической и институциональной среды, которая формируется исследуемыми городскими цифровыми сервисами (мини-приложение VK «Я здесь живу» (далее ЯЗЖ) – базовый сервис Экосистемы городских сервисов (ЭГС), Экосистема «Единая карта петербуржца» (ЕКП) и портал «Наш Санкт-Петербург»). Данное описание основывается на анализе официальных документов, консультациях с разработчиками сервисов и интервью с экспертами. Всего было проведено более 20 интервью, ниже приведены наиболее показательные цитаты.

На рисунке 1 представлены цифровые системы, которые обеспечивают самую значительную долю услуг в Санкт-Петербурге. На схеме обозначены аудитория, порталы, базы данных и мобильные приложения двух специализированных («Наш Санкт-Петербург» и «Здоровье Петербуржца») и трех универсальных платформ или экосистем (Госуслуги Санкт-Петербурга, ЭГС и ЕКП). Вверху схемы представлена организационно-институциональная надстройка – указаны исполнительные органы государственной власти, ответственные за развитие данных систем и вице-губернаторы, курирующие представленные комитеты и тематические направления жизнедеятельности в городе.

С точки зрения технического взаимодействия, городские сервисы действительно постепенно образуют единую цифровую экосистему, в частности, за счет того, что разные сервисы используют одни и те же базы данных. Од-

нако определяющее значения имеют не столько технические, сколько организационно-правовые и институциональные вопросы.

На основе проведенного нами исследования можно заключить, что ключевым барьером на пути развития цифровых экосистем является проблема межведомственного взаимодействия.

Например, на схеме можно увидеть дублирование и потенциальную конкуренцию ЭГС и ЕКП. Судя по целям и задачам, ЕКП должна входить в ЭГС (ЕКП включена в каталог сервисов ЭГС), однако, ЕКП развивается автономно и имеет существенно большую аудиторию, декларируя развитие на своей платформе близких по тематике услуг. Есть основания полагать, что параллельное существование и возможная конкуренция сервисов может объясняться фактором ведомственной принадлежности. В то время как ЭГС развивается под эгидой Комитета по информатизации и связи, ЕКП курируется вице-губернатором и руководителем Администрации Губернатора Санкт-Петербурга, в чьем ведении находится Комитет по экономическому развитию и стратегическому планированию. Стоит отметить, что и опрошенными нами эксперты отмечают потенциал для конкуренции между существующими в городе цифровыми сервисами. Так, один из экспертов отметил, характеризуя взаимодействие разработчиков систем, что «у каждого свои интересы». Он же отмечает сложности в общении с рядом комитетов: «...в органах исполнительной власти должна быть «техническая начинка». А у нас не во всех органах исполнительной власти вообще даже IT-отделы и подразделения есть». Другой эксперт также связывает трудности в разработке сервисов с проблемами межведомственного взаимодействия.

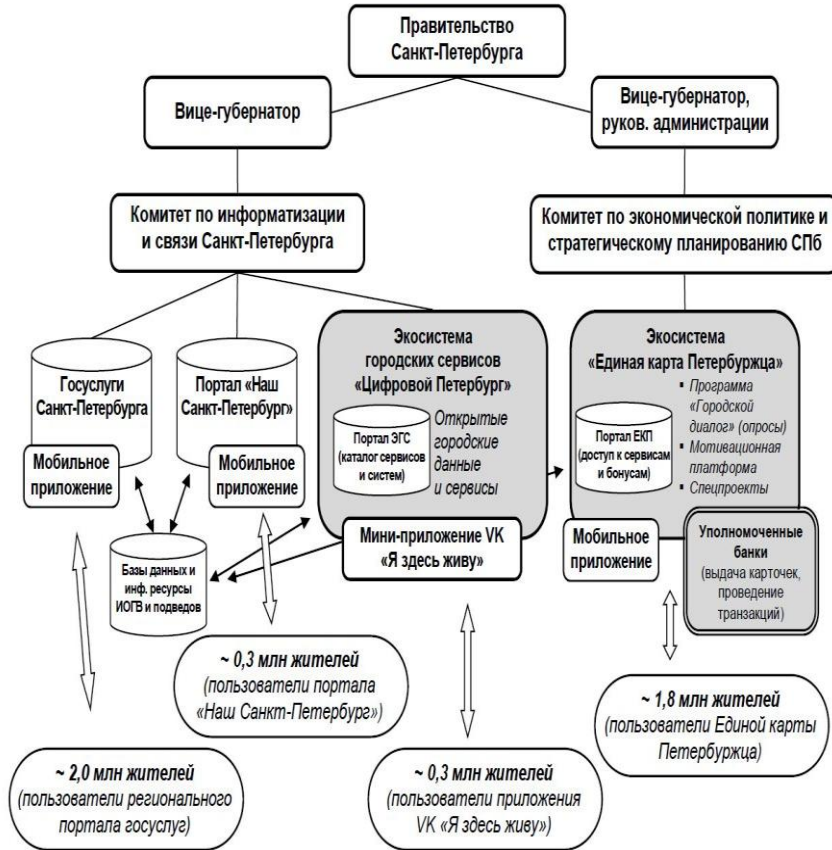

Рисунок 1 – Модель институциональных связей цифровых систем в Санкт-Петербурге (источник: результаты исследования ЦТЭП ИТМО)

Сложности в обеспечении межведомственного информационного взаимодействия возникают и при создании отдельных сервисов. Так, на рис. 2 изображена схема межведомственных связей мини-приложения ЯЗЖ, которая была подготовлена по результатам консультаций с разработчиками и ключевыми экспертами данного проекта. В процессе консультаций подчеркивались значительные усилия, требуемые для организации доступа приложения к ведомственным базам данных. Успешность взаимодействия, таким образом, зависит от «административного веса» курирующего проект вице-губернатора в глазах держателей баз данных, а процесс согласования занимает длительное время.

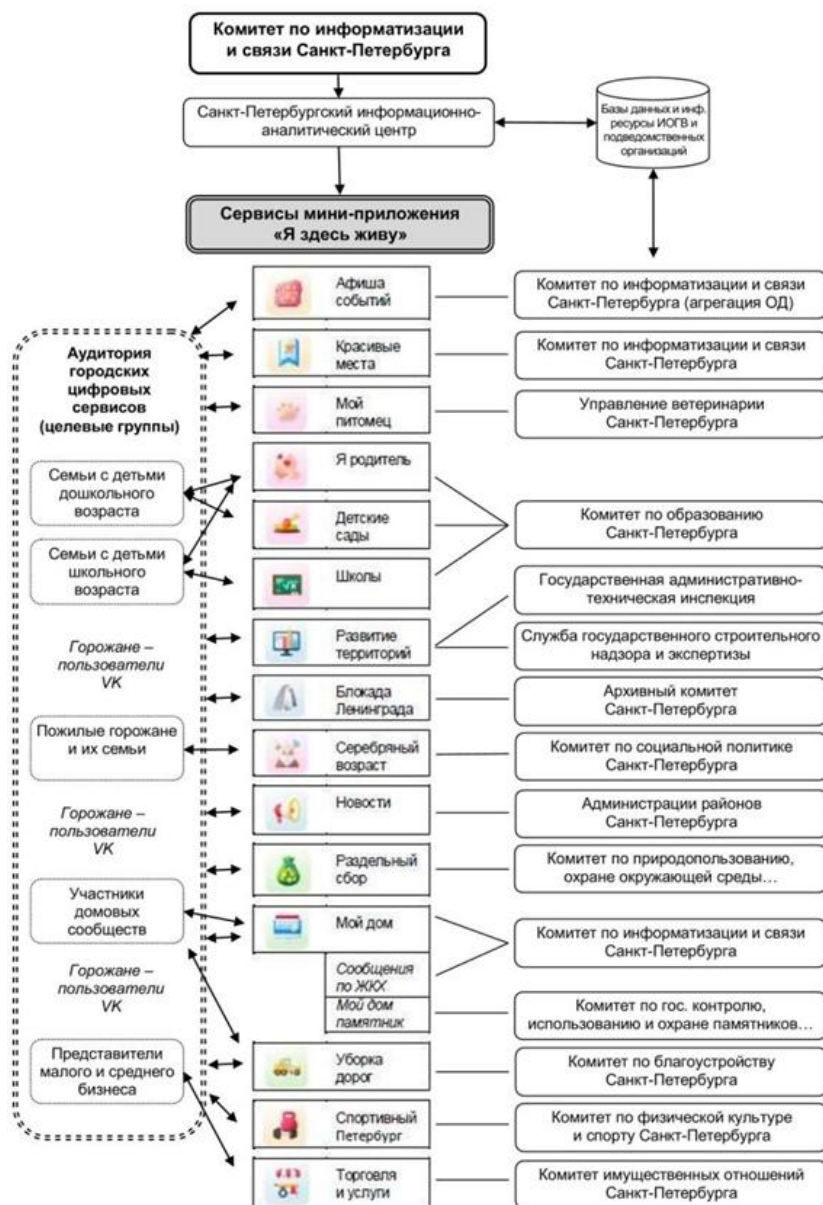

Рисунок 2 – Модель институциональных связей мини-приложения «Я здесь живу» (источник: результаты исследования ЦТЭП ИТМО, по данным СПб ГУП «Санкт-Петербургский информационно-аналитический центр»)

Подобного рода сложности выявлены и относительно создания сервисов Единой карты петербуржца. Например, одним из самых востребованных ее сервисов является транспортное приложение, позволяющее записать на карту льготы для оплаты проезда. Но существует проблема с точки зрения льготы для студентов – на сегодняшний день студенты не могут записать на ЕКП свой проездной билет. Они *«идут, стоят в очереди, и получают свою студенческую карту, и это, на мой взгляд, не технологичная история, это как раз вопрос взаимодействия института и организатора перевозок, потому что списки возникают, которые печатаются на бумаге, как и 15-20 лет назад. И потому что тут еще игрок есть, комитет по транспорту, который не хочет, видимо, терять еще свой контингент»*.

Опрошенные эксперты отмечают сложности в межведомственном взаимодействии как один из главных барьеров на пути создания городских сервисов, которые усложняются отсутствием должного регулирования вплоть до отсутствия нормативного определения понятия «электронный сервис» – «а если нет регуляторики, дальше цифровизация как бы в серой зоне развивается». Эксперты указывают и на то, что внедрение сервисов – это долгий процесс: *«Это же не одного года работа. Вот один сервис внедрить – это около года надо. А представьте, сколько всего сервисов. И это достаточно тяжелая работа на самом деле, цифровизировать и еще через одно окно это сделать. Вот сколько госуслуги работают, до этого там похожая история была, только там вся нормативка, а у нас, условно, «морально-волевая» регуляторика»*.

Таким образом, хотя технологии позволяют создать единую децентрализованную систему цифровых сервисов, и даже наблюдаются отдельные примеры взаимодействия между «экосистемами», их развитие пока идет по административной логике. Она диктует построение множества отдельных «экосистем», а не единой децентрализованной экосистемы с целостной технологической и институциональной средой. Складывается ситуация неявной конкуренции отдельных органов власти в цифровой сфере. Наличие конкурирующих «экосистем» в логике «алгоритмического институционализма» приводит к возникновению различных эффектов. С одной стороны, у граждан появляется возможность выбора наиболее удобного и полезного для них сервиса. С другой стороны, межведомственная конкуренция при создании «экосистем» может смещать фокус с потребностей граждан на возможности

и интересы органов власти, в результате чего полезность таких сервисов может снижаться.

Паттерны взаимодействия пользователей с городскими «экосистемами»

Важным показателем развития цифровых «экосистем» является взаимодействия с ними пользователей. Для оценки этого взаимодействия был проведен ряд опросов жителей города, результаты которых впоследствии дополнялись фокус-группами. В мае 2024 года был проведен опрос через сервис «Городской диалог» портала ЕКП. Репрезентативная по полу, возрасту и районам города выборка составила 3,5 тыс. человек. В целом, результаты опроса продемонстрировали относительно низкую осведомленность о создаваемых в Санкт-Петербурге цифровых сервисах. Так, о приложении ЯЗЖ было известно только 6% респондентов, о портале «Наш Санкт-Петербург» было известно около 36% пользователей (рис. 3).

Рисунок 3 – Степень узнаваемости мини-приложения «Я здесь живу» и портала «Наш Санкт-Петербург» (Опрос ЦТЭП ИТМО через платформу ЕКП, 2024 г., выборка квотная, полвозрастная, N=3500)

Также респондентам был задан вопрос о том, какими региональными и федеральными сервисами они пользовались для подачи обращений и жалоб (рис. 4).

Рисунок 4 – Распределение ответов на вопрос «Какими из перечисленных сервисов Вы пользовались, в том числе подавали обращение/жалобу?», в % (опрос ЦТЭП ИТМО через платформу ЕКП, 2024 г., выборка квотная, половозрастная, N=3500)

Результаты показывают, в частности, что федеральная Платформа обратной связи (ПОС) используется чаще, чем региональный портал «Наш Санкт-Петербург», обращает на себя внимание и низкая популярность ЯЗЖ. Стоит отметить, что ПОС предназначен во многом для тех же целей, что и «Наш Санкт-Петербург» – жалобы на проблемы благоустройства и голосования по проектам улучшения городской среды в городах.

В августе – сентябре 2024 года проведен второй опрос с помощью сервиса «Анкетолог» (выборка в 500 человек была рандомизирована, стратифицирована по полу, возрасту и району проживания). Вопросы касались всех сервисов, за исключением ЕКП. В вопросах по использованию цифровых сервисов респондентам предлагалось выбрать один из трех вариантов ответов: а) не знаю и не использую, б) знаю, но не использую и в) знаю и использую.

Ответы респондентов, в целом, соответствуют результатам предыдущего опроса. Небольшое число граждан всех возрастных категорий пользуются порталом «Наш Санкт-Петербург» (рис. 5), еще меньше – мини-приложением ЯЗЖ (рис. 6).

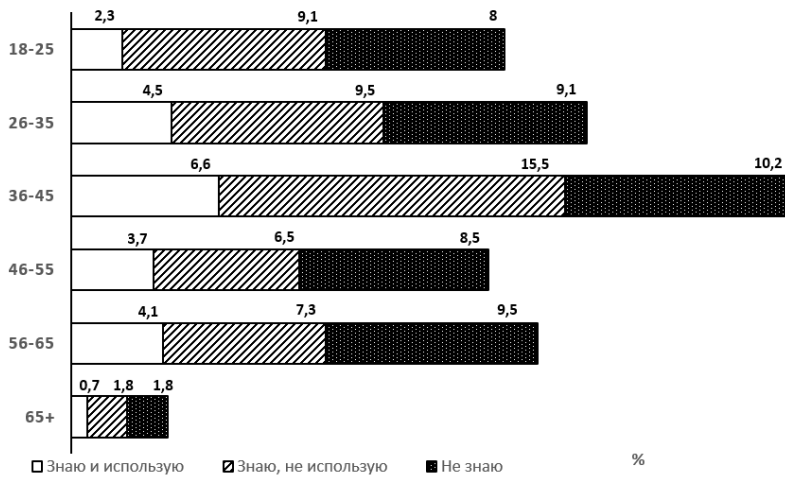

Рисунок 5 – Использование портала «Наш Санкт-Петербург» среди возрастных категорий, в % (опрос ЦТЭП ИТМО через платформу Анкетолог, 2024 г., выборка квотная, половозрастная, N=500)

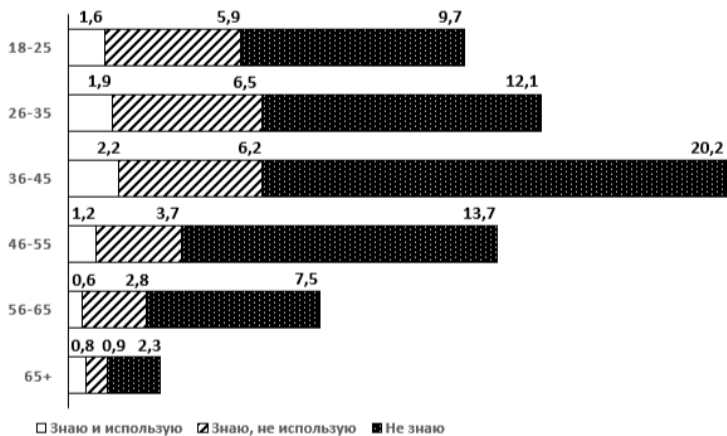

Рисунок 6 – Использование мини-приложения «Я здесь живу» среди возрастных категорий в % (опрос ЦТЭП ИТМО через платформу Анкетолог, 2024 г., выборка квотная, половозрастная, N=500)

Интересно сравнить уровни использования городских сервисов с тем, что предлагают федеральные органы государственной власти. Основным решением в данном случае является Платформа обратной связи (ПОС) Пор-

тала государственных услуг (рис. 7). Оказалось, что общая осведомленность о существовании ПОС, а также общие уровни ее использования выше, хотя ПОС функционирует около 3 лет, в то время как «Наш Санкт-Петербург» существует более 10 лет.

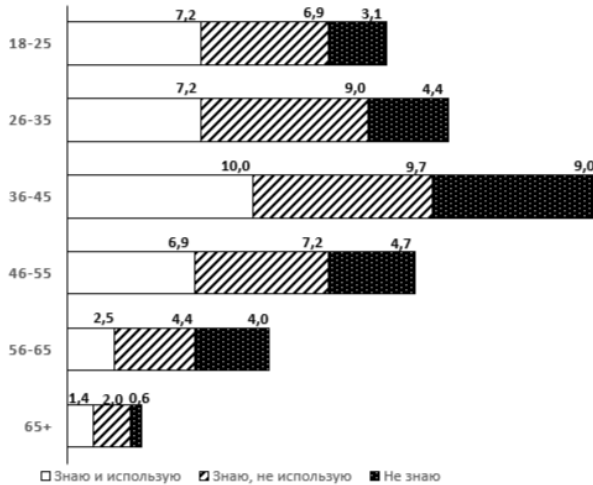

Рисунок 7 – Использование ПОС среди возрастных категорий, в % (опрос ЦТЭП ИТМО через платформу Анкетолог, 2024 г., выборка квотная, половозрастная, N=500)

Даже использование относительно малоизвестных сервисов Минстроя оказалось выше (рис. 8).

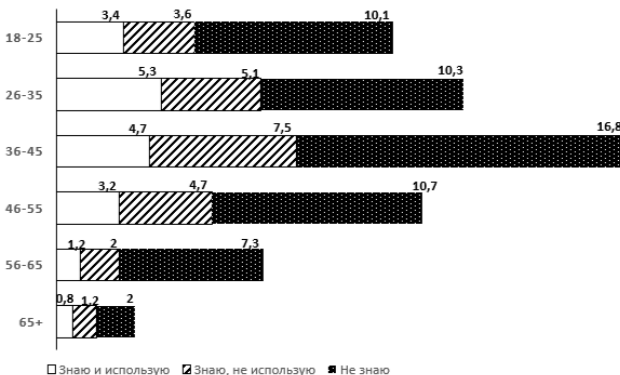

Рисунок 8 – Использование сервисов Минстроя для голосования по проектам благоустройства среди возрастных категорий, в % (опрос ЦТЭП ИТМО через платформу Анкетолог, 2024 г., выборка квотная, половозрастная, N=500)

Процентное соотношение использования портала «Наш Санкт-Петербург» и ПОС представлено на рис. 9.

Рисунок 9 – Узнаваемость и использование ПОС и портала «Наш Санкт-Петербург», в % (опрос ЦТЭП ИТМО через платформу Анкетолог, 2024 г., выборка квотная, половозрастная, N=500)

В вышеуказанных опросах не анализировался опыт использования ЕКП. Чтобы восполнить этот пробел, был проведен вторичный анализ данных двух опросов, проведенных сотрудниками СПб ГКУ «Центр информационного сопровождения» (организация, сопровождающая разработку и внедрение ЕКП). Первый опрос – в социальных сетях, по пабликам районов и внутригородских муниципальных образований (ответили более 900 респондентов); второй опрос – в сервисе «Городской диалог» (то есть среди держателей ЕКП) – ответили 13 тыс. респондентов.

По итогам первого опроса оказалось, что узнаваемость ЕКП намного превышает узнаваемость других цифровых сервисов: только 1% опрошенных впервые слышали о ЕКП. 17% респондентов – слышали, но еще не оформили ЕКП и 82% – имеют карту ЕКП.

Тех, кто осведомлен или пользуется ЕКП (572 человек) дополнительно опрашивали о том, какие сервисы ЕКП они считают полезными и значимыми. Лидирующими оказались сферы транспорта и здравоохранения (рис. 10).

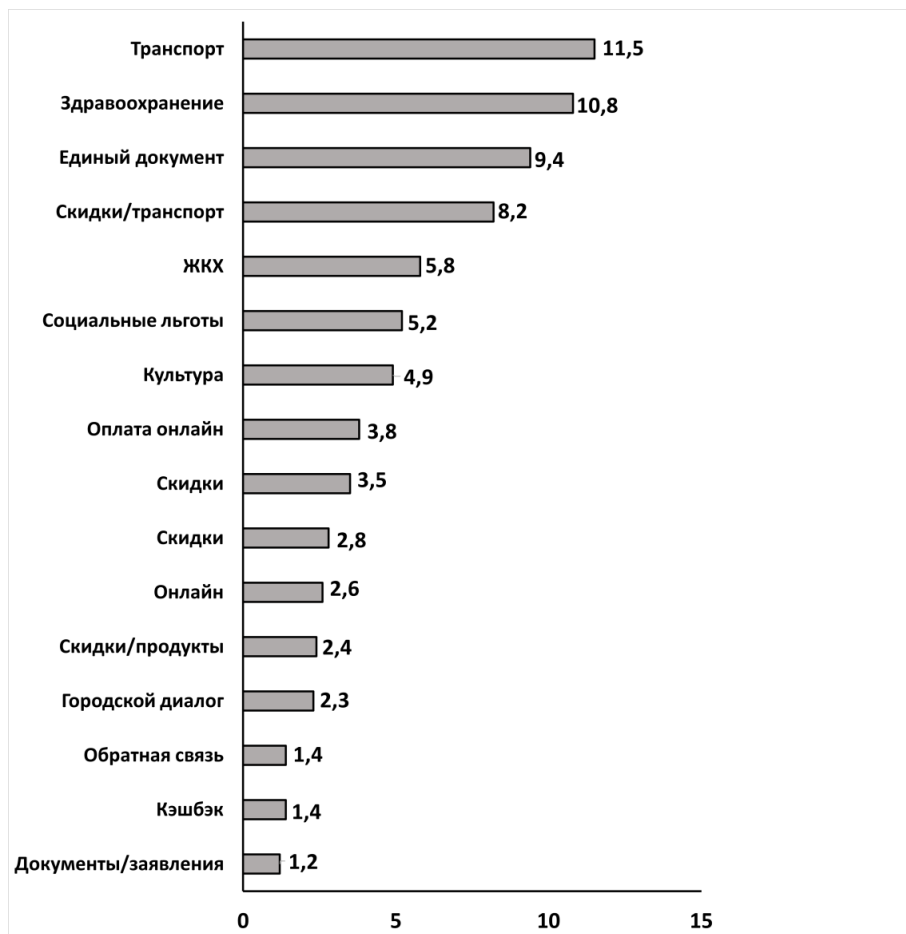

Рисунок 10 – Распределение ответов на вопрос «Какой цифровой сервис ЕКП, на Ваш взгляд, был бы полезен горожанам?», в % (опрос СПб ГКУ «ЦИС» через группы жителей Санкт-Петербурга в социальных сетях, 2024 г., N=935)

Для горожан оказались востребованными функциональные аспекты карты, которую часто используют как транспортное приложение, скидочную или банковскую карту.

Большое количество респондентов привлекает сервис «Магазин поощрений», что указывает на значительный интерес граждан к экономии и выгодам, связанным с использованием карты. Такие сервисы, как «Мои льготы» и «Городской диалог», также имеют высокие показатели (рис. 11). В целом горожане воспринимают как наиболее полезные опции, которые упрощают повседневные задачи и помогают сэкономить.

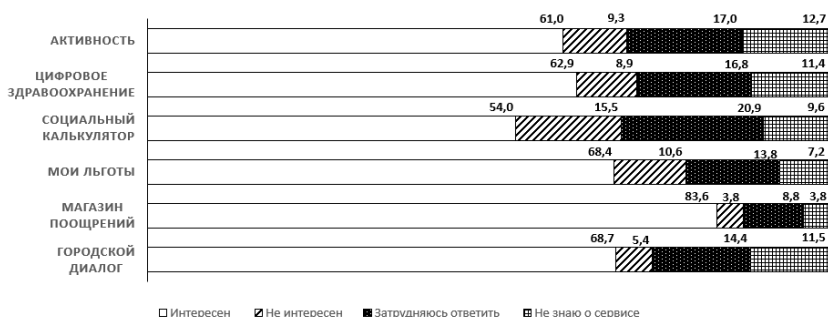

Рисунок 11 – Востребованность сервисов экосистемы «Единая карта петербуржца», в % (опрос СПб ГКУ «ЦИС» через опросную платформу ЕКП, 2024 г., пользователи ЕКП, N=13 274)

В целом, результаты проведенных опросов показывают относительно низкую осведомленность и востребованность городских цифровых сервисов, и склонность граждан к использованию федеральных порталов. Исключением является ЕКП и сервисы системы «Здоровье петербуржца», которые сами по себе являются отдельными экосистемами с разнообразием сервисов и сетью корпоративных партнеров.

В попытке выявить факторы, влияющие на такие паттерны использования сервисов, были проведены фокус-группы, участниками которых выступили жители Санкт-Петербурга шести возрастных групп (18–24, 25–34, 35–44, 45–54, 55–65, 65+), а также дополнительно была проведена одна фокус-группа со смешанным возрастным составом. Количество участников фокус групп составило от 6 до 10 человек, с примерно равным соотношением мужчин и женщин. Все семь фокус-групп были проведены в апреле 2025 года. Участников просили поделиться опытом использования городских цифровых сервисов, высказать свои замечания о качестве существующих сервисов, а также рассказать о положительном опыте их использования и высказаться о том, какие городские сервисы следовало бы создать или улучшить. По итогам фокус-группового исследования удалось выделить стимулы и барьеры на пути использования цифровых сервисов (табл. 1-2).

Основные стимулы к использованию цифровых сервисов, как видно из таблиц, относятся к сокращению транзакционных издержек во взаимодействии граждан с органами власти. К таким институциональным эффектам можно отнести экономию времени и ресурсов (возможность получать бонусы

и скидки). Отчасти это может объяснять популярность ЕКП по сравнению с другими сервисами, поскольку данный сервис предполагает широкую сеть партнерств и бонусные программы. К существенным барьерам относятся как недостатки отдельных сервисов (например, неудобный интерфейс), но и проблемы взаимодействия между сервисами, что снижает их полезность и стимулирует граждан использовать либо федеральные государственные, либо коммерческие сервисы.

Таблица 1 – Стимулы использования цифровых сервисов по итогам анализа фокус-групп

Мини-приложение «Я здесь живу»	Портал «Наш Санкт-Петербург»	Единая карта петербуржца
Быстрый поиск информации рядом с конкретным адресом – интересных событий, мест в школах и детских садах, уборочной техники, пунктов раздельного сбора и т.д. («Это очень удобно, очень приятно, потому что я бы не знала, что у меня МФЦ в пяти минутах ходьбы от меня»).	Единственный региональный сервис, позволяющий подать жалобу по проблемам городского хозяйства («ЖКХ – вот это действительно для меня необходимо, а афишу я могу загуглить и просто в поисковике и посмотреть»).	Удобная оплата общественного транспорта с помощью карты.
Расположение внутри социальной сети («Очень удобно, что на базе ВКонтакте, где со всеми друзьями») Приложение, ну, более удобное, чем ЕКП, это факт»).	Обязательное решения проблемы в соответствии с региональной нормативно-правовой базой («У нас недавно были проблемы с водоотводной трубой. Обратились через сервис. Приехали люди из администрации, сразу все убрали, починили. Вот. Только в таком случае»).	Экономия времени на поиске информации – о социальных выплатах, местах занятий спортом, о банных услугах и т.д. («Удобным оказался социальный калькулятор, потому что, если бы я искала эту информацию на сайтах, мне бы пришлось потратить значительно больше времени, чтобы найти информацию о социальных выплатах»).
В разделе «Мой дом» есть ссылка на сообщество ВКонтакте, где можно сразу найти комьюнити своих соседей.	Экономия времени («Самое главное, никуда не надо идти, чтобы подать заявку»).	Экономия на скидках и акциях, покупке билетов в театр, на проезде («Очень полезен раздел с партнерами и различными акциями, потому что я часто пользуюсь скидками, люблю их»).
Разделение сервисов в соответствии с «социальными ролями» («Человеку, который очень активно участвует в экологии, очень удобно, что в можно узнать пункты раздельного сбора»).	Высокая скорость решения небольших проблем («Мелкие заявки (уборка мусора) удовлетворяются быстро»).	Удобно, что на базе одной платформы совмещается сразу и платёжное приложение, и транспортное приложение, и социальный сертификат, и другие сервисы.

Мини-приложение «Я здесь живу»	Портал «Наш Санкт-Петербург»	Единая карта петербуржца
Достоверность получаемой информации.	Возможность участвовать в жизни города («Мне очень приятно, что я, как простой обыватель, могу зафиксировать какие-то моменты, могу обратиться к власти»).	Возможность участвовать в жизни города («Самое приятное, что у жителей города интересуются, что им нравится, что им не нравится. Я очень обрадовалась, когда увидела различные голосования, которые размещены в разделе «Городской диалог». Спасибо разработчикам за эту возможность быть услышанными»).
	Возможность контролировать решение проблемы («Всегда видно, что какой-то вопрос решён, а какой-то вопрос не решён до конца ещё», «И этого, что самое главное, не избежишь, потому что ты прикрепляешь фотографии и все зафиксировано»).	

Фокус-группы продемонстрировали, как и предыдущие исследования (Грачев, Филатова, 2024; Arkatov & Filatova, 2024), что существует некоторое несоответствие между тем, что предлагают органы власти, и тем, что горожане хотят получить. Возможно, часто структуры власти и управления не имеют информации о потребностях граждан или воспринимают их по-другому, в результате чего услуги не соответствуют ожиданиям. Например, правительство города предоставляет всем владельцам ЕКП предпенсионного и пенсионного возраста социальный сертификат на 1500 рублей для посещения музеев. А участники фокус-групп данных возрастных групп считают такую сумму слишком маленькой и предпочли бы сертификат не в музей, а в театр, бассейн и даже просто «сертификат на бензин, чтобы доехать до дачи». И, несмотря на растущий интерес к электронным сервисам, которые предоставляются посредством ЕКП, говорят, что среди них много ненужных и непонятных сервисов, о которых они или не знают, или не могут разобраться с их функциями. Таким образом, предлагаемые стимулы, которые по мнению разработчиков будут мотивировать пользователей, оказываются не настолько актуальными, в то время как издержки (временные, когнитивные) оказываются значительно выше.

Таблица 2 – Барьеры на пути востребованности цифровых сервисов по итогам анализа фокус-групп

Мини-приложение «Я здесь живу»	Портал «Наш Санкт-Петербург»	Единая карта петербуржца
Трудно найти мини-среди других приложений «ВКонтакте».	Серьезные проблемы не решаются или решаются долго.	Частые технические проблемы - с оплатой в транспорте, со считывателем СНИЛС в поликлиниках, с авторизацией.
Технические проблемы («Не могла зайти в приложение «Я здесь живу»).	Часто проблемы остаются без ответа вообще.	Бюрократические проблемы, межведомственная разобщенность («В поликлиниках отказываются принимать карту вместо полиса»).
Трудности с обратной связью («Искала кнопку для обратной связи, но, к сожалению, ничего не нашла, пришлось заходить в интернет и искать номер телефона обслуживающей службы»).	Отсутствуют какие-либо информационно-рекламные материалы	Слишком много сервисов, трудно разобраться в функционале («Усложнение – я пользуюсь единой картой петербуржца, но скорее потому, что это предоставляет какие-то льготы, нежели чем удобство, я наоборот путаюсь в этом». «Сложно все. У меня глаза разбегаются, непонятно что в каком разделе располагается, какие-то баллы, нет ни единого разъяснения что за баллы, куда и зачем они возвращаются». «Активность 10 000 шагов в приложении ЕКП. Что к чему? Я вообще не поняла»).
Отсутствие интерактивных функций («Не хватает функции загрузки фотографии с комментариями, чтобы они сразу попали в работу»).		Опасность раскрытия данных, записанных на карту («Меня очень пугает цифровизация и я боюсь прикреплять свой СНИЛС, свой полис, свою электронную подпись и если эти функции станут обязательными для владельцев карт, то высокая вероятность того, что я не буду пользоваться этой картой»)
Информация только по Санкт-Петербургу «У меня есть дача в Ленинградской области, и было бы здорово, чтобы этот сервис распространялся не только на Санкт-Петербург и Ленинградскую область».		Мало информации о других сервисах, кроме транспортного приложения («Хотелось бы, чтобы мне побольше рассказывали о том, что в этом приложении может быть еще. Если бы не мой друг, я бы не узнала, что там есть Афиша и другое, я думала, что это только для оплаты проездов в транспорте и просто для оплаты покупок»).
Неудачная сортировка разделов («Я бы изменила однозначно сортировку вообще вот всех разделов.		Недоработанность ряда сервисов «Когда ты хочешь посмотреть про баню, тебя перекидывают на ссылку в Гугле. Вот зачем это?», «Когда пользуешься социальным

Мини-приложение «Я здесь живу»	Портал «Наш Санкт-Петербург»	Единая карта петербуржца
Потому что вот, например, как в разделе «Активное детство», так и в разделе «Серебряный возраст» я нашла очень интересное предложение для себя. Но так как название разделов от меня далеки, я вообще долгое время туда даже не приходила»).		калькулятором, тебе присылают ссылку на почту, чтобы ты мог ознакомиться с льготами и пособиями, которые доступны для твоей категории, но когда ты переходишь на эту ссылку, там написано, что данные устарели. Поэтому социальный калькулятор работает пока что так, хромает»).
Дублирование коммерческих сервисов («Афишу я могу и просто в поисковике найти»).		Отсутствие прямой поддержки от специалистов («Было бы здорово если бы был чат со специалистом, который будет условно сидеть с восьми до шести вечера и отвечать на вопросы, потому что заполнять графы обратной связи проблематично и для людей, которые плохо разбираются в интернете сложно. Вот в госуслугах есть робот Макс»).
Существует только в одном формате мини-приложения в социальной сети («Почему нет отдельного приложения?»).		Мало существенных вопросов для участия в жизни города через сервис «Городской диалог» («Вот на днях завершился опрос, где жители СПб выбирали, какой подарок для женщин лучше на 8 марта. Как мне кажется, такие вопросы вообще не имеют места быть в таком приложении, где мы хотим решать проблемы города в первую очередь»).

Как уже указывалось ранее, «использование электронных сервисов зависит от двух основных факторов: осведомленности и воспринимаемого качества услуг. В свою очередь, на воспринимаемое качество влияет несколько других внешних переменных: восприятие людьми степени безопасности и конфиденциальности электронных сервисов; расхождение между спросом и предложением с точки зрения того, что предлагается, и тем, что люди ищут; и качество контента, включающее в себя оценку не только предоставляемой информации, но также веб-дизайна» (Грачев, Филатова, 2024). Мы уже отметили выше, что осведомленность о существующих городских сервисах мала (за исключением ЕКП). О расхождении между спросом и предложением мы тоже уже упомянули. Что касается воспринимаемой сте-

пени безопасности, то трудно сказать более метко, чем это сделала одна из участниц фокус-группы 65+, отвечая на вопрос «влияют ли сервисы на вашу жизнь»: *«Еще как влияют – сплошные нервы!»*. Ее поддержали остальные участники фокус-группы, отметив, что лучше бы *«сервисы – отдельно, а деньги – отдельно, на другой карте»*. Отметим, что вопросами безопасности обеспокоены участники фокус-групп всех возрастов. Правда больше озабочена конфиденциальностью и возможностью утечки данных – в частности это касается мини-приложения «Я здесь живу», потому что оно функционирует внутри социальной сети ВКонтакте. Но не только этим: *«Я вот абсолютно против того, чтобы все переводить в цифровой формат. Мне кажется, это должно дублироваться как минимум, потому что я сейчас столкнулась с проблемой у нас в университете, когда лег сайт, для меня были очень серьезные последствия с переводом просто потому, что все документы были в цифровом формате»*.

А говоря о воспринимаемом качестве контента, горожане отмечают проблемы с веб-дизайном, навигацией и поиском необходимых сведений при работе со всеми видами цифровых сервисов (*«Я тоже сталкиваюсь с разными проблемами, это, наверное, не столько именно технического характера проблемы по работе сервиса, сколько несоответствие данных сервиса тому, что было, скажем так, на земле»*). К тому же услуги, предоставляемые государственными сервисами, часто дублируют те, что уже существуют, и уступают аналогичным сервисам, предлагаемым IT-компаниями – например, сервис «Афиша» в экосистеме ЕКП или в ЯЗЖ очень похожи на аналогичный сервис в экосистеме Яндекса. Интересно мнение молодежи, например, такое: *«Нет надобности просто, наверное, в подобного рода функционале, тем более что часть его замещают другие какие-то приложения. Наверное, все-таки вот какие-то другие возрастные группы населения, более старшего возраста, они, наверное, были бы больше заинтересованы. Для нас самое важное – это проезд, и БСК полностью закрывает этот вопрос. А то, что предлагается здесь, я бы сказал, что это полезно, но, чтобы я часто этим пользовался...»*. Или такое: *«Я, конечно, понимаю, что здесь пытаются еще и привить интерес к культуре, поэтому здесь музеи и театры, но молодежь... после Пушкинской карты это уже неинтересно!»*

Но, несмотря на выявленные проблемы, горожане делятся и положительным опытом использования цифровых сервисов, правда, в основном – федеральных (*«Я считаю, что Госуслуги – это лучшее, что можно было избоб-*

рести в России. Все очень удобно. В других странах такого нет» или «Часто плохо работают сервисы не из-за того, что на сайте что-то плохо работает, а потому что ведомства, которые отвечают за эти направления, они плохо делают свою работу. Но у меня есть также противоположный опыт, положительный, от скорости оказания услуги») и говорят о своей готовности к их дальнейшему использованию («Ну и как-то уже, ну, что поделать? Приходится дальше использовать» или «Безусловно, опасения есть, но, конечно, пользоваться они не мешают, потому что просто нет выбора, по большому счету»).

В целом результаты фокус-групп позволили сделать вывод о том, что среди горожан существует запрос на использование городских цифровых сервисов, создаваемых правительством Санкт-Петербурга и что цифровые сервисы постепенно становятся частью жизни для социально-активных петербуржцев. И хотя горожане упоминают положительный опыт цифровизации социального городского пространства, в целом интерес и потребность в использовании приложения ряда сервисов весьма низкого уровня.

Заключение

По результатам исследования можно сделать вывод, что в Санкт-Петербурге созданы технологические условия для развития единой децентрализованной цифровой городской экосистемы, которая бы предоставляла возможность омниканального и открытого диалога власти и общества. Однако на данный момент этому препятствует административная логика построения цифровых сервисов, в результате чего новые «правила игры» формируются в контексте сложностей межведомственного взаимодействия. Развитие сервисов идет в логике множества отдельных «экосистем», каждая из которых создает различные возможности, стимулы и издержки для пользователей.

В большинстве случаев, как показывают результаты опросов и фокус-групп, издержки перевешивают возможные выгоды от использования цифровых сервисов, в результате чего их востребованность не очень высока. Несмотря на активное распространение цифровых технологий в городском пространстве, сегодня остается огромное пространство для улучшения функционала каналов взаимодействия городской власти и общества.

Для преодоления выявленных барьеров на пути цифровизации городского пространства, на наш взгляд, необходимы следующие шаги:

1. Увеличить информирование о возможностях и преимуществах цифровых сервисов через рекламу и разъяснительные кампании.
2. Разработать стратегию по улучшению технической поддержки и устранению проблем с доступностью сервисов.
3. Изучить потребности населения и возможность создания новых цифровых сервисов для удовлетворения этих потребностей.
4. Провести дополнительные обучающие мероприятия для пенсионеров по использованию цифровых сервисов и гаджетов.
5. Разработать более простые и доступные алгоритмы для получения бонусов и сертификатов, чтобы повысить доверие к цифровым сервисам.
7. Разработать более доступные и понятные инструкции по использованию цифровых сервисов.
8. Использовать элементы геймификации для привлечения широких слоев посредством бонусов с возможностью их обмена на городские услуги.
9. Активнее развивать сервисы в рамках мобильных платформ и приложений, как наиболее популярных в настоящее время.
10. Обеспечивать возможность участия в опросах, дискуссиях и консультациях с экспертами.

Безусловно, необходима дальнейшая работа по интеграции отдельных систем в единую городскую цифровую экосистему, а также дополнительные усилия по включению граждан и создание вокруг нее сообщества.

Недостаточный учет институциональной картины и социальных потребностей жителей снижает эффективность и результативность создаваемых цифровых сервисов. При этом исследование позволило выявить и позитивные моменты, что создает возможности успешного развития городских цифровых экосистем. Нам удалось визуализировать модель институциональных связей цифровых систем в Санкт-Петербурге и сделать вывод о том, что институциональный подход теоретически и практически плодотворен для расширения охвата исследования цифровизации социального городского пространства.

Разработанная модель позволяет в дальнейшем проводить локальные эмпирические исследования на уровне города, района, муниципалитета с целью выявления социальных эффектов (или их отсутствия) по результатам внедрения конкретных проектов цифровизации. Такие исследования необходимы как для научной сферы, так и для лиц, принимающих решения в сфере территориального развития.

Литература

- Arkatov, D., & Filatova, O. (2024). 'Not what we want': Why do (not) citizens use e-government services? Evidence from St. Petersburg, Russia. 17th International Conference on Theory and Practice of Electronic Governance (ICEGOV 2024), Pretoria, South Africa. NY: ACM, 201-208. <https://doi.org/10.1145/3680127.368015>.
- Ash, J., Kitchin, R., & Leszczynski, A. (2016). Digital turn, digital geographies? Progress in Human Geography, 42 (1), 25–43.
- Barykin, S. Y., Kapustina, I. V., & Kirillova, T. V. (2020). Economics of Digital Ecosystems. Journal of open innovation: technology, market, and complexity, 6, 1–16.
- Cali, D. (2017). Mapping Media Ecology: Introduction to the Field. Peter Lang.
- Dameri, R. P., Rosenthal-Sabroux, C. (ed.). (2014). Smart City. How to Create Public and Economic Value with High Technology in Urban Space. New York: Springer, Progress in IS Series.
- Dawes, S. S., Vidasova, L., & Parkhimovich, O. (2016). Planning and designing open government data programs: An ecosystem approach. Government Information Quarterly, 33 (1), 15-27.
- Ju, J., Liu, L., & Feng, Y. (2019). Design of an O2O Citizen Participation Ecosystem for Sustainable Governance. Information Systems Frontiers, 21, 605-620.
- Hall, P. A., Taylor, R. C. (1996). Political science and the three new institutionalisms. Political studies, 44(5), 936-957.
- Hein, A., Shereieck, M., & Riasanow, T. (2020). Digital platform ecosystems. Electronic markets, 30, 87–98.
- Helmke, G., & Levitsky, S. (2004). Informal Institutions and Comparative Politics: A Research Agenda. Perspectives on Politics. 2, 4, 725-740.
- Hemment, D, & Townsend, A. (2013). Smart citizens. Manchester. Future Everything Publications.
- Kitchin, R., & Dodge, M. (2011). Code/space: software and everyday life. Cambridge, Mass: MIT Press, 2011.
- Komninos, N. (2020). Smart cities and connected intelligence: platforms, ecosystems and network effects. Routledge.
- Lessig, L. (2007). Code Version 2.0. Basic Books.
- Mahnke, M. S. (2019). Exploring user protest against algorithmic personalization. Morensen M., Neumayer C., Poell T. Social Media Materialities and Protest Critical Reflections. New York: Routledge, 129-141.
- Mendonça, R. F., Almeida, V., & Filgueiras, F. (2024). Algorithmic Institutionalism: the changing rules of social and political life. Oxford University Press, 2024, 33-34.
- Misnikov, Y., Filatova, O., & Trutnev, D. (2021). Empirical Modeling of e-Participation Services as media ecosystems. Social Computing and Social Media: Experience Design and Social Network Analysis. 2021, 12774 LNCS, 87-104.
- Misnikov, Y., & Filatova, O. (2022). e-Participation as Mediated Ecosystem? A Case Study on Municipalities of St. Petersburg, Russia. HCI International 2022. Interaction in New Media, Learning and Games. Springer Nature Switzerland AG, 13517. 81-96.

Nardi, B., & O'Day, V. (2000). *Information Ecologies: Using Technology with Heart*. MIT Press, 50-51.

Safransky, S. (2019). Geographies of Algorithmic Violence: Redlining the Smart City. *International Journal of Urban and Regional Research*, 44 (2), 200-218.

Santos, L. G. M. (2019). *Toward the Open Government Ecosystem: Connecting e-Participation Models and Open Government to Analyze Public Policies. Governance Models for Creating Public Value in Open Data Initiatives*. Springer Nature Switzerland AG, 85-102.

Scolari, C. (2012). Media Ecology: Exploring the Metaphor to Expand the Theory. *Communication Theory*, 22 (2), 204-225.

Sharkov, F. I., Silkin V. V., Abramova I. E., & Kirillina N. V. (2018). Viloation of Information Ecology in Media Space. *RUDN Journal of Sociology*, 18, 4, 765-775. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2018-18-4-765-775>.

Stamatis, A., Geronta, A., Dasyras, A., & Tambouris, E. (2020). Using chatbots and life events to provide public service information. *Proceedings of the 13th International Conference on Theory and Practice of Electronic Governance*, 54-61.

Strate, L. A. (2004). Media Ecology Review. *Communications Research Review*, 23 (2), 3-48.

Wang, X., Guo, Y., Yang, M. & et al. (2017). Information ecology research: past, present, and future. *Inf. Technol. Manag.*, 18, 27-39.

Ачкасова, В. А. (2023). Феномен политической экосистемы: роль коммуникаций. *Медиа в современном мире*, 2, 225-226.

Грачев, М. Н, Филатова О. Г. (2024). Социальная результативность городских цифровых сервисов: два года исследований. *X Всероссийский Конгресс политологов*. М., 157-158.

Дьякова, Е. Г. (2011). Переход к электронному правительству как процесс институциональной адаптации. *Антиномии*, 11, 235-252.

Мизинцева, М. Ф., Королева, Л. М., Бондарь, В. В. (2000). *Информационная экология*. М.

Мисников, Ю. Г., Филатова, О. Г. (2021). Сервисы электронного участия в муниципалитетах Санкт-Петербурга: тестирование экосистемного подхода // *Государство и граждане в электронной среде*, 5, 92-11.

Норт, Д. (1997). *Институты, институциональные изменения и функционирование экономики*. Пер. с англ. А. Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. М.: Фонд экономической книги "Начала".

Петрова, Е. В. (2019). Информационная экология в цифровой среде. *Экономические и социально-гуманитарные исследования*, 3 (23), 103-108.

Строев, П. В., Пивоварова, О. В. (2022). Цифровизация городской среды как фактор развития человеческого капитала. *Вопросы инновационной экономики*, 12, 4, 2315-2328. <https://doi.org/10.18334/vinec.12.4.116578>.

Попов, Е. В., Кох, И. А., Семячков, К. А. (2022). Цифровизация социальной инфраструктуры в стратегии развития «умного города». Социологическая наука и социальная практика. 10, 3, 96–114. DOI 10.19181/snsp.2022.10.3.9199.

Сети города: Люди. Технологии. Власти (2021). Под редакцией Е. Лапиной-Кратасюк, О. Запорожец, А. Возьянова. М.: Новое литературное обозрение, 576 с.

Таунсенд, Э. (2019). Умные города: большие данные, гражданские хакеры и поиски новой утопии. М.: Изд-во Института Гайдара.

Филатова, О. Г. (2022). Публичная коммуникация граждан и органов местного самоуправления а экосистеме цифровых сервисов Санкт-Петербурга. Политические вызовы и политический диалог в условиях глобальной турбулентности. М., 467-468.

Фролов, А. А., Соколов, А. В., Егоров, Д. В. (2023). Ключевые характеристики цифровых экосистем в политике. Управленческое консультирование, 2, 46-56.

References

Achkasova, V. A. (2023). Fenomen politicheskoj ekosistemy: rol' kommunikacij // Media v sovremennom mire, 2, 225-226. (In Russ).

Arkotov, D., & Filatova, O. (2024). 'Not what we want': Why do (not) citizens use e-government services? Evidence from St. Petersburg, Russia. 17th International Conference on Theory and Practice of Electronic Governance (ICEGOV 2024), Pretoria, South Africa. NY: ACM, 201-208. <https://doi.org/10.1145/3680127.368015>.

Ash, J., Kitchin, R., & Leszczynski, A. (2016). Digital turn, digital geographies? Progress in Human Geography, 42 (1), 25–43.

Barykin, S. Y., Kapustina, I. V., & Kirillova, T. V. (2020). Economics of Digital Ecosystems. Journal of open innovation: technology, market, and complexity, 6, 1–16.

Cali, D. (2017). Mapping Media Ecology: Introduction to the Field. Peter Lang.

Dameri, R. P., Rosenthal-Sabroux, C. (ed.). (2014). Smart City. How to Create Public and Economic Value with High Technology in Urban Space. New York: Springer, Progress in IS Series.

Dawes, S. S., Vidasova, L., & Parkhimovich, O. (2016). Planning and designing open government data programs: An ecosystem approach. Government Information Quarterly, 33 (1), 15-27.

D'yakova, E. G. (2011). Perekhod k elektronnomu pravitel'stvu kak process institucional'noj adaptacii. Antinomii, 11, 235-252. (In Russ).

Filatova, O. G. (2022). Publichnaya kommunikaciya grazhdan i organov mestnogo samoupravleniya a ekosisteme cifrovyyh servisov Sankt-Peterburga. Politicheskie vyzovy i politicheskij dialog v usloviyah global'noj turbulentnosti. M., 467-468. (In Russ).

Frolov, A. A., Sokolov, A. V., Egorov, D. V. (2023). Klyuchevye harakteristiki cifrovyyh ekosistem v politike. Upravlencheskoe konsul'tirovanie, № 2, 46-56. (In Russ).

Grachev, M.N, Filatova O.G. (2024). Social'naya rezul'tativnost' gorodskih cifrovyyh servisov: dva goda issledovaniy. H Vserossijskij Kongress politologov. M., 2024, 157-158. (In Russ)

Hall, P. A., Taylor, R. C. (1996). Political science and the three new institutionalisms. *Political studies*, 44(5), 936-957.

Hein, A., Shereieck, M., & Riasanow, T. (2020). Digital platform ecosystems. *Electronic markets*, 30, 87-98.

Helmke, G., & Levitsky, S. (2004). Informal Institutions and Comparative Politics: A Research Agenda. *Perspectives on Politics*. 2 (4), 725-740.

Hemment, D, & Townsend, A. (2013). Smart citizens. Manchester. Future Everything Publications.

Ju, J., Liu, L., & Feng, Y. (2019). Design of an O2O Citizen Participation Ecosystem for Sustainable Governance. *Information Systems Frontiers*, 21, 605-620.

Kitchin, R., & Dodge, M. (2011). *Code/space: software and everyday life*. Cambridge, Mass: MIT Press, 2011.

Komninos, N. (2020). Smart cities and connected intelligence: platforms, ecosystems and network effects. Routledge.

Lessig, L. (2007). *Code Version 2.0*. Basic Books.

Mahnke, M. S. (2019). Exploring user protest against algorithmic personalization. Moreensen M., Neumayer C., Poell T. *Social Media Materialities and Protest Critical Reflections*. New York: Routledge, 129-141.

Mendonça, R. F., Almeida, V., & Filgueiras, F. (2024). Algorithmic Institutionalism: the changing rules of social and political life. *Oxford University Press*, 2024, 33-34.

Misnikov, Y., & Filatova, O. (2022). e-Participation as Mediated Ecosystem? A Case Study on Municipalities of St. Petersburg, Russia. *HCI International 2022. Interaction in New Media, Learning and Games*. Springer Nature Switzerland AG, 13517. 81-96.

Misnikov, Y., Filatova, O., & Trutnev, D. (2021). Empirical Modeling of e-Participation Services as media ecosystems. *Social Computing and Social Media: Experience Design and Social Network Analysis*. 2021, 12774 LNCS, 87-104.

Misnikov, Yu. G., Filatova, O. G. (2021). Servisy elektronnoy uchastiya v municipalitetah Sankt-Peterburga: testirovanie ekosistemnogo podhoda. *Gosudarstvo i grazhdane v elektronnoy srede*, 5, 92-11. (In Russ).

Mizinceva, M. F., Koroleva, L.M., Bondar', V.V. (2000). *Informacionnaya ekologiya*. M. (In Russ).

Nardi, B., & O'Day, V. (2000). *Information Ecologies: Using Technology with Heart*. MIT Press, 50-51.

Nort, D. (1997). Instituty, institucional'nye izmeneniya i funkcionirovanie ekonomiki. Per. s angl. A.N. Nesterenko; predisl. i nauch. red. B.Z. Mil'nera. M.: Fond ekonomicheskoy knigi "Nachala". (In Russ).

Petrova, E. V. (2019). Informacionnaya ekologiya v cifrovoj srede. *Ekonomicheskie i social'no-gumanitarnye issledovaniya*, 3(23), 103-108. (In Russ).

Popov, E. V., Koh, I. A., Semyachkov, K. A. (2022). Cifrovizatsiya social'noj infrastruktury v strategii razvitiya «umnogo goroda». *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika*. 10, 3, 96-114. DOI 10.19181/snsp.2022.10.3.9199.EDN AOHMSA. (In Russ)

Safransky, S. (2019). Geographies of Algorithmic Violence: Redlining the Smart City. *International Journal of Urban and Regional Research*, 44(2), 200-218.

Santos, L. G. M. (2019). Toward the Open Government Ecosystem: Connecting e-Participation Models and Open Government to Analyze Public Policies. *Governance Models for Creating Public Value in Open Data Initiatives*. Springer Nature Switzerland AG, 85-102.

Scolari, C. (2012). Media Ecology: Exploring the Metaphor to Expand the Theory. *Communication Theory*, 22 (2), 204-225.

Seti goroda: Lyudi. Tekhnologii. Vlasti (2021). Pod redakciej E. Lapinoj-Kratasyuk, O. Zaporozhec, A. Voz'yanova. M.: Novoe literaturnoe obozrenie (In Russ).

Sharkov, F. I., Silkin V. V., Abramova I. E., & Kirillina N. V. (2018). Viloation of Information Ecology in Media Space. *RUDN Journal of Sociology*, 18(4), 765-775. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2018-18-4-765-775>.

Stamatis, A., Geronta, A., Dasyras, A., & Tambouris, E. (2020). Using chatbots and life events to provide public service information. *Proceedings of the 13th International Conference on Theory and Practice of Electronic Governance*, 54-61.

Strate, L. A. (2004). Media Ecology Review. *Communications Research Review*, 23 (2), 3-48.

Stroev, P. V. Pivovarova, O. V. (2022). Cifrovizaciya gorodskoj sredy kak faktor razvitiya chelovecheskogo kapitala. *Voprosy innovacionnoj ekonomiki*, 12(4), 2315-2328. <https://doi.org/10.18334/vinec.12.4.116578>. (In Russ).

Taunsend, E. (2019). Umnye goroda: bol'shie dannye, grazhdanskije hakery i poiski novoj utopii. M.: Izd-vo Instituta Gajdara. (In Russ).

Wang, X., Guo, Y., Yang, M. & et al. (2017). Information ecology research: past, present, and future. *Inf. Technol. Manag.*, 18, 27-39.

Для цитирования: Филатова О.Г. Институциональные барьеры развития экосистемы цифровых городских сервисов: кейс Санкт-Петербурга / О.Г. Филатова, Ю.А. Кабанов, А.В. Чугунов // PolitBook. – 2025. – № 3. – С. 7-35. – DOI 10.24412/2227-1538-2025-3-7-35.

**В.А. Белый,
Е.Ю. Видясов**

**V. Belyi,
E. Vidasov**

**ОСОБЕННОСТИ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
ЭЛЕКТРОННЫХ СЕРВИСОВ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ВЛАСТИ И ГРАЖДАН: ПО
РЕЗУЛЬТАТАМ ОПРОСА
ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ
ЕДИНОЙ КАРТЫ
ПЕТЕРБУРЖЦА ***

**FEATURES OF USAGE E-
SERVICES FOR
INTERACTION BETWEEN
AUTHORITIES AND
CITIZENS:
THE UNIFIED CARD OF A
ST. PETERSBURG
RESIDENT USER
SURVEY'S RESULT**

Аннотация

Настоящее исследование анализирует модели использования и восприятия цифровых сервисов взаимодействия с государством среди жителей Санкт-Петербурга. Опираясь на неинституциональный подход, статья исследует электронное взаимодействие как комплекс формализованных инструментов и неформальных практик, структурирующих отношения между гражданами и властью. Эмпирическую базу составляет репрезентативный опрос 3500 пользователей Единой карты петербуржца (ЕКП), проведенный в 2024 году. Выборка обеспечивает репрезентативность для взрослого населения города с доверительным интервалом 1,65%. Результаты демонстрируют высокую осведомленность (83,6%) о городских цифровых сервисах (таких как «Здоровье петербуржца» и «Госуслуги Санкт-Петербурга»), однако выявляют парадокс: менее известные платформы, такие как федеральная Платформа обратной связи (ПОС), используются активнее для подачи обращений, чем более узнаваемый местный портал «Наш Петербург». Это позволяет предположить, что функциональность и доверие к федеральным «единым окнам» могут превосходить локальные бренды. Статистический анализ выявил значимые социально-демографические корреляции. В частности, граждане с высоким уровнем дохода значимо чаще оценивают свой опыт подачи обращений как успешный и в большей

Abstract

This study analyzes the patterns of use and perception of digital public services among residents of St. Petersburg. Grounded in a neo-institutional approach, the article examines e-interaction as a complex of formalized tools and informal practices that structure state-citizen relations. The empirical basis is a representative survey of 3,500 holders of the Unified Card of St. Petersburg (UCSP), conducted in 2024. The sample provides representativeness for the city's adult population with a margin of error of 1.65%. The results demonstrate high awareness (83.6%) of city-level digital services (e.g., "Health of St. Petersburg," "Public Services of St. Petersburg"). However, they reveal a paradox: less known platforms, such as the federal Feedback Platform (FCP), are used more actively for filing complaints and appeals than the more recognizable local portal "Our Petersburg." This suggests that the functionality and trust in federal "single windows" may surpass local brands. Statistical analysis revealed significant socio-demographic correlations. Specifically, citizens with high income levels were significantly more likely to rate their experience of filing appeals as successful and were more likely to agree that digitalization enhances government transparency compared to low-income groups. Furthermore, age correlated with user expe-

степени согласны с тем, что цифровизация повышает прозрачность власти, по сравнению с низкодоходными группами. Кроме того, возраст коррелирует с опытом использования: респонденты старше 56 лет реже подают жалобы, но чаще оценивают их как безуспешные. Исследование делает вывод о доминировании в России низкововлеченного, сервисно-ориентированного формата электронного взаимодействия, который, однако, формирует основу для потенциального развития более сложных форм политического участия при условии повышения человекоцентричности и решения проблем цифрового неравенства.

Ключевые слова:

электронные сервисы, гражданское участие, политическое участие, государственные услуги, политические институты, электронное правительство.

rience: respondents over 56 submitted complaints less frequently but rated them as unsuccessful more often. The study concludes that a low-engagement, service-oriented model of e-interaction dominates in Russia, which, nevertheless, lays the groundwork for the potential development of more complex forms of political participation, contingent upon enhancing user-centricity and addressing issues of digital inequality.

Key words:

e-services, civic participation, political participation, public services, political institutions, e-government.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда и Санкт-Петербургского научного фонда №23-18-20079 «Исследование социальной результативности электронного взаимодействия граждан и власти в Санкт-Петербурге на примере городских цифровых сервисов» (<https://rscf.ru/project/23-18-20079/>).

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2025-3-36-53>

Одной из составляющих экосистемы городских сервисов в Петербурге является Единая карта петербуржца (ЕКП) – она представляет собой бесплатную банковскую карту, для оформления которой в один из нескольких крупных банков предоставляется специальный пакет документов. ЕКП позволяет получать льготы при использовании городской транспортной инфраструктуры, может выступать как электронный проездной, применяться вместо полиса ОМС при обращении к врачу. Карта может служить в качестве носителя персональной квалифицированной электронной подписи, заменяя собственноручную подпись гражданина. Портал ЕКП позволяет пользователям получать информационную поддержку, ознакомиться с афишей городских мероприятий, принимать участие в «Городском диалоге» – площадке для выражения своего мнения по ряду городских вопросов. На данный момент каждый 3-й взрослый житель Петербурга имеет ЕКП¹. При этом возможность получения карты не привязана к наличию регистрации в Санкт-

¹ Использование ЕКП 20.01.2025-02.02.2025 (2025). Единая карта петербуржца. <https://ekp.spb.ru/capabilities/dialog/0x2adD5b16230EF0C40F46040Bcbe162f8AB863C9d>

Петербурге, но ее активное использование свидетельствует о фактическом проживании гражданина на территории города.

Платформа ЕКП была определена как перспективная площадка для организации и проведения опросов для политологических исследований в области изучения электронного взаимодействия и участия, поскольку предоставляет широкую репрезентативную выборку удобную для обработки. Одновременно с этим пул респондентов площадки – рядовые жители, имеющую банковскую карту, а не преимущественно пользователи какой-либо из систем государственного взаимодействия.

Практика реализации электронного взаимодействия власти и граждан в России активно изучается вместе с расширением и развитием соответствующих электронных порталов в последние годы (Чугунов, Филатова, 2020). Исследователями отмечается не только лидирующая роль России при внедрении цифровых технологий в государственное управление, но и повышение доступности и качества предлагаемых услуг с помощью электронных инструментов коммуникации (Зыков, Орехова, 2024, с. 75).

Концепт электронного взаимодействия в отечественной и зарубежной политической науке не имеет общепринятого определения. Специфика формализации основных понятий данной исследовательской области может отличаться в зависимости от социально-политической среды, непосредственно уровня развития отдельных исследуемых площадок и сервисов, а также научных интересов того или иного автора.

Электронное взаимодействие власти и граждан в данной работе рассматривается нами как наиболее широкое понятие, подразумевающее современный формат развития социально-политического взаимодействия между населением, органами власти и общественными институтами. Данное определение включает процессы получения государственных и муниципальных услуг; обращения граждан по вопросам здравоохранения, ЖКХ, транспорта и других социально-значимых сфер; инициативное участие в государственной политике и управлении без официальных политико-управленческих полномочий; выражение гражданской позиции и мнений, а также выдвижение социально-политических инициатив.

С вышеуказанным понятием связан термин электронного участия, определяемый отечественными исследователями как комплекс инструментов и методов электронного взаимодействия граждан и органов власти, обеспечивающий при принятии политических решений учет мнения граждан в гос-

ударственном и муниципальном управлении, включающий реагирование на широкий круг проблем (Чугунов, 2017). Таким образом, сервисы электронного взаимодействия и их отдельные инструменты могут выступать в качестве электронных механизмов политического участия граждан. Отметим, что при своем текущем развитии сервисы в России направлены на формат удовлетворения гражданами социально-политических интересов и потребностей без их политизации, а возможные инструменты для диалога и активного участия представителей гражданского общества значительно ограничены по сравнению с многими западными, в первую очередь – европейскими, порталами электронного взаимодействия.

В западной традиции электронное участие рассматривается как процесс взаимодействия гражданского общества с государственными институтами в качестве равноправных партнеров в электронной среде¹. Ключевым принципом такого подхода является участие в демократических процессах на основе диалога (Spirakis et al., 2010). Одним из примеров порталов, соответствующих данной концепции, является «Better Reykjavik» (Лучший Рейкьявик) – исландская платформа онлайн-участия, которая позволяет гражданам разрабатывать не только решения для позитивных изменений в городе, но обсуждать и предлагать улучшения системы государственных услуг, формировать принципы распределения бюджета, что обеспечивает совместную ответственность гражданского общества и представителей власти.

Электронное взаимодействие с помощью ИКТ в западной концепции рассматривается как инструмент обеспечения учета мнения граждан при помощи качественно новой формы коммуникации, имеющей ряд преимуществ по сравнению с традиционными каналами взаимодействия (Adnan et al., 2020). Примером реализованного портала, отображающего указанный принцип является портал «Decidim Barcelona» (Давайте решим) в Барселоне, который способствует вовлечению жителей в решение городских проблем и формирование проактивной гражданской позиции. Особенностью работы данного портала является обеспечение открытых онлайн-обсуждений с выработкой пула наиболее актуальных вопросов для всех горожан с последующей активной поддержкой очных встреч пользователей для сокращения цифрового разрыва. Такие инструменты делают государственные процессы более структурирован-

¹ A union that strives for more: My agenda for Europe. Political guidelines for the next European Commission 2019–2024. (2025). European Commission. https://commission.europa.eu/document/download/063d44e9-04ed-4033-acf9-639ecb187e87_en

ными и прозрачными, позволяют формировать гражданам определенные онлайн и оффлайн группы интересов, в которых может формулироваться совместное решение городских задач и проблем, волнующих жителей.

Несмотря на то, что российский портал государственных услуг имеет инструменты для обратной связи и выражения мнений населения, в первую очередь – Платформу обратной связи (ПОС), нельзя назвать его инструментом электронного политического участия граждан, рассматриваемого в западной политологической науке как одного из элементов электронной демократии. Портал «Наш Петербург», который направлен на работу с обращениями граждан, аналогичным образом, в первую очередь, выполняет сервисную функцию. Тем не менее, уже наличие процессов государственного мониторинга обращений и обозначенных гражданами проблем позволяет говорить об определенном характере опосредованного политического участия, так как власть в рамках выстроенной ею системы коммуникации стремится оперативно реагировать на обращения во избежание политизации неудовлетворенных интересов граждан. Такой тип взаимодействия становится важной частью государственной политики в сфере коммуникации с населением. Стабильный рост популярности портала и числа решенных с его помощью проблем за последние годы обеспечивает власть инструментом мониторинга, а населению позволяет быть услышанному по широкому пулу вопросов, связанных с городской средой и жизненными потребностями.

Некоторые авторы активно исследуют вопрос подлинности социально-политического участия путем взаимодействия через цифровые сервисы. Эта проблема связана с тем, что политическое участие также необходимо рассматривать как индивидуально мотивированную деятельность, влияющую на политику и предполагающую выражение собственных политических взглядов (Van Deth, 2014, с. 352). Ученые отмечают, что несмотря на полное удовлетворение текущими электронными сервисами потребностей в участии в социально-политических процессах, сервисы не обеспечивают возможность влиять на происходящие события (Карагулян, Батырева, 2024, с. 68). Однако несмотря на данный тезис исследователи все равно уверены в том, что даже не политический характер использования сервисов является латентным политическим участием, поскольку в случае роста неудовлетворенности при получении в цифровом формате государственных и муниципальных услуг может произойти политизация недовольства населения.

При этом по мере развития государственная система электронные сервисов, позволяет гражданам не просто демонстрировать собственное социально-политическое отношение к тем или иным вопросам, но и обеспечивает определенную трансформацию государственного управления через аналитические центры, работающие с обращениями гражданами, в частности в рамках сети Центров управления регионом. В результате этого могут сформироваться эффективные каналы гражданского участия, которые будут способствовать развитию действенного сотрудничества общества и власти, повышать вовлеченность людей в решение интересующих их вопросов (Филатова, Чугунов, 2022, с. 132).

В ходе проводимых в Санкт-Петербурге исследований установлено, что некоторые представители органов власти города считают, что значительный функционал электронного участия граждан уже реализован на портале «Единая карта петербуржца», а для подачи и обсуждения инициатив гражданам целесообразно использовать уже имеющийся функционал (Киселева, 2024, с. 155). По нашему мнению, в текущем состоянии порталы выступают, в основном, сервисными площадками, однако их дальнейшая трансформация может быть направлена на расширение инструментов коммуникации и диалога с властью под строгим государственным надзором.

Процессы дальнейшей цифровизации взаимодействия власти и общества должны учитывать интересы населения, оценку пользователями своего опыта взаимодействия, а также социально-демографические и экономические характеристики граждан. Отдельные слои общества всегда будут иметь различные потребности при получении услуг, льгот, требовать особых подходов к коммуникации. При этом уровень неравенства в стране растет вместе с дефицитом бюджета¹, а демографическая ситуация является одной из наиболее активно обсуждаемых проблем социально-политического дискурса. Сохранение социально-политической стабильности и обеспечение удовлетворенности населения с помощью электронных сервисов взаимовыгодно гражданам и власти.

Центр технологий электронного правительства Института дизайна и урбанистики Университета ИТМО организует и проводит регулярные социологические опросы по вопросам развития и функционирования электронной среды и ресурсов взаимодействия власти и граждан среди населения и работников органов государственной власти. В настоящем исследовании мы исходим из неoinституционального подхода для наиболее обстоятельного раскрытия изучае-

¹ Неравенство в России вернулось почти к «досанкционному» уровню. (2025, 7 марта). РБК. <https://www.rbc.ru/economics/07/03/2025/67c96f139a794702ed62e69a>.

мых явлений. Такой подход, с одной стороны, позволяет рассматривать электронные сервисы в виде формализованных инструментов взаимодействия власти и граждан в цифровом формате, а с другой стороны в виде неформальных структур с определяемыми федеральными и региональными властями и служащими правилами, и подходами при построении взаимодействия.

Благодаря сотрудничеству с Центром информационного сопровождения (СПб ГКУ ЦИС), оператора ЕКП, при поддержке руководства организации был проведен пилотный инициативный опрос «Исследование социальной результативности электронного взаимодействия граждан и власти в Санкт-Петербурге на примере городских цифровых сервисов»¹. Цифровая экосистема проекта ЕКП во взаимодействии с государственными и коммерческими структурами, а также различными учреждениями культуры и спорта обеспечивает исследователей широкими инструментами для проведения репрезентативных опросов среди населения.

Расчет выборочной совокупности был проведен на основании данных о численности жителей Санкт-Петербурга, опубликованных на сайте Управления Федеральной службы статистики по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области (Петростат) в зависимости от возрастных и половых характеристик. В результате с доверительной вероятностью 95% полученная с помощью экосистемы ЕКП выборка в 3500 человек обеспечивает репрезентативную оценку характеристик генеральной совокупности – всего населения Санкт-Петербурга (5,59 млн жителей по данным на начало 2024 года)² с погрешностью (доверительным интервалом) в 1,65% (Осипов, 2009, с. 212). Выборка также была репрезентативной по районам Санкт-Петербурга, однако исследование отдельных аспектов развития электронных сервисов по районам города не является предметом настоящей работы.

Первичные полученные от портала ЕКП данные обрабатывались с помощью библиотечных инструментов на языке Python для декодировки адресов, обработки возрастных групп и выявления возможных неточностей в полученных данных. Недостающая информация о пользователе при помощи прямого и обратного геокодирования была заполнена с помощью созданного алгоритма обработки, а затем исходные данные были преобразованы в фор-

¹ Развитие партнерства с экосистемой «Единая карта Петербуржца» (2024, 9 сентября). Новостной портал ЦТЭП ИДУ Университета ИТМО. https://news.egov.itmo.ru/news_2024_09_09.html.

² Численность населения Санкт-Петербурга в разрезе муниципальных образований по состоянию на 1 января 2024 года. (2024). Петростат. <https://78.rosstat.gov.ru/folder/27595>.

мат, подходящий для дальнейшей обработки, в том числе на языке R. В результате был сформирован массива данных, применимых для исследования и обработки. Простые вычисления осуществлялись через MS Excel, для более сложных вычислений применялась программа IBM SPSS Statistics.

Респондентам было предложено ознакомиться со списком наиболее популярных сервисов взаимодействия власти и граждан и определить, какие из них им известны (табл. 1) и какими сервисами они пользовались лично (табл. 3). Список предложенных ресурсов сформирован ЦТЭП исходя из текущего вектора политики цифровизации органов власти, программных документов развития электронного взаимодействия и направлений наиболее актуальных политологических исследований.

На данный момент, наиболее известными порталами являются городские цифровые сервисы, к которым относятся порталы «Здоровье петербуржца», «Госуслуги Санкт-Петербурга» и другие – с ними знакомы почти 84% опрошенных. Наименее известным оказалось мини-приложение социальной сети ВКонтакте «Я здесь живу». Всего около 8% опрошенных оказались не знакомы ни с одним из представленных сервисов. Эти данные коррелируют с ранее проведенными опросами, в ходе которых именно городские социальные сервисы, в первую очередь связанные со здоровьем граждан, наиболее известны и популярны среди пользователей.

Таблица 1 – Известность цифровых сервисов (данные ЦТЭП ИДУ Университета ИТМО, %)

Известность цифровых сервисов взаимодействия власти и граждан	Ресурс известен	Ресурс не известен
Городские цифровые сервисы (например, «Здоровье петербуржца», «Единая карта петербуржца», «Госуслуги Санкт-Петербурга» и др.)	83,6	16,4
Портал «Наш Петербург»	35,8	64,2
ПОС (платформа обратной связи на портале Госуслуг или мобильное приложение «Госуслуги. Решаем вместе»)	29	71
Интернет-ресурсы федеральных органов власти (сайты, паблики, сообщества в соцсетях)	21,5	78,5
Социальные сети региональных органов власти (паблики, сообщества в соцсетях)	21,2	78,8
Не знаком(а) ни с одним из перечисленных ресурсов	8,1	91,9
Мини-приложение ВКонтакте «Я здесь живу»	6,1	93,9

В ходе анализа возрастных групп опрошенных (табл. 2), не знакомых ни с одним из представленных ресурсов, было установлено, что наименьшая осведомленность остается у возрастной группы старше 65 лет. При этом наиболее осведомленной группой наравне с молодёжью от 18 до 25 лет является возрастная группа от 56 до 65 лет. Это может быть связано со значительным количеством сервисов, позволяющим получать различные льготы и услуги гражданам предпенсионного возраста, а также серьезной работой городской и федеральной власти по обучению пожилых граждан взаимодействию с властью через интернет-сервисы.

Таблица 2 – Известность цифровых сервисов в зависимости от возраста (данные ЦТЭП ИДУ Университета ИТМО, %)

Известность цифровых сервисов взаимодействия власти и граждан	Ресурс известен	Ресурс не известен
Городские цифровые сервисы (например, «Здоровье петербуржца», «Единая карта петербуржца», «Госуслуги Санкт-Петербурга» и др.)	83,6	16,4
Портал «Наш Петербург»	35,8	64,2
ПОС (платформа обратной связи на портале Госуслуг или мобильное приложение «Госуслуги. Решаем вместе»)	29	71
Интернет-ресурсы федеральных органов власти (сайты, паблики, сообщества в соцсетях)	21,5	78,5
Социальные сети региональных органов власти (паблики, сообщества в соцсетях)	21,2	78,8
Не знаком(а) ни с одним из перечисленных ресурсов	8,1	91,9
Мини-приложение ВКонтакте «Я здесь живу»	6,1	93,9

Из полученной в ходе опроса группы осведомленных о представленных сервисах граждан – 84,7% использовали сервисы лично. Среди группы осведомленных – 77,2% лично подавали через один из названных сервисов обращение и/или жалобу. Относительно общего числа опрошенных получается, что 65,3% от всех горожан используют цифровые сервисы именно для подачи жалоб и обращений по волнующим их вопросам. Специфика российского общества позволяет сформулировать аккуратное предположение о превалировании низко вовлечённого формата электронного участия, который, в первую очередь, характеризуется подачей запросов на разрешение насущных проблем на местах и обращения к конкретным органам власти, а не широкий демократический диалог между гражданским обществом и пра-

вительственными структурами. Такая специфика взаимодействия в будущем может стать основой для более активного вовлечения граждан в электронное политическое участие в случае предоставления удобных инструментов на государственных порталах.

Примечательно, что более известный горожанам портал «Наш Петербург» уступает по частоте личного использования менее известной среди опрошенных Платформе обратной связи Госуслуг (табл. 3). Если для городских сервисов и ПОС среди знающих о данных сервисах опыт использования имеют 85% и 83%, то для осведомленных о портале «Наш Петербург» их доля составляет 63%. Это может быть свидетельством не только широкой рекламы городскими властями портала, повышающей узнаваемость «бренда» портала, но и о большей функциональности и доверии граждан к федеральным порталам, являющимися единым окном обращения по широкому спектру вопросов. Данная гипотеза требует дальнейшего анализа и изучения.

Таблица 3 – Личный опыт использования сервисов (данные ЦТЭП ИДУ Университета ИТМО, %)

Личный опыт использования сервисов, включая подачу обращений/жалоб	Имеется	Отсутствует
Городские сервисы (например, «Здоровье петербуржца», «Единая карта петербуржца», «Госуслуги Санкт-Петербурга» и др.)	71,4	28,6
ПОС (платформа обратной связи на портале Госуслуг или мобильное приложение «Госуслуги. Решаем вместе»)	24,2	75,8
Портал «Наш Петербург»	22,6	77,4
Интернет-ресурсы федеральных органов власти (сайты, паблики, сообщества в соцсетях)	11,8	88,2
Социальные сети региональных органов власти (паблики, сообщества в соцсетях)	10,1	89,9
Мини-приложение ВКонтакте «Я здесь живу»	2,3	97,7

Необходимо отметить, что граждане чаще лично используют интернет-ресурсы федеральных органов власти, чем социальные сети региональных органов власти: 55% и 48% соответственно имеют опыт использования этих интернет-ресурсов. Тем не менее, данные результаты могут быть обусловлены тем, что социальные сети региональных властей граждане используют с целью получения информации, а не активного взаимодействия для решения текущих проблем, что не позволяет сформировать предположение о большем доверии к федеральным площадкам, которое могло бы объяснить превосходящую популярность федеральных порталов.

Среди респондентов, имеющих опыт подачи жалоб, также определялась степень успешности обращения исходя из личной оценки по пяти-балльной шкале: «безуспешно», «скорее безуспешно», «средний уровень успешности», «скорее успешно» и «успешно». Для удобства дальнейшего анализа ответы «успешно» и «скорее успешно» были объединены в группу «в целом успешно», а ответы «скорее безуспешно» и «безуспешно» в группу «в целом безуспешно» (табл. 4).

Таблица 4 – Оценка успешности обращения в случае подачи обращения/жалобы в органы власти с помощью электронных сервисов (данные ЦТЭП ИДУ Университета ИТМО, %)

Степень успешности	% проголосовавших
Успешно	18,1
Скорее успешно	29,0
Средний уровень успешности	29,7
Скорее безуспешно	13,1
Безуспешно	10,1

Среди тех, кто подавал обращение/жалобу в органы власти с помощью электронных сервисов, «в целом безуспешно» свой опыт оценили 23,1%. Напротив, 47,2% опрошенных считают свой опыт, «в целом успешным», остальные отметили средний уровень успешности.

При прохождении опроса граждане также указывали свой пол, уровень образования и доходов. Эти данные позволяют проанализировать возможные зависимости личных параметров опрошенных и успешность использования сервисов при обращении. В ходе обработки результатов опроса с помощью статистических инструментов, включая Excel и IBM SPSS Statistics, мы проанализировали степень зависимости между уровнем доходов населения и успешностью использования гражданами сервисов при подаче обращений/жалоб в органы власти.

Для оценки гражданами своего уровня дохода в опросе было предложено 5 категорий доходов: высокие, выше среднего, средние, низкие и очень низкие. При обработке результатов опроса для поиска дальнейших зависимостей доходы граждан были разделены на 3 категории:

- высокие (достаточны для приобретения продуктов питания и одежды, оплаты КУ, покупки бытовой техники, но поездка на отдых всей семь-

ей/приобретение дорогостоящей техники/мебели представляет трудности или достаточны практически для любых трат, таких как покупка жилья, автомобиля и дорогостоящего отпуска);

- средние (достаточны для приобретения продуктов питания и одежды, оплату коммунальных услуг, но покупка телевизора, холодильника и т.п. представляет трудности);

- низкие (достаточны только для приобретения продуктов питания и/или оплаты коммунальных услуг или достаточны для приобретения продуктов питания, оплату коммунальных услуг, но даже покупка одежды уже может иногда представлять трудности).

В результате проведенного микроанализа таблиц сопряженности (табл. 5) было установлено, что граждане с высокими доходами гораздо чаще в целом успешно оценивают свой опыт подачи жалоб и обращений, чем граждане с низким уровнем доходов. У первых по альтернативе «в целом успешно», наблюдается значимый положительный стандартизованный остаток (+3,6), а у вторых значимый отрицательный стандартизованный остаток (-3,6). Аналогичным образом по альтернативе «в целом безуспешно» у первых наблюдается значимый отрицательный стандартизованный остаток

(-2,7), а у вторых значимый положительный стандартизованный остаток (3,5).

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что успешность подачи обращений и жалоб с помощью электронных сервисов взаимодействия власти и граждан связана с уровнем доходов населения. При этом среди группы граждан с высоким уровнем доходов также наблюдается значимый отрицательный стандартизованный остаток по альтернативе «средней уровень успешности», что говорит о повышении удовлетворенности за счет сокращения группы граждан, определяющих свою удовлетворенность как среднюю.

По результатам опроса 2024 года установлено, что почти 63% респондентов, в целом, согласны с утверждением о том, что развитие цифровых сервисов взаимодействия власти и граждан повышает степень прозрачности и подотчетности органов власти гражданам. Высока доля тех, кто затруднился ответить – таких 21%, а 16% граждан, в целом, не согласны с данным утверждением. Прозрачность и подотчетность органов власти тесно связана с доверием граждан к взаимодействию с властью через инструменты электронного управления. Отметим, что в одном из ранее проведенных исследований среди представителей исполнительных органов власти было выявле-

но, что также около 60% респондентов-сотрудников ИОГВ считают, что уже в текущем состоянии сервисы повышают доверие граждан к органам власти, тогда как около 13% не согласились с данным утверждением. Сопоставимость полученных цифр лишь подчеркивает взаимосвязь параметров прозрачности и доверия (Кузнецов, Белый, 2023, с. 28)¹.

Таблица 5 – Зависимость использования сервисов взаимодействия граждан и органов власти для подачи обращений/жалоб от уровня доходов (данные ЦТЭП ИДУ Университета ИТМО)

Если Вы подавали обращение/жалобу в органы власти с помощью электронных сервисов, порталов, оцените успешность Вашего обращения.		Уровень доходов		
		Высокие	Средние	Низкие
В целом успешно	% от общего числа опрошенных по уровню дохода	37,5	31,0	24,6
	Стандартизованный остаток	3,6	0,2	-3,6
Средний уровень успешности	% от общего числа опрошенных по уровню дохода	16,4	20,6	20,3
	Стандартизованный остаток	-2,1	1,1	0,6
В целом безуспешно	% от общего числа опрошенных по уровню дохода	11,6	14,3	19,4
	Стандартизованный остаток	-2,7	-0,8	3,5
Не подавал обращение	% от общего числа опрошенных по уровню дохода	34,5	34,0	35,7
	Стандартизованный остаток	-0,1	-0,4	0,6

Оценка влияния сервисов на степень прозрачности и подотчетности среди респондентов взаимозависима с уровнем доходов граждан, что также подтверждается микроанализом таблиц сопряженности (табл. 6). Граждане с высокими доходами гораздо чаще чем граждане с низким уровнем доходов в целом согласны с утверждением, что развитие цифровых сервисов взаимодействия граждан и власти повышает степень прозрачности органов власти и их подотчетности гражданам. У первых по альтернативе «в целом, согласен», наблюдается значимый положительный стандартизованный остаток (+2,3), а у вторых значимый отрицательный стандартизованный остаток (-3,1).

¹ Кузнецов, А. Г. & Белый, В. А. (2023). Применение инструментов электронного управления сотрудниками органов власти: вопросы доверия. Интернет и современное общество: Труды XXVI международной объединенной конференции «Интернет и современное общество» (с. 28).

Таблица 6 – Зависимость оценки влияния развития цифровых сервисов на прозрачность и подотчётности органов власти гражданам от уровня доходов (данные ЦТЭП ИДУ Университета ИТМО)

Согласны ли Вы с утверждением, что развитие цифровых сервисов взаимодействия граждан и власти повышает степень прозрачности органов власти и их подотчётности гражданам, или нет?		Уровень доходов		
		Высокие	Средние	Низкие
В целом, согласен	% от общего числа опрошенных по уровню дохода	68,7%	64,2%	54,9%
	Стандартизованный остаток	2,3	0,8	-3,1
Затрудняюсь ответить	% от общего числа опрошенных по уровню дохода	19,3%	21,0%	24,5%
	Стандартизованный остаток	-1,4	-0,5	2,0
В целом, не согласен	% от общего числа опрошенных по уровню дохода	12,0%	14,8%	20,6%
	Стандартизованный остаток	-2,9	-1,0	3,9

Граждане также выражали свою степень согласия с утверждением, что развитие цифровых сервисов взаимодействия граждан и власти в последние три года позволяет быстрее и удобнее решать возникающие проблемы. В результате 66% опрошенных в целом согласны с данным утверждением, в целом не согласились 13% опрошенных, а 20% респондентов затруднились ответить. В рамках исследований ЦТЭП в 2020 году и в 2021 году проводились опросы граждан, в ходе которых им предлагалось определить свою степень согласия с аналогичным утверждением о том, что благодаря интернету, они стали решать свои проблемы и задачи при взаимодействии с органами власти эффективнее. В 2020 году таких граждан было 39%, в 2021 году их количество увеличилось до 45% (Белый, 2021, с. 129), полученные же данные в ходе опроса среди пользователей ЕКП подтверждают стабильную тенденцию роста оценки удовлетворенности граждан эффективностью решения своих проблем через электронные сервисы.

Добавим, что при микроанализе таблиц сопряженности уровня доходов и степени согласия с тезисом о том, что за последние 3 года развитие сервисов позволило быстрее решать проблемы наблюдается аналогичная тенденция, как и в случае с предыдущим высказыванием. Граждане с высоким уровнем доходов чаще граждан с низким уровнем доходов отмечают, что улучшения есть и проблемы стали решаться быстрее и эффективнее с помощью сервисов.

В ходе исследования также было выявлено, что параметры пола и образования респондентов не влияют на успешность подачи обращений и не имеют значимых зависимостей со степенью оценки эффективности сервисов. В это же время разные возрастные группы демонстрируют различные результаты по опыту использования сервисов. Так, не подавали жалобы/обращения из возрастной группы от 18 до 35 лет – 41% респондентов, из группы от 36 до 55 лет – 34%, а из группы старше 56 лет лишь 30%. При этом уровень успешности обращений также находится в зависимости от возраста. Вариант оценки подачи жалобы/обращения по альтернативе «в целом, безуспешно» среди граждан от 18 до 35 лет выбрали 12% опрошенных данной возрастной группы, от 36 до 55 лет – 15%, а старше 56 лет уже почти 18%. Данные результаты требуют дальнейшего изучения причин разного уровня неудовлетворенности указанных возрастных групп, поскольку это может свидетельствовать о том, что имеющийся функционал сервисов не обеспечивает необходимыми возможностями представителей пожилого возраста. Влияние возраста на отношение пользователей к оценке эффективности решения проблем через сервисы и оценки влияния сервисов на прозрачность и подотчетность власти гражданам выявлено не было.

Пилотный опрос, проведенный среди пользователей ЕКП, позволил получить достаточные данные для анализа развития системы электронных государственных сервисов в Санкт-Петербурге как в одном из российских городов-лидеров цифровизации. Результаты исследования позволили подтвердить тенденцию наибольшей популярности и известности среди граждан сервисов, функционирующих в областях здравоохранения, системы городского транспорта, а уже затем в области решения проблем граждан. В ходе исследования было выявлено, что известность портала не гарантирует ему популярность использования, поскольку менее известные порталы в итоге могут использоваться гражданами для своих обращений чаще.

Социально-демографические параметры имеют значительное влияние на структуру использования порталов и отношение к ним. Граждане с высоким уровнем доходов со значительно большим успехом подают жалобы и обращения, чем граждане с низким уровнем доходов. Данный результат может свидетельствовать как о большей функциональности и полезности сервисов для более обеспеченных пользователей (например, сервисы для предпринимателей, электронные сервисы для получения заграничного паспорта, иностранных прав и др.), так и о том, что данная группа граждан

значительно выше ценит свое сэкономленное время за счет эффективных электронных инструментов взаимодействия при получении различных услуг, чем это делает группа с низкими доходами. В качестве предположения отметим, что такая оценка при подаче жалоб и обращений может свидетельствовать и об общем низком уровне доверия к власти и сервисам со стороны наименее обеспеченных граждан, невозможности получить необходимые льготы через сервисы. В условиях старения населения и имеющихся демографических проблем особую актуальность обретает эффективное использование сервисов для различных возрастных групп. Рост неудовлетворенности граждан старших возрастных групп является тревожным сигналом для текущего состояния сервисов. Причины неудовлетворенности отдельных возрастных групп требуют более тщательного изучения для принятия соответствующих управленческих решений.

В ходе дальнейших исследований предполагается уделить особое внимание параметрам доверия к сервисам регионального и федерального уровня, поскольку они будут формировать общее доверие к социально-политическому взаимодействию в условиях продолжающейся цифровизации процессов коммуникации.

Способность порталов электронного взаимодействия эффективно развиваться и выступать в качестве инструментов не только сервисного обеспечения населения, но поддержки социально-политической стабильности, снижения социальной напряженности, развития гражданского общества будет зависеть от общей направленности порталов на гражданина, то есть от их человекоцентричности. В противном случае инструменты электронного взаимодействия и политического участия станут площадками для легитимизации ранее утвержденных властью решений по принципам «democrasy-washing», когда реального влияния на решения и возможность выносить свои предложения для граждан не существует. Поиск совместных с представителями власти и гражданами решений позволит как обеспечить эффективность работы с обращениями граждан, так и повысить доверие в системе взаимодействия, снизить издержки (Liu, 2022). В этой связи необходимо дальнейшее изучения степени удовлетворения интересов граждан при использовании порталов и вовлечения представителей власти в решение проблем граждан, диалог с ними.

В заключении отметим, что дальнейший успех цифровой трансформации в сфере взаимодействия с гражданами будет также определяться пара-

метрами безопасности использования электронных порталов, спецификой моделей и путей работы с обращениями граждан (Троян, 2025). Параметры оценки безопасности, удобства и ощущения пользователем человекоцентричности сервиса, когда ему пытаются помочь, а не отписаться от его проблемы, должны быть включены в дальнейшие опросы и проанализированы отдельно в категориях региональных (местных) и федеральных порталов взаимодействия.

Литература

Adnan, M., Ghazali, M. & Othman, N. Z. S. (2022). E-participation within the context of e-government initiatives: A comprehensive systematic review. *Telematics and Informatics Reports*, 8, 100015. <https://doi.org/10.1016/j.teler.2022.100015>.

Liu, H. (2022). Crowdsourcing: Citizens as coproducers of public services. *Policy & Internet*, 13(2), 315–331. <https://doi.org/10.1002/poi3.249>.

Spirakis, G., Spiraki, C., & Nikolopoulos, K. (2010). The impact of electronic government on democracy: E-democracy through e-participation. *Electronic Government, an International Journal*, 7(1), 75–88. <https://doi.org/10.1504/EG.2010.029892>.

Van Deth, J. W. (2014). A conceptual map of political participation. *Acta Politica*, 49(3), 349–367. <https://doi.org/10.1057/ap.2014.6>.

Белый, В. А. (2021). К вопросу о доверии к электронным государственным сервисам: по результатам исследований в Санкт-Петербурге. *International Journal of Open Information Technologies*, 9(12), 126–132.

Зыков, Д. А. & Орехова, М. С. (2024). Развитие электронного взаимодействия граждан и органов государственной власти в Российской Федерации. *Экономика и бизнес: теория и практика*, (11-2(117)), 73–76.

Карагулян, Е. А. & Батырева, М. В. (2024). Социально-политическое участие с использованием цифровых сервисов: пустой ритуал или подлинное участие? *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*, 17(1), 65–83.

Осипов, Г. В. (2009). Рабочая книга социолога. Москва: Книжный дом «Либриком». 480 с.

Троян, Н. А. (2025). Влияние современных платформенных решений как ключевого инструмента государственного управления в условиях цифровой трансформации. *Мониторинг правоприменения*, (1[54]), 36–43.

Филатова, О. Г. & Чугунов, А. В. (2022). Развитие экосистемы электронного участия в России в начале 2020-х: роль социальных медиа и центров управления регионами. *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК*, 18(2), 120–137.

Чугунов, А. В. (2017). Электронное участие в контексте трансформации концепции демократии. *Управленческое консультирование*, (8), 14–20. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2017-8-14-20>.

Чугунов, А. В. & Филатова, О. Г. (2020). Электронное участие: концептуализация и практика. Санкт-Петербург: Алетейя.

References

- Adnan, M., Ghazali, M. & Othman, N. Z. S. (2022). E-participation within the context of e-government initiatives: A comprehensive systematic review. *Telematics and Informatics Reports*, 8, 100015. <https://doi.org/10.1016/j.teler.2022.100015>.
- Belyi, V. A. (2021). K voprosu o doverii k elektronnyim gosudarstvennym servisam: po rezul'tatam issledovaniia v Sankt-Peterburge. *International Journal of Open Information Technologies*, 9(12), 126–132. (In Russ).
- Chugunov, A. V. & Filatova, O. G. (2020). Elektronnoe uchastie: kontseptualizatsiia i praktika. Sankt-Peterburg: Aleteiia. (In Russ).
- Chugunov, A. V. (2017). Elektronnoe uchastie v kontekste transformatsii kontseptsii demokratii. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, (8), 14–20. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2017-8-14-20> (In Russ).
- Filatova, O. G. & Chugunov, A. V. (2022). Razvitie ekosistemy elektronного uchastiia v Rossii v nachale 2020-kh: rol' sotsial'nykh media i tsentrov upravleniia regionami. *Politicheskaiia ekspertiza: POLITEKS*, 18(2), 120–137. (In Russ).
- Karagulyan, E. A. & Batyreva, M. V. (2024). Sotsial'no-politicheskoe uchastie s ispol'zovaniem tsifrovyykh servisov: pustoi ritual ili podlinnoe uchastie? *Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta. Sotsiologiya*, 17(1), 65–83. (In Russ).
- Kiseleva, D. A. (2024). Gorodskie tsifrovye servisy pravitel'stva SPb: ot udovletvoreniia potrebnosti zhitel'ei k podderzhke grazhdanskoi aktivnosti? In *Vozmozhnosti i ugrozy tsifrovogo obshchestva: Materialy konferentsii*, 18–19 apreliia 2024 goda (pp. 151–157). Iaroslavl': Iaroslavskii gosudarstvennyi universitet im. P. G. Demidova. (In Russ).
- Liu, H. (2022). Crowdsourcing: Citizens as coproducers of public services. *Policy & Internet*, 13(2), 315–331. <https://doi.org/10.1002/poi3.249>.
- Osipov, G. V. (2009). *Rabochaya kniga sotsiologa*. Moskva: Knizhnyi dom "Librikom". (In Russ).
- Spirakis, G., Spiraki, C. & Nikolopoulos, K. (2010). The impact of electronic government on democracy: E-democracy through e-participation. *Electronic Government, an International Journal*, 7(1), 75–88. <https://doi.org/10.1504/EG.2010.029892>.
- Troian, N. A. (2025). Vliianie sovremennykh platformennykh reshenii kak kluchevogo instrumenta gosudarstvennogo upravleniia v usloviakh tsifrovoi transformatsii. *Monitoring pravoprimeneniia*, (1[54]), 36–43. (In Russ).
- Van Deth, J. W. (2014). A conceptual map of political participation. *Acta Politica*, 49(3), 349–367. <https://doi.org/10.1057/ap.2014.6>.
- Zykov, D. A. & Orekhova, M. S. (2024). Razvitie elektronного vzaimodeistviia grazhdan i organov gosudarstvennoi vlasti v Rossiiskoi Federatsii. *Ekonomika i biznes: teoriia i praktika*, 11-2 (117), 73–76. (In Russ).

Для цитирования: Белый В.А. Особенности использования электронных сервисов взаимодействия власти и граждан: по результатам опроса пользователей единой карты петербуржца / В.А. Белый, Е.Ю. Видясов // PolitBook. – 2025. – № 3. – С. 36–53. – DOI 10.24412/2227-1538-2025-3-36-53.

**О.А. Игнатьева,
И.И. Толстикова,
А.В. Плетнев,
К.С. Кондратенко,
Ю.Ю. Платонова**

**O. Ignatjeva,
I. Tolstikova,
A. Pletnev,
K. Kondratenko,
Iu. Platonova**

**ДОСТУПНОСТЬ
ЦИФРОВЫХ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ
УСЛУГ ДЛЯ ИНВАЛИДОВ:
БАРЬЕРЫ И
ПЕРСПЕКТИВЫ
СОЦИАЛЬНОЙ
ИНКЛЮЗИИ В РОССИИ**

**ACCESSIBILITY OF
DIGITAL PUBLIC
SERVICES
FOR DISABLED PEOPLE:
BARRIERS AND
PROSPECTS FOR SOCIAL
INCLUSION IN RUSSIA**

Аннотация

Статья посвящена изучению доступности цифровых государственных услуг для инвалидов в России и оценке социальных барьеров, препятствующих их полноценному участию в цифровой среде.

Цель исследования – изучение доступности цифровых государственных услуг для инвалидов в России и оценке социальных барьеров, препятствующих их полноценному участию в цифровой среде.

Методы: Авторы на основе опроса студентов Профессионально-реабилитационного центра Санкт-Петербурга раскрывают влияние цифровой компетентности на интеграцию инвалидов в общественную жизнь и использование ими государственных онлайн-сервисов.

Результаты: Результаты демонстрируют, что развитие навыков в сфере информационно-коммуникационных технологий способствует социальной адаптации инвалидов, улучшению их профессиональных возможностей и повышению уровня социальной инклюзивности. Выявлено, что важнейшими факторами успешного использования цифровых государственных услуг являются не столько технические возможности сайтов, сколько культурные и психологические аспекты, в том числе позитивный личный опыт взаимодействия с государственными учреждениями.

Abstract

The article is devoted to studying the availability of digital government services for people with disabilities in Russia and assessing the social barriers that prevent their full participation in the digital environment.

Objective: The study aims to determine the availability of digital government services for people with disabilities in Russia and to assess the social barriers that prevent their full participation in the digital environment.

Methods: Based on a survey of students of the Vocational Rehabilitation Center of St. Petersburg, the authors reveal the influence of digital competence on the integration of people with disabilities into public life and their use of online government services.

Results: The results demonstrate that the development of skills in the field of information and communication technologies contributes to the social adaptation of people with disabilities, improving their professional capabilities and increasing the level of social inclusiveness. It was revealed that the most important factors for the successful use of digital government services are not so much the technical capabilities of the sites as cultural and psychological aspects, in-

Выводы: В статье предложены рекомендации по совершенствованию государственной политики цифровой инклюзии, направленные на преодоление цифрового и социального неравенства инвалидов в России. Авторы подчеркивают необходимость комплексного подхода, включающего повышение уровня цифровой грамотности, усиление разъяснительной работы среди населения и адаптацию цифровых сервисов к разнообразным потребностям инвалидов, что позволит значительно повысить эффективность мер государственной поддержки.

cluding positive personal experience of interaction with government agencies.

Conclusions: The article offers recommendations for improving the state policy of digital inclusion aimed at overcoming the digital and social inequality of people with disabilities in Russia. The authors emphasize the need for an integrated approach, including increasing the level of digital literacy, strengthening explanatory work among the population and adapting digital services to the diverse needs of people with disabilities, which will significantly increase the effectiveness of government support measures.

Ключевые слова:

цифровая инклюзия, инвалиды, цифровая компетентность, социальные барьеры, государственные онлайн-сервисы, доступная среда, цифровая грамотность.

Key words:

digital inclusion, people with disabilities, digital competence, social barriers, government online services, accessible environment, digital literacy.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2025-3-54-75>

Современное общество стремится к созданию инклюзивной среды, в которой могут быть реализованы равный доступ и вовлеченность граждан в развитие собственных способностей, а также формирование среды с учетом интересов и потребностей всех заинтересованных сторон, в том числе тех, кого традиционно принято исключать (социальная эксклюзия) из этого процесса согласования и уравнивания возможностей. Одним из аспектов такой инклюзии является доступность цифровых технологий для лиц с ограниченными возможностями/дополнительными потребностями, в т.ч. возможность посредством этих технологий взаимодействовать с государством. Несмотря на усилия российского государства реализовать с помощью различных программ и проектов, таких, как «Доступная среда», равные возможности для всех граждан, многие аспекты цифрового участия инвалидов остаются неизученными и нереализованными.

Цель статьи – изучить социальные аспекты цифрового взаимодействия государства и людей с ограниченными возможностями при реализации российской политики инклюзивности. В контексте данной статьи цифровая инклюзивность понимается комплексно, намного шире, чем технологии и возможности, которые они открывают. Цифровая инклюзивность включает в себя также политику государства в области цифровизации, поведение гражд-

дан, а также готовность к сотрудничеству и взаимодействию с государством. К социальным аспектам такого взаимодействия относится цифровая компетентность инвалидов, доверие к технологии, интеграция в виртуальные сообщества, цифровая осведомленность, опыт использования технологии как фактор цифровой инклюзивности и пр. В рамках исследования рассматриваются результаты опроса, проведенного в Профессионально-реабилитационном центре Санкт-Петербурга. Эти данные позволяют оценить, как цифровые технологии влияют на адаптацию, интеграцию и владение цифровыми государственными сервисами.

Актуальность данной темы обусловлена несколькими факторами. Во-первых, цифровизация государственных услуг становится неотъемлемой частью современной жизни, и отсутствие к ней доступа инвалидов только усугубляет цифровое неравенство. Во-вторых, переход от медицинской модели инвалидности (эксклюзия и стигматизация) к социальной (инклюзия и равенство) требует переосмысления подхода к политике инклюзивности и социальной интеграции инвалидов. Наконец, в-третьих, очевидна проблема фактора legacy, понимаемого как нежелательное социальное и технологическое «наследие», проявляющее себя не только в приверженности общества к исключению инвалидов из социальной жизни, но и в неудобстве и недостаточной адаптированности сайтов государственных услуг для всех категорий инвалидов.

Результаты исследования показывают, что феномен legacy проявляет себя не только с внешней к инвалидам стороне, но и внутренней – например, в недоверии инвалидов сайтам государственных органов и недостаточной (возможно, сознательной) информированности и компетентности. С другой стороны, именно на плечах инвалидов, в первую очередь, лежит успех политики инклюзивности, от их желания изучать и осваивать новые технологии, от открытости инвалидов возможностям, которые открывает цифровизация, зависит успех реализации данной политики. Таким образом, данная статья вносит вклад в понимание того, как цифровые технологии могут стать инструментом социальной инклюзии, и предлагает рекомендации для совершенствования государственной политики в этой области.

Исследования проблем инвалидности, реабилитации, факторов социальной адаптации и активности людей с инвалидностью обусловлены необходимостью модернизации социальной политики в целях создания инклю-

живного общества. В России насчитывается около 13 млн инвалидов, 8,8% населения страны. Социальная политика в Российской Федерации до недавнего времени преимущественно ориентировалась на реализацию программ социальной защиты инвалидов, социальную эксклюзию, в то время как в ратифицированной конвенции ООН акцент сделан на повышение возможности самостоятельной и независимой жизни инвалидов, социальной инклюзии. Постановка вопроса об изменении форм и возможностей для социальной активности индивидов, институционализации новых практик потребовала изменения и теоретико-нормативных оснований понимания инвалидности. Цифровизация всех областей жизни современного человека кардинально изменила ожидания динамического сочетания навыков работы инвалидов с онлайн-ресурсами, процессами и продуктами цифровой трансформации. В последние годы в России активно развивается нормативная правовая база, направленная на совершенствование действий в интересах инвалидов, новый импульс развитию системы комплексной реабилитации был дан Государственной программой РФ «Доступная среда» на 2011-2025 гг. В 2024 году в Госдуму внесен законопроект об обеспечении беспрепятственного и полноценного доступа к государственным информационным ресурсам людям с различными нарушениями здоровья. В настоящее время сайты адаптированы только для слабовидящих и незрячих пользователей. Определять требования к содержательному и техническому наполнению сайтов будет Правительство РФ. Их предлагается соотнести с действующим «ГОСТ Р 52872-2019. Национальный стандарт Российской Федерации. Интернет-ресурсы и другая информация, представленная в электронно-цифровой форме». В августе-сентябре 2024 года Минтруд России проводил оценки инвалидами состояния доступности приоритетных объектов и услуг в приоритетных сферах жизнедеятельности, оценки инвалидами отношения населения к проблемам инвалидов и оценки признания гражданами навыков, достоинств и способностей инвалидов путем проведения социологических онлайн опросов на Платформе обратной связи Единого портала государственных и муниципальных услуг (функций). Таким образом, феномен инвалидности, в том числе лиц с ограничением мобильности, активно развивается под влиянием новой идеологии и нормативной правовой базы.

Исследования проблем инвалидности, реабилитации и факторов социальной адаптации и активности людей с инвалидностью в современной жизни формируют существенный пласт литературы в науке, который активно

пополняется в самых различных направлениях. В связи с переходом от традиционной (медицинской) модели понимания инвалидности к социальной, основанной на комплексной биопсихосоциальной модели здоровья (Конвенция о правах..., 2006), переосмысливаются практики включения инвалидов в социальные отношения, в том числе восприятие инвалида как «больного», неспособного на выполнение многих социальных ролей (Парсонс) (Парсонс, 2002). И. Гофман ввел термин «стигма» для обозначения выключения инвалида из социальных отношений с сопутствующей негативной оценкой этого социального статуса доминирующей системой ценностей (Гофман, 1963).

Современные социальные модели инвалидности основаны на теориях конструктивизма, стигматизации и социальной эксклюзии, в которых «человек творит реальность и тем самым творит самого себя» (Парсонс, 2002). Положение инвалида в обществе формируется, с одной стороны, теми условиями, которые создает общество для жизнедеятельности инвалидов, а с другой – созданными самими инвалидами социальными конструктами, отражающими их устойчивое представление о своем положении в этом обществе в условиях, которые определяются значительным числом граждан как отклонение от нормы. В 1980-е гг. в научной литературе появляется и активно употребляется термин «социальная эксклюзия» в контексте изучения бедности и маргинализации (Абрахамсон, 2001). Согласно позиции, П. Абрахамсона, социальная эксклюзия подразумевает состояние, когда меньшинство маргинализируется, снижается уровень участия исключенной группы в жизни общества. Социальная эксклюзия подчеркивает ограничения материальных, образовательных, профессиональных ресурсов и доступа к социальным институтам и лифтам, что сужает возможности реабилитации, социального выбора, свободы и активности людей с инвалидностью (Романов, Ярская-Смирнова, 2006; Воеводина, 2014). Так, зарубежные исследователи (Э. Барнс и др.) рассматривают инвалидность как способ быть меньшинством, который требует определенных моделей противостояния социальному угнетению (Barnes, 1992). Российские исследователи рассматривают социальную эксклюзию с точки зрения доступности окружающей среды. Сторонниками данного подхода выступают Е.Р. Ярская-Смирнова и П.В. Романов, И.А. Григорьева, исследования которых подтверждают недоступность для инвалидов вхождения в престижные социальные группы, наличие барьеров в реализации права на труд, низкий уровень самооценки и социальную изоляцию инвалидов (Романов, Ярская-Смирнова, 2006; Григорьева, 2021). Изучение

социальных моделей инвалидности опирается на структуралистско-конструктивистскую теорию Бурдьё. Особый тип рефлексивности, который характерен инвалидов, фактически является формой культурного капитала (Bourdieu, 1986; Bagnasco, 2004). Важным выводом из концепции культурного капитала Бурдьё является то, что культурный капитал крайне зависим от образования и внедрение инноваций в обществе требует воздействия на габитус индивида. Бурдьё отмечал, что культурный капитал вытекает из габитуса (Bourdieu, Passeron, 1977), который, в свою очередь, оказывается крайне зависим от внешней социальной среды (Bourdieu, Wacquant, 1992). Создание благоприятной для внедрения инноваций среды является перспективным направлением для развития социальных технологий.

В ходе решения задач нормализации жизни инвалидов и реализации права инвалидов на доступ к ресурсам и благам, – образование, занятость, ресурсы социализации и самоактуализации, коммуникации, свободного взаимодействия между горожанами с инвалидностью и остальными жителями города, – был введен термин «социальное гражданство». Исследования социального гражданства инвалидов в трудах Е. Ярской-Смирновой и П. Романова (Романов, Ярская-Смирнова, 2006) М. Григорьевой (Григорьева, 2021), Э. Наберушкиной, показали, что многие люди практически полностью исключены из социума или же их права как граждан нарушаются, т.е. речь идет о социальном неравенстве. Начало теоретизированию гражданства в аспекте социального неравенства и идеологии справедливости было положено в работах Т. Маршалла (Мюрберг, 2010), а в отечественной науке – в трудах Б. Капустина (Капустин, 2011), И. Кузнецовой-Моренко (Кузнецова-Моренко, 2008), Н. Осиповой (Осипова, 2019). Э. Наберушкина обосновывает идею о том, что ключевые ценности доктрины инклюзивного дизайна – это равный доступ к окружающей среде, социальная справедливость и права человека. Человек постоянно испытывает воздействие со стороны различных элементов окружающей его среды и в то же время активно реструктурирует многоуровневую жизненную среду в своих интересах, решая задачу становления жизнеспособной личности (Bronfenbrenner, 1986). Развитие мобильного гражданства в условиях социально ориентированного урбанизма в русле социокультурного экологического подхода У. Бронфенбреннера принято А. Махнач, который ввел термин «жизнеспособность человека» в отечественные психологические исследования (Махнач, 2016; Махнач, Лактионова, 2021). Эта проблематика получила свое развитие в работах зару-

бежных и отечественных исследователей: «феномен устойчивости» (Ungar et al., 2009), «чувство связности» (Antonovsky, 1974), «неуязвимость» (Garmezy, 1976), «жизнестойкость» (Леонтьев, Рассказова, 2011; 2006).

Анализ существующей литературы предметного поля исследования позволяет сделать вывод об основной тенденции в научных исследованиях вопросов инклюзии – рассмотрение граждан с физическими ограничениями как социальной задачи становления жизнеспособной личности, преобразующей среду обитания в своих интересах. Но проблема цифрового участия инвалидов в социальной жизни, в том числе взаимодействие с властью через портал Госуслуг, не получила должного отражения в научных публикациях.

Представлены результаты исследования, проведенного на основании опроса студентов Профессионально-реабилитационного центра в октябре 2024 года Санкт-Петербургское государственное бюджетное специальное реабилитационное профессиональное образовательное учреждение – техникум для инвалидов «Профессионально-реабилитационный центр» (далее СПб ГБУ «Профессионально-реабилитационный центр») – является единственным в Санкт-Петербурге образовательным учреждением среднего профессионального образования лиц с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья. В настоящее время в центре по основным программам средне-профессионального обучения обучается более 420 студентов с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья. Сегодня Центр реализует остро востребованные на рынке труда специальности и профессии, такие как лабораторная диагностика, коммерция, экономика и бухгалтерский учет, мастер по обработке цифровой информации, закройщик, наладчик компьютерных сетей, делопроизводитель и др. Уникальность организации образовательного процесса связана с тем, что в группах обучаются студенты с различными нозологиями и различного возраста, в среднем 36 лет. В связи со спецификой обучения на высоком уровне организовано психолого-социальное сопровождение обучающихся, в штате работают педагоги-психологи, тьюторы, социальные работники, обучающиеся в любой момент, могут обратиться за медицинской помощью.

В проекте была использована выборка учащихся данного специализированного образовательного учреждения, в которую вошли 54,6% мужчин и 44,7% женщин. Размер выборки 152 респондента. По возрастному составу в группу до 20 лет вошло 39,6% респондентов; от 21 до 30 лет – 29,9%; от 31

до 40 лет 12,5%; от 41 до 50 лет - 8,3%; от 51 до 60 лет – 7,6%; после 61 года – 2,10%. Студентами центра являются люди с инвалидностью, которая является либо врожденной, либо приобретенной в результате несчастного случая. Для некоторых студентов обучение в Профессионально-реабилитационном центре является возможностью приобрести новую профессию и поближе познакомиться с возможностями информационно-коммуникационных технологий. Данная выборка является выборкой по случаю. Она не является полностью репрезентативной для генеральной совокупности, представляемой Росстатом. Однако использование выборки по случаю дает возможность в рамках разведывательного исследования выделить важные закономерности, которые могут быть подтверждены в дальнейших исследованиях. Результаты опроса обработаны методом частотного анализа, который позволил зафиксировать определенные тренды для данной группы населения¹.

Для людей с ограниченными возможностями крайне важным является фактор инклюзивности окружающего социального пространства. Далее рассмотрим влияние получения инвалидами знаний в сфере информационно-коммуникационных технологий, а также развитие цифровизации в целом, на реализацию государственной социальной политики в сфере развития инклюзивности.

Для людей с ограниченными возможностями желание или нежелание пользоваться государственными цифровыми сервисами во многом детерминировано опытом реального взаимодействия с государственным учреждением социальной поддержки. Свидетельством этого являются результаты ответов на вопрос о том, каким образом на мироощущение инвалидов повлиял опыт посещения ими курсов, предоставляющих образование в сфере информационно-коммуникационных технологий на базе Профессионально-реабилитационного центра г. Санкт-Петербург (рис. 1).

Большинство респондентов (33,6%) заявило, что во время обучения у них появилось чувство, что люди внимательны к их потребностям и готовы помочь. Получение помощи в ходе реальной социальной интеракции может стать существенным стимулом для последующего виртуального обращения к социальным сервисам. Для 17,8% респондентов посещение компьютерных

¹ Вопросник анкеты. (2025) https://vk.com/sociologica?from=groups&w=wall-4718166_120.

курсов стало способом найти новых друзей. У 15,1% опрошенных посещение Профессионально-реабилитационного центра привело к возникновению чувства что центр оказывает поддержку нуждающимся. В итоге три самых популярных ответа свидетельствует о позитивном опыте взаимодействия сотрудниками центра, который возможно использовать для того, чтобы обучить людей с особыми потребностями взаимодействию с государственными учреждениями при помощи средств цифровой среды. При этом часть респондентов (15,1%) заявили, что посещение курсов не изменило их мироощущение. Существенная доля опрошенных (8,6%) заявили, что обучение информационно-коммуникационным технологиям стало для них знаком того, что государство заботиться о них. Незначительная часть респондентов (3,3%) заявили, что в ходе обучения плохо понимали объяснения преподавателей и в результате у них понизилась самооценка. Другие респонденты (3,3%) назвали проблемой сложные задания, выполнение которых ухудшило их самочувствие. Поскольку негативное влияние на мироощущение людей с ограниченными возможностями компьютерные курсы оказали только в незначительной части случаев, можно уверенно утверждать, что причина отрицательной оценки обучения заключается в низком уровне компьютерной грамотности этих конкретных инвалидов, и они нуждаются в дополнительной индивидуальной работе.

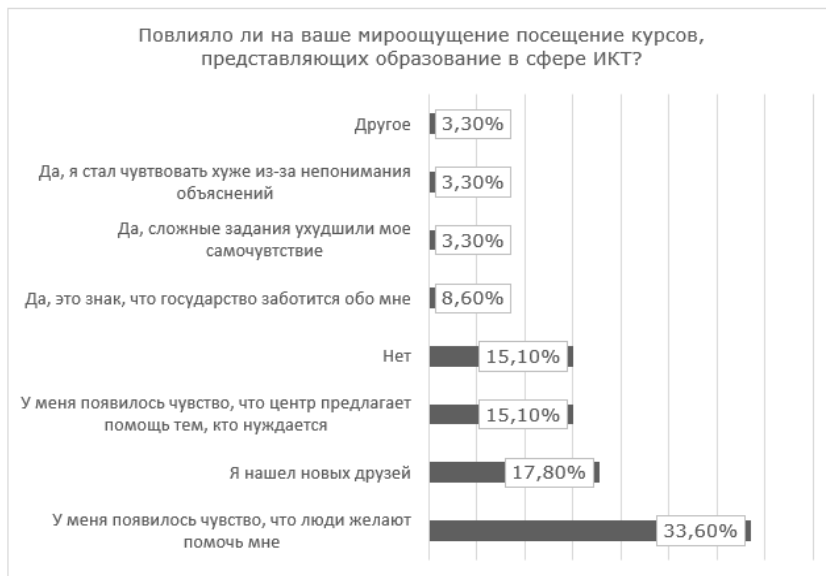

Рисунок 1 - Влияние посещения курсов в сфере ИКТ на мироощущение инвалидов

Важное значение имеют результаты ответов на вопрос о том, какие навыки получили люди с ограниченными возможностями после обучения информационным технологиям в Профессионально-реабилитационном центре (рис. 2).

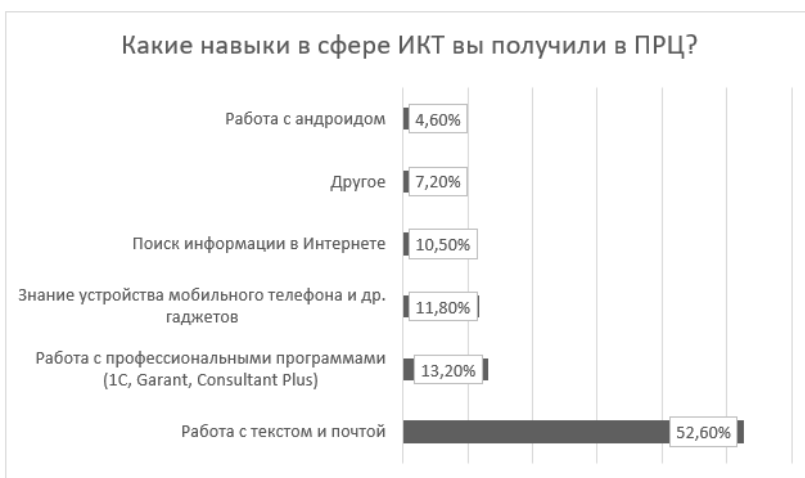

Рисунок 2 - Навыки в сфере ИКТ, полученные в ПРЦ

Более половины респондентов (52,6%) получили навыки работы с почтой и текстом. Важнейшей частью обучения для 13,2% респондентов стало получение навыков работы с профессиональными программами (1С, Гарант, Консультант Плюс...). Существенная часть респондентов (11,8%) отметили, что они получили знания о физическом устройстве компьютера (мобильного телефона, иного цифрового устройства). Для 10,5% респондентов главным результатом обучения стало получение навыка по поиску информации в интернете. Незначительная доля респондентов (4,6%) назвали главным результатом посещения компьютерных курсов получение навыка работы с операционной системой Андроид. Результаты опроса показывают, что люди с особыми потребностями получили благодаря компьютерным курсам такие знания и навыки, которые могут быть применены в профессиональной сфере. Это крайне важный аспект помощи инвалидам, поскольку для указанной категории населения профессии, связанные с ИТ являются более предпочтительными, так как для работы в данной сфере многие виды инвалидности не являются препятствием.

Представленную информацию о полученных опрошенными инвалидами навыках и знаниях интересно сопоставить с результатами ответов на вопрос о том, как именно полученные знания в сфере информационно-коммуникационных технологий им помогли (рис. 3).

Рисунок 3 - Помощь навыков в области ИКТ инвалидам

Почти четверть опрошенных (24,5%) заявили, что полученные знания помогли им найти новых друзей. Это хороший и важный результат, который способствует созданию большей инклюзивности для людей с ограниченными возможностями. Проводимые исследования создания инклюзивной среды для инвалидов в различных сферах общественной жизни (Doric et al., 2025) демонстрируют, что для получения результата необходимо придерживаться комплексного и последовательного подхода, который бы объединял действия различных учреждений. Значительной части опрошенных (19,2%) полученные знания позволили выполнять их работу лучше. Смогли найти новую работу благодаря полученным знаниям (13,2%) инвалидов. Для 10,6% респондентов полученные знания позволили найти новое хобби. Существенной части респондентов (10%) полученные знания позволили начать получать социальные услуги через государственные цифровые порталы. Данный результат особенно интересен для нас, поскольку отражает возможность того, что получение знаний в сфере информационно-коммуникационных технологий, будет способствовать продвижению социальной политики инклюзивности. По утверждению незначительной части респондентов (5,3%) полученные ими знания позволили им лучше общаться с друзьями и родственниками через интернет. В целом можно уверенно утверждать, что получение инвалидами знаний, связанные с цифровой сферой, способствуют повышению уровня их адаптации и улучшению инклюзивности.

Помимо результатов оценки респондентами позитивной роли цифровых знаний интересно также рассмотреть вопрос о том, каким образом цифровизация в целом помогает инвалидам. Люди с особыми потребностями крайне позитивно оценивают цифровизацию и преимущественно склонны считать, что цифровизация им сильно помогает (60,5%) или скорее помогает (27,5%). В ответ на вопрос о том, как именно им помогает цифровизация, почти половина респондентов (48%) заявили, что благодаря использованию цифровых технологий удобнее общаться, работать и учиться. Существенная часть респондентов (21,7%) утверждает, что с появлением в их жизни цифровых технологий стало удобнее обращаться за помощью в социальные организации, иные государственные и коммерческие организации. Этот результат свидетельствует о наличии определённого позитивного потенциала для развития взаимодействия государственных учреждений с инвалидами в цифровой среде. При этом 11,8% опрошенных утверждают, что цифровизация в равной степени и помогает, и мешает их жизни. Для 11,2% инвалидов

цифровизация стала средством, которое автоматизировало их работу. При этом только незначительная доля респондентов заявила, что цифровизация им мешает, поскольку необходимо совершать дополнительные действия при использовании компьютера/смартфона (2,6%), или им трудно разобраться, как и что нужно делать в интернете (1,3%). Данные результаты со всей очевидностью демонстрируют что только 3,9% инвалидов испытывают трудности при использовании цифровых возможностей. Это означает, что недостаточный уровень использования людьми с особыми потребностями государственных цифровых сервисов является результатом сознательного выбора или непонимания тех возможностей, которые предоставляют государственные цифровые экосистемы.

Важным фактором, влияющим на желание инвалидов воспользоваться государственными цифровыми сервисами, является доверие к государственным сайтам. Респондентам был задан вопрос о том, доверяют ли они сайтам государственных организаций (рис. 4).

Наибольшее количество опрошенных (40,8%) скорее доверяют государственным сайтам и используют их. Полностью доверяют государственным сайтам и используют их 17,1% опрошенных. Скорее не доверяют государственным сайтам, но используют их 14,5% респондентов. Не доверяют государственным сайтам, но используют их 11,8% опрошенных. Доверяют государственным сайтам, но не используют их 9,2% опрошенных. Наименьшее количество респондентов (6,6%) составили те, кто не доверяет сайтам государственных организаций и не использует их. Полученные результаты свидетельствуют о том, что доверие является намного более значимым фактором использования цифровых государственных сервисов, чем владение цифровыми компетенциями.

Рисунок 4 - Доверие к государственным сайтам

В рамках исследования людям с особыми потребностями также был задан вопрос о том, будут ли они использовать портал Госуслуги при необходимости получения государственных услуг (справки, паспорта и т.д.). Наибольшее количество респондентов заявили (33,6%), что в зависимости от ситуации могут использовать портал Госуслуги, а могут и пойти на личный прием в государственное учреждение. Значительная часть респондентов (22,6%) всегда используют портал Госуслуги. Чуть меньше доля тех респондентов (17,1%), которые не будут использовать портал Госуслуги, а обратятся в МФЦ. Скорее склонны обращаться к использованию портала Госуслуги (16,4%) ответивших. Наименьшую долю составили респонденты (5,3%), которые не будут использовать портал Госуслуги и напрямую обратятся в органы государственной власти. Полученные результаты являются крайне тревожными, поскольку использование портала Госуслуги существенно облегчает процедуру документооборота и это удобнее даже для полностью здорового человека. В данном случае недоверие или неиспользование людьми с особыми потребностями государственных цифровых сервисов может быть обосновано неудобством портала, желанием очного общения с представителями органов власти, а также опасениями возможной утечки данных. Для улучшения государственной социальной политики по отношению к инвалидам необходимо разъяснять им возможности и угрозы исполь-

зования государственных цифровых сервисов. Значительный упор следует сделать на проведение разъяснительной работы в ходе личных встреч с представителями данной категории граждан, поскольку подобные формы информирования вызовут большее доверие и будут более эффективны.

Для инвалидов как для особой категории пользователей государственных цифровых сервисов огромное значение имеет использование сайтами стандартов доступности (настройки размера и контрастности текста на странице; чистого и понятного дизайна; больших и заметных кнопок и пр.). Среди опрошенных только 4,6% респондентов заявили, что государственные сайты не используют стандарты доступности. Также 17,1% респондентов указали, что государственные сайты скорее не используют стандарты доступности. Данные результаты свидетельствуют о том, что использование стандартов доступности не является определяющим фактором, способным препятствовать использованию государственных цифровых услуг людьми с ограниченными возможностями.

Результаты ответов на вопрос о том, используют ли инвалиды систему городских сервисов цифровой Петербург (рис. 5), дает понимание причин того, почему что люди с особыми потребностями недостаточно часто используют возможности цифровых сервисов для взаимодействия с государственными учреждениями.

Наибольшую долю респондентов (44,4%) составили те, кто заявил, что вообще не слышал об этом портале. Существенную долю респондентов (38,8%) составили те, кто не использует портал Цифровой Петербург. Используют постоянно экосистему цифровой Петербург только 4,6% респондентов. Незначительную долю респондентов составили те, кто использует экосистему цифровой Петербург каждую неделю (1,3%) и каждый месяц (5,3%). Также мало оказалось респондентов, которые используют данную экосистему раз в полгода (2,6%), раз в год и менее (3,3%). Всего же доля респондентов, которые используют систему городских сервисов цифровой Петербург, составила 17,1%. Данные результаты свидетельствуют о недостаточной информированности людей с ограниченными возможностями относительно существующих цифровых сервисах или тех возможностях, которые они могут предоставить. Также есть основание предположить, что органы власти, курирующие цифровое развитие, недостаточно эффективно проводят информационные кампании по освещению разрабатываемых государственных систем.

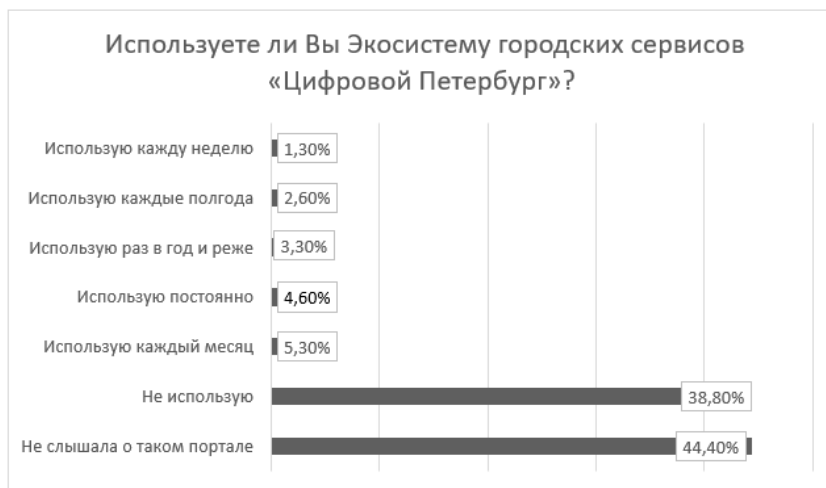

Рисунок 5 - Использование Экосистемы «Цифровой Петербург» инвалидами

В целом можно уверенно утверждать, что главными препятствиями, мешающими людям с особыми потребностями использовать государственные цифровые сервисы, являются дефицит доверия и слабая информированность. Владение навыками использования цифровых инструментов не является существенным фактором. Представленные результаты показывают, что образование для инвалидов является эффективным средством, которое может помочь в решении указанной проблемы.

Результаты исследования позволяют выделить несколько значимых аспектов, связанных с цифровыми возможностями участия инвалидов в социальной жизни. Во-первых, проведенное исследование выявило зависимость между желанием или нежеланием инвалидов использовать цифровые сервисы и опытом обращения в центры государственной поддержки. Более чем половина опрошенных (57,3%) отметила важность обращения за поддержкой в специализированные учреждения, в то время как треть (32,9%) заявила о своем недоверии сайтам органов государственной власти. Такие результаты свидетельствуют о значимости «драйверов» политики инклюзивности, таких, как Профессионально-реабилитационный центр Санкт-Петербурга. Около трети респондентов (32,4%) заявили о том, что полученные знания в сфере ИКТ помогли найти работу или улучшить профессию.

нальные навыки. Эти данные можно интерпретировать как эксклюзивную интеграцию, т.е. включение в трудовую деятельность и самореализацию через дистанцирование от общества посредством цифровых технологий. Эксклюзивная интеграция, в свою очередь, и может являться особым типом рефлексивности, описанном в работах П. Бурдьё (Bourdieu, 1986).

Во-вторых, полученные результаты смогли пролить свет на проблему равного доступа. Навыки работы с ИКТ, полученные инвалидами, снижают уровень неравенства и повышают доступность к получению государственных услуг. Более двух третей опрошенных (67,6%) отметили, что навыки работы с ИКТ позволили им найти работу или хобби, улучшить материальное положение, позволили получать социальные услуги. Результаты исследования в данном случае показывают, что ключевым аспектом политики инклюзивности являются неформальные нормы и правила, культурные рамки – как общества, принимающего или отталкивающего инвалидов, так и самих инвалидов, стремящихся к увеличению компетентности и развитию цифровых навыков или отказывающихся это делать. Подтверждает этот вывод и другой результат проведенного опроса: только 17,1% респондентов указали, что государственные сайты скорее не используют стандарты доступности, т.е. использование стандартов доступности не является определяющим фактором, способным препятствовать использованию государственных цифровых услуг людьми с ограниченными возможностями. Иными словами, цифровая культура инвалидов является важным компонентом «социального гражданства», описанного в трудах Е. Ярской-Смирновой, П. Романова (Романов, Ярская-Смирнова, 2006) и М. Григорьевой (Григорьева, 2021), а также инклюзивного дизайна, представленного в работах Э. Наберушкиной.

Наконец, в-третьих, исследования показали важное влияние цифровых технологий на повышение жизнестойкости инвалидов (Махнач, 2016; Махнач, Лактионова, 2021). Почти половина респондентов (48%) заявили, что использование цифровых технологий позволяет удобнее общаться, работать и учиться. Почти четверть опрошенных (24,5%) заявили, что полученные знания помогли им найти новых друзей, т.е. исследование позволяет зафиксировать положительную динамику в укреплении «чувства связности» (Antonovsky, 1974). Ранее также было отмечено о значительном числе лиц с ограниченными возможностями, которые смогли найти работу, хобби или улучшить материальное положение, что свидетельствует и об укреплении навыков жизнестойкости. В то же время результаты исследования демон-

стрируют наиболее значимые барьеры улучшения жизнестойкости – результаты свидетельствуют о значимости «драйверов» политики инклюзивности, слабой информированности (к примеру, 83,2% опрошенных заявили о своем незнании или неиспользовании Экосистемы городских сервисов «Цифровой Петербург»), а также негативном опыте использования цифровых государственных сервисов или обращения в государственные учреждения.

Полученные результаты свидетельствуют о необходимости комплексного подхода в реализации политики инклюзивности. Обучение, личные встречи, демонстрация возможностей цифровых сервисов могут оказать существенную помощь в сокращении не только цифрового, но и социального разрыва. Кроме того, стоит учитывать разнообразие жизненного опыта, цифровых навыков и социальных потребностей инвалидов, что позволяет подходить более гибко к разработке программ цифровой инклюзивности.

Проведенное исследование позволило сделать ряд важных выводов о значении цифровых технологий в процессе взаимодействия инвалидов с обществом и органами государственной власти. Во-первых, политика инклюзивности должна бросить вызов социальному и технологическому «наследию», содержащему в себе следы эксклюзии и стигматизации. Во-вторых, черты такого «наследия» можно обнаружить и в особом типе рефлексивности инвалидов – эксклюзивной интеграции, интеграции без взаимодействия с обществом (или минимизируя такое взаимодействие). В-третьих, значительная часть инвалидов пытается усилить жизнестойкость, бросая вызов предрассудкам и стереотипам, в том числе собственным страхам и опасениям. К таким относятся респонденты, которые заявили о своей самореализации, увеличении дохода, получении новой профессии, встрече новых друзей, что стало возможным благодаря цифровым технологиям. Наконец, в-четвертых, исследование показало значимость личного опыта в политике цифровой инклюзивности: недостаточной компетентности и слабой информированности, с одной стороны, и негативного опыта использования цифровых государственных сервисов или обращения в государственные учреждения, с другой.

Результаты исследования показывают, что государственная политика в области цифровой инклюзии должна совершенствовать не только формальные, но и неформальные институты. Для этого необходимо:

- использовать стандарты доступности государственных сайтов, проводить исследования юзабилити сайтов для инвалидов, защищать персональные данные, повышать прозрачность работы цифровых сервисов и пр.;
- усиливать роль разъяснительной работы с обществом о необходимости равного отношения к инвалидам и готовности к оказанию необходимой помощи, недопустимости дискриминационного отношения и стигматизации;
- развивать образовательные программы для инвалидов, учитывающие разнообразие навыков и потребностей лиц с ограниченными возможностями и обеспечивающие индивидуальную поддержку в процессе обучения.

Важно отметить необходимость исследовательской работы в области цифровой инклюзии, чтобы глубже понять специфику взаимодействия инвалидов с цифровыми технологиями. Комплексный подход, учитывающий сложность и многообразие аспектов и факторов такого взаимодействия и включающий технические, образовательные и социальные меры, позволит создать инклюзивное цифровое пространство, в котором действительно может быть реализован равный доступ для реализации собственного потенциала.

Таким образом, цифровое взаимодействие инвалидов с обществом и органами государственной власти является не только техническим, но также социально-психологическим вызовом, требующим совместных усилий каждой из заинтересованных сторон в переходе к комплексной биопсихосоциальной модели инвалидности. Реализация описанных мер будет способствовать созданию общества, основанного на принципах уважения к разнообразию, равенству и социальной справедливости.

Литература

- Antonovsky, A. (1974). Conceptual and methodological problems in the study of resistance resources and stressful life events. *Stressful life events: Their nature and effects*. John Wiley & Sons.
- Barnes, C. (1992). *Disabling Imagery and the Media: An Exploration of the Principles for Media Representations of Disabled People*. Halifax: Ryburn.
- Bourdieu, P. (1986). The forms of capital. *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. New York, Greenwood, 241-258.
- Bourdieu, P., & Passeron, J. C. (1977). *Reproduction in education, society and culture*. London; Beverly Hills: Sage Publications.
- Bourdieu, P., & Wacquant, L. D. (1992). *An Invitation to Reflexive Sociology*. University of Chicago Press.
- Bagnasco, A. (2024). Trust and Social Capital. *The Blackwell Companion to Political Sociology*. Oxford: Blackwell Publishing, 230-239.
- Bronfenbrenner, U. (1986). Ecology of the family as a context for human development: Research perspectives. *Developmental Psychology*, 22(6), 723-742.

Doric D., Cimon Y., Crévits I., Hanafi S., & Todosijevic R. (2025). Inclusion persons with disabilities to a public transport system: An integrative decision-aiding approach. *Transportation Research Procedia*, 82, 3007-3033. <https://doi.org/10.1016/j.trpro.2024.12.233>.

Garnezy, N. (1976). *Vulnerable and Invulnerable Children: Theory, Research, and Intervention Catalog of selected documents in psychology*. American Psychological Association.

Ungar M., Clark S. E., Kwong W-m., Makhnach A., & Cameron C. A. (2005). Studying resilience across cultures. *Journal of Ethnic and Cultural Diversity in Social Work*, 14(3/4), 1-19.

Абрахамсон, П. (2001). Социальная эксклюзия и бедность. *Общественные науки и современность*. (2), 158–166.

Воеводина, Е. В. (2014). «Инвалид» как социальная стигма и пространство для дискуссий. *Человек. Общество. Инклюзия*, 20(4), 10–15.

Гофман, И. (1963). *Стигма: Заметки об управлении испорченной идентичностью*, пер. с англ. М. С. Добряковой.

Григорьева, М. И. (2021). Исследование проблемы инвалидности в социологии. *Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки*. 2, 97-112.

Капустин, Б. Г. (2011). *Гражданство и гражданское общество / введ. ст. В. С. Малахова; прил. Т. Х. Маршалла; пер. с англ. Ю. Дергунова; под науч. ред. А. Смирнова. М.: Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики*.

Кузнецова-Моренко, И. Б. (2008). *Теория социальной справедливости: универсализм и партикуляризм*. Коллегиум. СПб.: Европейский дом, 8-14.

Леонтьев, Д. А., Рассказова, Е. И. (2006). *Тест жизнестойкости*. М.: Смысл.

Леонтьев, Д. А., Рассказова, Е. И. (2011). *Жизнестойкость как составляющая личностного потенциала. Личностный потенциал: структура и диагностика*. М.: Смысл.

Махнач, А. В. (2016). *Жизнеспособность человека и семьи: социально-психологическая парадигма*. М.: ИП РАН.

Махнач, А. В., Лактионова, А. И. (2021). Жизнеспособность семьи с позиции организационной теории А.А. Богданова. *Социальная психология и общество*, 12(2), 41–55. <https://doi.org/10.17759/sps.2021120203>.

Мюрберг, И. И. (2010). Т. Х. Маршалл и концептуальная история режимов гражданства. *Политико-философский ежегодник*, (3), 82-95.

Наберушкина, Э. К. (2011). Город для всех: социологический анализ доступности городского пространства для инвалидов. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 14(3), 119–139.

Наберушкина, Э. К. (2012). *Инвалиды в большом городе: проблемы социального гражданства*. М.: ООО «Вариант».

Осипова, Н. Г., Вершинина, И. А., Мартыненко, Т. С. (2019). Неравенство и неопределенность: современные вызовы для городов. *Социологические исследования*. 1, 153–155. <https://doi.org/10.31857/S013216250003758-6>.

Парсонс, Т. (2002). *О социальных системах*. М.: Академический Проект.

Романов, П. В., Ярская-Смирнова, Е. Р. (2006). *Политика инвалидности: социальное гражданство инвалидов в современной России*. Саратов: Научная книга.

References

- Abrahamson, P. (2001). Social'naja jekskljuzija i bednost'. Obshhestvennye nauki i sovremennost'. (2), 158–166. (In Russ).
- Antonovsky, A. (1974). Conceptual and methodological problems in the study of resistance resources and stressful life events. Stressful life events: Their nature and effects. John Wiley & Sons.
- Barnes, C. (1992). Disabling Imagery and the Media: An Exploration of the Principles for Media Representations of Disabled People. Halifax: Ryburn.
- Bourdieu, P. (1986). The forms of capital. Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education. New York, Greenwood, 241–258.
- Bourdieu, P., & Passeron, J.C. (1977). Reproduction in education, society and culture. London; Beverly Hills: Sage Publications.
- Bourdieu, P., & Wacquant, L.D. (1992). An Invitation to Reflexive Sociology. University of Chicago Press.
- Bronfenbrenner, U. (1986). Ecology of the family as a context for human development: Research perspectives. Developmental Psychology. 22(6), 723–742.
- Doric D., Cimon Y., Crévits I., Hanafi S., & Todosijevic R. (2025). Inclusion persons with disabilities to a public transport system: An integrative decision-aiding approach. Transportation Research Procedia, 82, 3007–3033. <https://doi.org/10.1016/j.trpro.2024.12.233>.
- Garnezy, N. (1976). Vulnerable and Invulnerable Children: Theory, Research, and Intervention Catalog of selected documents in psychology. American Psychological Association.
- Goffman, E. (1963). Stigma: Notes on the management of spoiled identity / per. s angl. M.S. Dobrjakovoj.
- Grigor'eva, M. I. (2021). Issledovanie problemy invalidnosti v sociologii. Vestnik PNIPIU. Social'no-jekonomicheskie nauki, 2, 97–112. (In Russ).
- Kapustin, B. G. (2011). Grazhdanstvo i grazhdanskoe obshhestvo, vvod. st. V. S. Malahova; pril. T. H. Marshalla, per. s angl. Ju. Dergunova; pod nauch. red. A. Smirnova. M.: Izd. dom Gos. un-ta Vysshej shkoly jekonomiki. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/v2bydyig3d/54924806.pdf> (In Russ).
- Kuznecova-Morenko, I. B. (2008). Teorija social'noj spravedlivosti: universalizm i partikuljarizm. Kollegium. SPb.: Evropejskij dom, 8–14. (In Russ).
- Leont'ev, D. A., & Rasskazova, E. I. (2006). Test zhiznestojkosti. M.: Smysl (In Russ)
- Leont'ev, D. A., & Rasskazova, E. I. (2011). Zhiznestojkost' kak sostavljajushhaja lichnostnogo potenciala / Lichnostnyj potencial: struktura i diagnostika. M.: Smysl. (In Russ)
- Mahnach, A. V. (2016). Zhiznesposobnost' cheloveka i sem'i: social'no-psihologicheskaja paradigma. M.: IP RAN. (In Russ).
- Mahnach, A. V., & Laktionova, A. I. (2021). Zhiznesposobnost' sem'i s pozicii organizacionnoj teorii A. A. Bogdanova. Social'naja psihologija i obshhestvo. 12 (2), 41–55. <https://doi.org/10.17759/sps.2021120203>. (In Russ).
- Mjurberg, I. I. (2010). T. H. Marshall i konceptual'naja istorija rezhimov grazhdanstva. Politiko-filosofskij ezhegodnik, (3), 82–95. (In Russ).
- Naberushkina, Je. K. (2011). Gorod dlja vseh: sociologicheskij analiz dostupnosti gorodskogo prostranstva dlja invalidov. Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. T.XIV, 56 (3), 119–139. (In Russ).

- Naberushkina, Je. K. (2012). Invalidy v bol'shom gorode: problemy social'nogo grazhdanstva. M.: OOO «Variant» (In Russ)
- Naberushkina, Je. K. (2014). Social'noe grazhdanstvo invalidov v logike prostanstvennoj spravedlivosti. Social'naja rabota v sovremennom mire: vzaimodejstvie nauki, obrazovanija i praktiki: materialy VI Mezhdunarod. nauch.-prakt. konf. / pod red. M.S. Zhirona, O.A. Volkovoj, E.I. Mozgovoj. Belgorod : ID «Belgorod» NIU «BelGU». (In Russ)
- Osipova, N. G., Vershinina, I. A., & Martynenko, T. S. (2019). Neravenstvo i neo-predelennost': sovremennye vyzovy dlja gorodov. Sociologicheskie issledovanija. 1, 153–155. <https://doi.org/10.31857/S013216250003758-6>. (In Russ)
- Parsons, T. (2002). O social'nyh sistemah. M.: Akademicheskij Proekt. (In Russ)
- Romanov, P. V., & Jarskaja-Smirnova, E. R. (2006) Politika invalidnosti: social'noe grazhdanstvo invalidov v sovremennoj Rossii. Saratov: Nauchnaja kniga. (In Russ)
- Ungar M., Clark S. E., Kwong W-m., Makhnach A., & Cameron C. A. (2005). Studying resilience across cultures. Journal of Ethnic and Cultural Diversity in Social Work. 14(3/4), 1-19.
- Voevodina, E. V. (2014). «Invalid» kak social'naja stigma i prostranstvo dlja diskussij. Chelovek. Obschestvo. Inkluzija. 20 (4), 10–15 (In Russ)
- Bagnasco, A. (2024). Trust and Social Capital. The Blackwell Companion to Political Sociology. Oxford: Blackwell Publishing, 230-239.

Для цитирования: Игнатъева О. А. Доступность цифровых государственных услуг для инвалидов: барьеры и перспективы социальной инклюзии в России / О. А. Игнатъева, И. И. Толстикова, А. В. Плетнев, К. С. Кондратенко, Ю. Ю. Платонова // PolitBook. – 2025. – № 3. – С. 54-75. – DOI 10.24412/2227-1538-2025-3-54-75.

**А.В. Соколов,
П.А. Бабаджанян**

**A. Sokolov,
P. Babajanyan**

ЦИФРОВОЕ НЕУЧАСТИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ *

DIGITAL NON- PARTICIPATION OF STUDENTS

Аннотация

В статье рассматривается феномен цифрового неучастия студенческой молодежи как осознанного ограничения коммуникации с другими людьми (группами) посредством цифровых технологий. Несмотря на распространенное представление о современном студенчестве как о «цифровом поколении», исследование выявляет растущую тенденцию к сознательному дистанцированию от цифровой среды. На основе анализа студенческих эссе и экспертных интервью автор демонстрирует, что цифровое неучастие представляет собой сложную адаптивную стратегию, обусловленную психологическими, прагматическими и эмоциональными факторами. Особое внимание уделяется выявленному парадоксу формальной вовлеченности, когда студенты сохраняют присутствие на цифровых платформах без активного участия, что требует пересмотра традиционных подходов к оценке цифровой активности. Исследование подчеркивает необходимость трансформации современных практик коммуникации в условиях цифровизации, предлагая более гибкие модели обучения, учитывающие разнообразие студенческих стратегий взаимодействия с технологиями. Автор обосновывает важность разработки инструментов цифрового благополучия и альтернативных методов оценки вовлеченности. Работа вносит вклад в современную дискуссию о гуманизации образовательной среды, показывая, что цифровое неучастие следует рассматривать не как проблему, а как осознанный выбор, требующий понимания и учета в образовательной политике. Полученные результаты открывают новые перспективы для исследования трансформации цифровой коммуникации молодежи в условиях нарастающей технологизации

Abstract

The article examines the phenomenon of digital non-participation of students as a conscious restriction of communication with other people (groups) through digital technologies. Despite the widespread perception of modern students as the "digital generation," the study reveals a growing trend towards conscious distancing from the digital environment. Based on the analysis of student essays and expert interviews, the author demonstrates that digital non-participation is a complex adaptive strategy driven by psychological, pragmatic, and emotional factors. Special attention is paid to the identified paradox of formal engagement, when students maintain a presence on digital platforms without active participation, which requires a revision of traditional approaches to assessing digital activity. The study highlights the need to transform modern communication practices in the context of digitalization, offering more flexible learning models that consider the diversity of student strategies for interacting with technology. The author substantiates the importance of developing tools for digital well-being and alternative methods for assessing engagement. The work contributes to the modern discussion about the humanization of the educational environment, showing that digital non-participation should be considered not as a problem, but as a conscious choice that requires understanding and consideration in educational policy. The results obtained open up new perspectives for studying the transformation of digital communication among young people in the context of the increasing technologization of society. The paper highlights that digital non-participation often becomes a defense mechanism against information overload

общества. В работе особо отмечается, что цифровое неучастие часто становится защитным механизмом против информационной перегрузки и эмоционального выгорания. При этом исследование выявляет гендерные и возрастные особенности в проявлениях цифрового неучастия, что указывает на необходимость дифференцированного подхода к изучению данного феномена. Автор демонстрирует противоречие между институциональными требованиями цифровой вовлеченности и индивидуальными потребностями студентов в цифровой автономии, которое особенно остро проявляется в образовательном процессе. Полученные данные позволяют по-новому осмыслить трансформацию коммуникативных практик молодежи в условиях цифровой эпохи, открывая перспективы для дальнейших междисциплинарных исследований.

Ключевые слова:

цифровое неучастие, студенческая молодежь, цифровая коммуникация, цифровая трансформация, цифровой детокс, образовательная среда, цифровизация.

and emotional burnout. At the same time, the study reveals gender and age-specific features in the manifestations of digital non-participation, which indicates the need for a differentiated approach to the study of this phenomenon. The author highlights the contradiction between the institutional requirements of digital engagement and the individual needs of students for digital autonomy, which is particularly acute in the educational process. The data obtained allow for a new understanding of the transformation of youth communication practices in the digital age, opening up prospects for further interdisciplinary research.

Key words:

digital non-participation, student youth, digital communication, digital transformation, digital detox, educational environment.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2025-3-76-89>

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Правительства Ярославской области в рамках научного проекта №11НП/2024.

Современное общество переживает эпоху глубокой цифровой трансформации, проникающей во все сферы человеческой деятельности – от образования и работы до повседневного общения и досуга. В этой связи коммуникация посредством цифровых технологий, часто рассматривается как обязательное условие социальной адаптации, профессиональной успешности и академической эффективности. Однако на фоне повсеместной цифровизации формируется и противоположный феномен – цифровое неучастие, под которым понимается добровольный или вынужденный отказ от использования цифровых технологий в тех или иных аспектах жизни.

Особый научный и практический интерес представляет цифровое неучастие студенческой молодежи, поскольку именно эта социальная группа традиционно воспринимается как наиболее технологически подкованная и активная в цифровой среде. Тем не менее, в последние годы нарастает тенденция сознательного ограничения цифровых практик студентами – от временного цифрового детокса (Radtke et al., 2021) (временный добровольный

отказ или сокращение использования цифровых устройств с целью снижения стресса, улучшения концентрации и восстановления баланса между виртуальной и реальной жизнью) до полного отказа от определенных платформ. Это ставит под сомнение стереотип о «цифровой природе» молодого поколения и требует переосмысления роли технологий в образовательном процессе (Дурдыев, Овезмырадов, Русланов, Атагельдиев, 2024).

Актуальность данного исследования обусловлена противоречивым характером взаимодействия современной студенческой молодежи с цифровой средой. С одной стороны, студенты демонстрируют высокую технологическую компетентность, но с другой – все чаще проявляют дистанцирование от цифровых технологий, особенно в политической и социальной коммуникации. Этот парадокс требует научного осмысления, поскольку цифровое неучастие оказывает комплексное влияние на различные аспекты студенческой жизни: в образовательной сфере оно может создавать барьеры в условиях повсеместной цифровизации учебного процесса, а в социально-психологическом плане – отражать как защитную реакцию на цифровую перегрузку, так и осознанный выбор альтернативных форм коммуникации и самореализации.

Научная новизна работы заключается в выявлении цифрового неучастия именно в студенческой среде, где этот феномен изучен недостаточно, несмотря на его потенциальное влияние на коммуникацию молодых людей. В отличие от предыдущих исследований, фокусирующихся преимущественно на цифровой вовлеченности, данная работа рассматривает обратную сторону цифровизации – причины, формы и последствия отказа использования технологий, как инструмента для коммуникации.

В условиях, когда вузы активно внедряют дистанционные образовательные технологии, понимание мотивов цифрового неучастия становится особенно важным. Студенты, сознательно ограничивающие использование цифровых инструментов, могут сталкиваться с дискриминацией в образовательной среде, где онлайн-вовлеченность часто воспринимается как обязательное требование. В то же время их опыт может быть ценным для разработки более сбалансированных моделей цифрового обучения, учитывающих риски цифровой усталости и когнитивной перегрузки (Антоновский, Басюк, 2022).

Современные исследования цифровых практик постепенно смещаются от парадигмы обязательного технологического участия к более сложному пониманию цифрового взаимодействия, где неучастие становится самостоятельным феноменом, требующим научного осмысления (Karmini, et al., 2024). Теоретическое осмысление данного феномена требует комплексного

подхода, учитывающего как индивидуальные стратегии взаимодействия с технологиями, так и институциональные условия современного образования. В последние годы сформировалось понимание цифрового неучастия не просто как отсутствия взаимодействия с технологиями, а как сложного социального явления, имеющего различные формы проявления и мотивационные основания (Nguyen, et al., 2020). При этом важно различать вынужденное исключение из цифровой среды и сознательные практики отказа, которые становятся все более распространенными среди молодежи.

Особый исследовательский интерес представляет цифровое неучастие в студенческой среде. С одной стороны, современные студенты относятся к так называемому «цифровому поколению», для которого технологии являются естественной средой существования. С другой стороны, именно в этой группе наблюдаются разнообразные формы дистанцирования от цифровых технологий – от временного «цифрового детокса» до полного отказа от определенных платформ. Как отмечает Е.А. Гремилова (Гремилова, 2019), подобные практики часто обусловлены не технической некомпетентностью, а осознанным выбором, продиктованным идеологическими, психологическими или культурными соображениями.

Коммуникационные стратегии студенческой молодежи в цифровой среде отличаются значительным разнообразием. Исследования последних лет фиксируют рост критической рефлексии по отношению к цифровым технологиям (Ефимова, Семенов, 2020). Многие студенты демонстрируют прагматичный подход, используя технологии преимущественно в инструментальных целях – для учебы и работы, при этом сознательно ограничивая их применение в сфере досуга и развлечений.

Таким образом, исследование цифрового неучастия среди студентов позволяет не только расширить теоретические представления о цифровом поведении молодежи, но и предложить практические рекомендации для образовательных учреждений, стремящихся к гуманизации цифровых образовательных сред. В перспективе это может способствовать созданию более инклюзивных и психологически комфортных условий обучения, в которых цифровые и аналоговые практики гармонично дополняют друг друга.

В контексте образования цифровое неучастие приобретает особую значимость, создавая комплексные вызовы для образовательной системы. Активное внедрение цифровых образовательных технологий вступает в противоречие с практиками студентов, сознательно ограничивающих свое цифровое присутствие (Vanman, Baker & Tobin, 2018). Это противоречие проявляется в нескольких аспектах. Во-первых, институциональные требования

постоянной онлайн-активности зачастую игнорируют право студентов на цифровую автономию. Во-вторых, студенты, практикующие различные формы цифрового неучастия, вынуждены искать альтернативные образовательные стратегии, чаще обращаясь к традиционным офлайн-ресурсам. В-третьих, отказ от цифровых каналов коммуникации создает сложный баланс между рисками социальной изоляции и преимуществами более осмысленного общения (Бродовская, Домбровская, Пырма, Азаров, Синяков, 2019).

Теоретическое осмысление феномена цифрового неучастия в студенческой среде требует применения междисциплинарного подхода. Отсутствие желания коммуницировать через цифровые платформы позволяет интерпретировать неучастие как форму сопротивления коммерциализации цифровой среды (Карагулян, Батырева, 2024). Теория медиавоздействия предоставляет инструментарий для анализа моральных и культурных мотивов отказа от технологий (Bandura, 2006). Сбалансированный подход к цифровым практикам помогает понять стремление к гармоничному балансу между онлайн- и офлайн-активностью как важный компонент цифрового благополучия (Balota & Paul, 2008).

Таким образом, цифровое неучастие студенческой молодежи представляет собой сложный социальный феномен, отражающий трансформацию взаимоотношений между технологиями и их пользователями (Theocharis & Van Deth, 2018). Это не пассивное отсутствие взаимодействия, а активная стратегия, формирующаяся под влиянием комплекса факторов - от индивидуальных психологических особенностей до социально-культурного контекста. Дальнейшее исследование данного феномена требует учета его многообразных проявлений, а также анализа противоречий между личными практиками студентов и институциональными требованиями современной системы высшего образования.

Настоящее исследование направлено на комплексное изучение феномена цифрового неучастия в студенческой среде через призму мотивационных факторов, поведенческих стратегий и их последствий для образовательного процесса. Целью данного исследования является выявление причин, форм и последствий цифрового неучастия среди студенческой молодежи. В фокусе внимания находится противоречие между возрастающими требованиями цифровой вовлеченности со стороны образовательных институций и сознательным ограничением технологических практик среди части студенчества.

Методологическая основа исследования строится на принципах качественного анализа, позволяющего раскрыть глубинные аспекты изучаемого явления с помощью двух методов:

1. Контент-анализ 15 эссе студентов по теме «Цифровое неучастие: когда я не общаюсь в интернете?»; Основным источником эмпирических данных стали письменные работы студентов, посвященные их отношению к цифровым технологиям в академической и повседневной жизни. Анализ эссе проводился с учетом ключевых аспектов цифрового неучастия, включая причины обращения к подобным практикам, их конкретные проявления и влияние на различные сферы студенческой жизни.

2. Интервью экспертов. Для получения профессиональной интерпретации изучаемого феномена было проведено двадцать глубинных интервью с экспертами в области высшего образования. Беседы с преподавателями (9 экспертов), исследователями цифровой культуры (5 экспертов) и разработчиками образовательных платформ (6 экспертов) позволили рассмотреть проблему цифрового неучастия в институциональном контексте, выявить существующие противоречия и наметить возможные пути их разрешения. Опрос проводился по единому инструментарию в смешанном формате: часть интервью взяты очным интервьюированием, часть посредством дистанционных технологий связи.

Выбранные методы обеспечивают многоаспектное рассмотрение исследуемого явления за счет сочетания субъективного студенческого опыта и экспертных оценок. Такой подход позволяет не только зафиксировать внешние проявления цифрового неучастия, но и понять его глубинные причины и значение для современной образовательной системы. Результаты исследования имеют практическую ценность для разработки более гибких моделей цифрового образования, учитывающих разнообразие технологических практик студенческой молодежи.

Особое значение полученные данные приобретают в контексте поиска баланса между цифровизацией образовательного процесса и потребностью в сохранении традиционных форматов обучения. Исследование открывает перспективы для дальнейшего изучения трансформации цифровых практик в студенческой среде и их влияния на качество высшего образования.

Настоящее исследование, основанное на анализе студенческих эссе, выявляет сложную природу цифрового неучастия в молодежной среде, которое предстает не как пассивность, а как осознанная стратегия взаимодействия с цифровым пространством. Студенческое цифровое неучастие проявляется в различных формах - от полного отказа от активности в отдельных сообществах до избирательного участия в цифровых практиках, что отражает сложную динамику взаимоотношений современной молодежи с технологиями.

Анализ эссе и экспертных интервью показал, что цифровое неучастие нельзя рассматривать как простой отказ от технологий – это осознанная стратегия, направленная на сохранение психологического комфорта и автономии в условиях цифровой перегрузки. Студенты активно формируют собственные правила взаимодействия с цифровой средой, балансируя между необходимостью использования технологий для учебы и желанием ограничить их влияние на повседневную жизнь. Особое значение приобретает выявленный в исследовании феномен «избирательного участия», когда студенты сознательно выбирают, в каких цифровых практиках участвовать, а какие игнорировать (*«Соцсети – это инструмент, а не жизнь. Беру от них только то, что нужно, и выхожу»* - цит. из эссе, жен.). Эта стратегия отражает растущую критичность молодежи по отношению к цифровым платформам и их способность адаптировать технологии под свои потребности, а не наоборот.

Как отмечают эксперты, мотивационная структура цифрового неучастия действительно отличается сложной многослойностью. Проведенный анализ 15 студенческих эссе выявил устойчивые паттерны цифрового неучастия, которые можно систематизировать по нескольким ключевым аспектам. Преобладающим мотивом (отмечен в 13 из 15 работ) оказался психологический дискомфорт от публичности цифрового пространства. Студенты описывали страх негативной оценки, опасения по поводу цифрового следа и нежелание подвергать свои взгляды публичному обсуждению, особенно в политизированных сообществах. (*«Не высказываюсь, так как меня могут осудить»* - цит., из эссе, муж.) Психологический дискомфорт, который студенты называют ключевым фактором ограничения активности, по мнению специалистов, отражает более глубокий кризис цифрового доверия. Эксперты подчеркивают, что страх негативной оценки и опасения по поводу цифрового следа особенно характерны для поколения, выросшего в условиях тотальной онлайн-видимости (*«Страх цифрового следа ограничивает активность студентов в сети»* - цит., эксперт, муж.). Эксперты-добавляют, что в политизированных сообществах позиция наблюдателя часто становится сознательным выбором в условиях поляризованного цифрового пространства.

Явление когнитивной перегрузки упоминалось в 11 эссе как значимый фактор ограничения цифровой активности. Участники исследования отмечали, что постоянный информационный поток приводит к «аналитической усталости», делая невозможным не только активное участие, но и осмысленное потребление контента. (*«После дня в соцсетях чувствую себя опустошённым – как будто переработал тонну ненужной информации»* - цит. из эссе, жен.). В этом контексте цифровое неучастие становится защитным механизмом, позволяющим сохранить психологическое благополучие в услови-

ях информационной перегрузки. Прагматический подход к цифровым платформам также выступает значимым фактором неучастия. Студенты часто подписываются на сообщества из инструментальных соображений - для доступа к конкретным ресурсам или информации, не испытывая интереса к дальнейшему взаимодействию. При этом многие сохраняют подписку «на будущее», создавая своеобразный цифровой архив потенциально полезных ресурсов (*«Сохраняю подписки на старые сообщества, вдруг они пригодятся в будущем»* - цит. из эссе, муж.).

Такое поведение отражает утилитарное восприятие цифрового пространства как хранилища информации, а не площадки для социального взаимодействия. Особого внимания заслуживает феномен «цифровой ностальгии», когда студенты сохраняют подписки на сообщества, утратившие актуальность, но связанные с определенным периодом их жизни. Эти цифровые «капсулы времени» выполняют не столько информационную, сколько эмоциональную функцию, позволяя в любой момент вернуться к значимым этапам личной истории (*«Мои подписки – это как моя личная библиотека, смотрю и вспоминаю свой путь»* - цит. из эссе, жен.).

Институциональный аспект цифрового неучастия, как демонстрируют эксперты, представляет собой серьезный вызов для университетов. По мнению специалистов по цифровой педагогике, наблюдаемое противоречие между академическими требованиями и студенческими практиками требует переосмысления подходов к цифровизации образования. При этом некоторые эксперты отмечают необходимость разработки более гибких моделей, учитывающих разнообразие цифровых стратегий студентов (*«Будущее цифровых коммуникаций – за гибридными моделями, где есть право на пассивность»* - цит., эксперт, муж.).

Анализ эссе также выявил гендерные особенности цифрового неучастия. Студентки чаще отмечают эстетические факторы (непривлекательное оформление официальных пабликов) и опасения по поводу цифровой безопасности как причины ограничения активности, в то время как студенты мужского пола чаще ссылаются на идеологические соображения и нежелание тратить время на онлайн-дискуссии. Важным результатом исследования стало выявление «парадоксальной вовлеченности» - феномена, когда формальное цифровое присутствие (подписки) сочетается с фактическим неучастием. Это свидетельствует о сложной природе цифрового поведения современной молодежи, которое не может быть адекватно описано в бинарной логике «участие/неучастие» (*«В некоторых группах я просто «призрак» – числюсь, но не проявляю себя»* - цит. из эссе, муж.).

Прагматическое отношение к цифровым платформам – еще одна важная характеристика студенческого неучастия. Многие рассматривают социальные сети и образовательные платформы исключительно как инструменты для решения конкретных задач, избегая любого избыточного взаимодействия. Это ставит под сомнение эффективность стратегий, направленных на тотальную цифровизацию образования. (*«Студенты в большинстве своем используют соцсети как инструмент, а не как пространство для самовыражения»* – цит., эксперт, жен.)

Парадоксальным образом, все 15 участников признавали наличие у них многочисленных цифровых подписок при фактическом отсутствии активности в соответствующих сообществах. Это подтверждает тезис о «парадоксальной вовлеченности» как характерной черте современного цифрового поведения студенческой молодежи.

Анализ выявил три основных типа цифрового неучастия:

- полный отказ от активности в отдельных сообществах (10 случаев);
- ситуативное неучастие, зависящее от контекста (8 случаев);
- избирательное потребление контента без обратной связи (12 случаев).

Примечательно, что ни один из респондентов не рассматривал свое неучастие как проблему, требующую исправления. Напротив, подчеркивался осознанный и добровольный характер этого выбора, что свидетельствует о смене парадигмы в восприятии цифровой вовлеченности среди студенческой молодежи.

Полученные данные позволяют заключить, что цифровое неучастие студенческой молодежи представляет собой сложный адаптационный механизм, позволяющий сохранить автономию и психологический комфорт в условиях нарастающей цифровизации всех сфер жизни. Это явление требует дальнейшего междисциплинарного изучения с учетом как индивидуально-психологических факторов, так и социально-культурного контекста цифровой эпохи.

Полученные результаты исследования открывают новые перспективы для понимания трансформации цифрового поведения современного студенчества. Особую значимость приобретает вопрос о долгосрочных последствиях цифрового неучастия для профессионального становления молодежи. Как показывают данные, формирующиеся паттерны цифрового взаимодействия могут существенно влиять на развитие ключевых компетенций XXI века, включая цифровую грамотность и способность к сетевому взаимодействию.

Эксперты обращают внимание на необходимость разработки новых образовательных методик, которые бы учитывали выявленные формы цифро-

вого неучастия. Особенно актуальной становится задача создания гибридных моделей обучения, сочетающих преимущества цифровых технологий с сохранением традиционных форматов взаимодействия. Важным направлением дальнейших исследований могло бы стать изучение взаимосвязи между цифровым неучастием и академической успеваемостью студентов.

Практическая значимость исследования заключается в возможности разработки рекомендаций для образовательных учреждений по учету различных цифровых стратегий студентов. В частности, представляется перспективным создание более гибких систем оценки цифровой активности, которые бы не сводились к формальным показателям вовлеченности. Особого внимания заслуживает вопрос о разработке инструментов цифрового благополучия, которые могли бы помочь студентам найти баланс между участием и неучастием в цифровой среде.

Результаты исследования подчеркивают необходимость переосмысления традиционных подходов к цифровой социализации студенческой молодежи. Полученные данные свидетельствуют о том, что современные студенты вырабатывают сложные, подчас противоречивые стратегии взаимодействия с цифровой средой, которые не всегда соответствуют ожиданиям образовательных институтов. Также эксперты отметили необходимость развития цифровой культуры в университетской среде, которая бы учитывала разнообразие студенческих практик. Особое значение приобретает создание условий для осознанного выбора степени цифрового участия, без давления и стигматизации тех, кто предпочитает ограничивать свое присутствие в онлайн-среде. Это требует, как изменения образовательных программ, так и трансформации институциональной культуры вузов.

Перспективы дальнейшего изучения феномена цифрового неучастия связаны с необходимостью разработки новых теоретических моделей, способных адекватно описать сложность и многомерность этого явления. Особого внимания заслуживает вопрос о влиянии цифрового неучастия на формирование профессиональной идентичности студентов различных специальностей. Важным направлением могло бы стать исследование роли цифрового неучастия в процессах социальной мобильности и профессиональной адаптации выпускников.

Исследование позволило выявить, что цифровое неучастие студенческой молодежи представляет собой сложный и многомерный феномен, требующий переосмысления традиционных представлений о цифровой вовлеченности. В отличие от распространенного стереотипа о том, что молодежь полностью зависима от цифровых технологий, современные студенты демонстриру-

ют избирательное и рефлексивное отношение к технологиям, что свидетельствует о формировании новых паттернов цифрового поведения.

Важным аспектом цифрового неучастия является его ситуативный характер – студенты могут активно использовать одни цифровые инструменты и полностью игнорировать другие в зависимости от контекста и текущих задач. Эта гибкость противоречит традиционным представлениям о цифровой компетентности как о всеобъемлющем навыке. Исследование выявило значительное влияние различных факторов на цифровое неучастие. Страх негативной оценки, опасения по поводу цифрового следа и усталость от постоянной онлайн-видимости становятся серьезными барьерами для участия в цифровых практиках, особенно в публичных обсуждениях и социальных сетях.

Особого внимания заслуживает обнаруженный в исследовании парадокс: несмотря на формальное присутствие в цифровых сообществах (подписки), многие студенты практически не проявляют в них активности. Это свидетельствует о том, что традиционные показатели цифровой вовлеченности (количество подписок, лайков и т.д.) не отражают реальные практики взаимодействия с технологиями. Феномен «цифровой ностальгии», когда студенты сохраняют подписки на утратившие актуальность сообщества, отражает эмоциональную составляющую цифрового неучастия. Эти цифровые «капсулы времени» выполняют важную функцию сохранения личной истории и идентичности в условиях быстро меняющейся цифровой среды.

Ключевым выводом исследования является понимание цифрового неучастия как адаптивного механизма, позволяющего студентам сохранять контроль над своей цифровой жизнью в условиях нарастающей технологии. Это не признак цифровой некомпетентности, а свидетельство зрелого и осознанного отношения к технологиям. Практическая значимость исследования заключается в возможности разработки более гибких методик цифрового образования, учитывающих разнообразие студенческих практик. Это требует перехода от формальных показателей цифровой вовлеченности к более тонким инструментам оценки образовательных результатов.

Исследование демонстрирует необходимость развития цифровой культуры в университетах, которая бы уважала право студентов на цифровую автономию. Это требует пересмотра не только образовательных практик, но и самой философии цифровой трансформации высшей школы. В заключение следует отметить, что цифровое неучастие студенческой молодежи – это не временное явление, а устойчивый тренд, отражающий глубинные изменения в отношениях между человеком и технологиями. Его понимание и учет становятся важным условием для построения эффективной и гуманной образовательной среды в цифровую эпоху.

Дальнейшее изучение этого феномена требует междисциплинарного подхода, объединяющего усилия исследователей в области образования, психологии, социологии и цифровых технологий. Особую ценность представляют лонгитюдные исследования, позволяющие проследить эволюцию цифровых практик студентов на протяжении всего периода обучения.

Оптимальные действия, вытекающие из исследования, включают необходимость:

1. Разработки гибких методик цифрового образования, учитывающих различные стратегии студенческого участия;
2. Создания инструментов оценки цифровой активности, выходящих за рамки формальных показателей;
3. Разработки и совершенствования программ цифрового благополучия для студенческой среды;
4. Пересмотра подходов к цифровой социализации студентов с учетом выявленных паттернов неучастия.

В итоге, исследование цифрового неучастия открывает новые перспективы для понимания трансформации высшего образования в цифровую эпоху. Оно призывает к более тонкому и дифференцированному подходу к цифровизации, который бы уважал разнообразие студенческих практик и потребностей. Цифровое неучастие перестает восприниматься как проблема, а становится важным аспектом цифровой культуры современного студенчества. Его изучение и учет в образовательной политике могут способствовать созданию более сбалансированной и человеко-ориентированной системы высшего образования.

Литература

- Balota, D. A., & Paul, S. T. (2008). Summation of activation: Evidence from multiple primes that converge and diverge within semantic memory. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*, 22(4), 827–828.
- Bandura, A. (2006). Social cognitive theory of mass communication. In J. Bryant & D. Zillmann (Eds.), *Media effects: Advances in theory and research*, Erlbaum, 61–63.
- Karmini, W. N., Yudabakti, M, I., Seniwati, N, D., Makulua. K., & Burnama, N. (2024). The Effect of Student Participation through the Use of Online Learning Platforms in improving student learning outcomes. *International Journal of Language and Ubiquitous Learning*, 2(1), 14–23. <https://doi.org/10.70177/ijlul.v2i1.752>.
- Nguyen, L.T.V., Nayak, R., Watkins, J. & Nguyen, P. N. D. (2020). Drivers of social media disengagement: a study of young consumers in Vietnam. *Young Consumers*, 21(2), 155-170. <https://doi.org/10.1108/YC-01-2019-0938>.
- Radtke, T., Apel, T., Schenkel, K., Keller, J., & von Lindern, E. (2021). Digital detox: An effective solution in the smartphone era? A systematic literature review. *Mobile Media & Communication*, 10(2), 190–215. <https://doi.org/10.1177/20501579211028647>.

Theocharis, Y., & Van Deth, J. W. (2018). The continuous expansion of citizen participation: A new taxonomy. *European Political Science Review*, 10(1), 139–163. <https://doi.org/10.1017/S1755773916000230>.

Vanman, E. J., Baker, R., & Tobin, S. J. (2018). The burden of online friends: The effects of giving up Facebook on stress and well-being. *The Journal of Social Psychology*, 158(4), 496–508. <https://doi.org/10.1080/00224545.2018.1453467>.

Антоновский, А. В., Басюк, А. С. (2022). Отчуждение от учебной деятельности в условиях цифровой трансформации образования. *Прикладная психология и педагогика*, 7(3), 24–43. <https://doi.org/10.12737/2500-0543-2022-7-3-24-43>.

Бродовская, Е. А., Домбровская, А. Ю., Пырма, Р. В., Азаров, А. А., Синяков, А. В. (2019). «Цифровая гражданственность» в оценках российской молодежи. *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК*, 15(3), 4–22.

Гремилова, Е. А. (2019). Проявления феномена «цифровой детокс» как последствия «цифровой усталости». *Вестник современных исследований*, 1.6(28), 83–86.

Дурдыев, О., Овезмырадов, Э., Русланов, А., Атагельдиев, И. (2024). Цифровой детокс: способы сбалансированного использования технологий. *Символ науки: международный научный журнал*, 1(11-1), 64–66.

Ефимова, Г. З., Семенов, М. Ю. (2020). Цифровой детокс молодежи (на примере использования социальных сетей). *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*, 20(3), 572–581. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-3-572-581>.

Карагулян, Е. А., Батырева, М. В. (2024). Социально-политическое участие с использованием цифровых сервисов: пустой ритуал или подлинное участие? *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*, 17(1), 65–83. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2024.105>.

References

Antonovsky, A. V., & Basyuk, A. S. (2022). Alienation from educational activities in the context of digital transformation of education. *Applied Psychology and Pedagogy*, 7(3), 24–43. <https://doi.org/10.12737/2500-0543-2022-7-3-24-43>. (in Russ).

Balota, D. A., & Paul, S. T. (2008). Summation of activation: Evidence from multiple primes that converge and diverge within semantic memory. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*, 22(4), 827–828.

Bandura, A. (2006). Social cognitive theory of mass communication. In J. Bryant & D. Zillmann (Eds.), *Media effects: Advances in theory and research*, Erlbaum, 61–63.

Brodivskaya, E. A., Dombrovskaya, A. Yu., Pyрма, R. V., Azarov, A. A., & Sinyakov, A. V. (2019). "Digital citizenship" in the assessments of Russian youth. *Political expertise: POLITEX*, 15(3), 4–22. (in Russ).

Durdyev, O., Ovezmyradov, E., Ruslanov, A., & Atageldiev, I. (2024). Digital detox: ways of balanced use of technologies. *Simvol nauki: mezhdunarodnyy nauchnyy zhurnal*, 1(11-1), 64–66. (in Russ).

Efimova, G. Z., & Semenov, M. Yu. (2020). Digital detox of youth (on the example of using social networks). RUDN Journal of Sociology, 20(3), 572–581. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-3-572-581>. (in Russ).

Gremilova, E. A. (2019). Manifestations of the "digital detox" phenomenon as a consequence of "digital fatigue". Vestnik sovremennykh issledovaniy, 1.6(28), 83–86. (in Russ).

Karagulyan, E. A., & Batyreva, M. V. (2024). Socio-political participation using digital services: empty ritual or genuine participation? Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology, 17(1), 65–83. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2024.105>. (in Russ).

Karmini, W. N., Yudabakti, M, I., Seniwati, N, D., Makulua. K., & Burnama, N. (2024). The Effect of Student Participation through the Use of Online Learning Platforms in improving student learning outcomes. International Journal of Language and Ubiquitous Learning, 2(1), 14–23. <https://doi.org/10.70177/ijlul.v2i1.752>.

Nguyen, L. T. V., Nayak, R., Watkins, J. & Nguyen, P. N. D. (2020). Drivers of social media disengagement: a study of young consumers in Vietnam. Young Consumers, 21(2), 155–170. <https://doi.org/10.1108/YC-01-2019-0938>.

Radtke, T., Apel, T., Schenkel, K., Keller, J., & von Lindern, E. (2021). Digital detox: An effective solution in the smartphone era? A systematic literature review. Mobile Media & Communication, 10(2), 190–215. <https://doi.org/10.1177/20501579211028647>.

Theocharis, Y., & Van Deth, J. W. (2018). The continuous expansion of citizen participation: A new taxonomy. European Political Science Review, 10(1), 139–163. <https://doi.org/10.1017/S1755773916000230>.

Vanman, E. J., Baker, R., & Tobin, S. J. (2018). The burden of online friends: The effects of giving up Facebook on stress and well-being. The Journal of Social Psychology, 158(4), 496–508. <https://doi.org/10.1080/00224545.2018.1453467>.

Д.В. Волковский**D. Volkovskii****ДЕЛИБЕРАТИВНЫЙ
ПОДХОД К АНАЛИЗУ
КАЧЕСТВА ЦИФРОВЫХ
КОММУНИКАЦИЙ
ВЛАСТИ И ГРАЖДАН:
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ
АСПЕКТ****DELIBERATIVE
APPROACH TO
ANALYSING
THE QUALITY OF DIGITAL
COMMUNICATIONS
BETWEEN AUTHORITIES
AND CITIZENS:
A METHODOLOGICAL
ASPECT****Аннотация**

Статья посвящена изучению делиберативного подхода к анализу качества коммуникаций власти и граждан в цифровой среде с методологической точки зрения. Автор подробно формулирует и предлагает с позиции делиберативной теории методологию контент-анализа качества онлайн-дискурса, апробированную в эмпирических исследованиях качества онлайн-обсуждений между властью и гражданами. Теоретико-методологическая рамка исследования основана на теориях демократической, авторитарной и кумулятивной делиберации. Особое внимание уделяется вопросам согласия и несогласия в дискуссиях, поскольку консенсус является первостепенной целью коммуникации с позиции делиберации и индикатором её качества. Для раскрытия методологических аспектов, связанных с анализом согласия и несогласия между гражданами и с властью по социально-политическим проблемам, автор обращается к теоретическим трудам зарубежных коллег, включая теории демократической и авторитарной публичной сферы, позволяющих более точно интерпретировать феномены согласия и несогласия. Таким образом, данное исследование способствует развитию методологии, связанной с оценкой политического взаимодействия власти и граждан посредством коммуникации в цифровой среде. Данный подход универсален и может использоваться в иных исследованиях, задачей которых является оценка делиберативного качества онлайн-коммуникаций

Abstract

The article is devoted to studying the deliberative approach to analysing the quality of communications between authorities and citizens in the digital environment from a methodological point of view. The author formulates and proposes from the position of deliberative theory the methodology of content analysis of the quality of online discourse, tested in empirical studies of the quality of political online conversations between authorities and citizens. The theoretical and methodological framework of this study is based on the theories of democratic, authoritarian, and cumulative deliberation. The vast attention is paid to the issues of consent and dissent in deliberation as consensus is a primary goal of deliberation and an indicator of its quality. To reveal methodological aspects related to the analysis of consent and dissent between citizens and with authorities on socio-political problems, the author refers to the theoretical works of foreign researchers, including theories of democratic and authoritarian public sphere, which allow a more accurate interpretation of the phenomena of consent and dissent. Thus, this study contributes to developing the methodology related to assessment of political interaction between authorities and citizens through communication in the digital environment. This approach is universal and can be used in other studies that aim to assess the deliberative quality of online communications both between citizens

как между гражданами, так и с органами власти вне зависимости от социально-политической ситуации, вопроса обсуждения и онлайн-платформы, на которой оно проводится.

and with state officials, regardless of socio-political situation, issue of the discussion and online platform, on which it is conducted.

Ключевые слова:

делиберативный подход, цифровые коммуникации, власть и граждане, публичная сфера, методология, online discourse.

Key words:

deliberative approach, digital communications, government and citizens, public sphere, methodology, content analysis.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2025-3-90-116>

Сдвиг в демократической теории в конце 80-х - начале 90-х гг. XX века, названный «делиберативным поворотом» (Dryzek, 2000, с. 5), стал ответом на кризис демократии, растущее недоверие к политическим партиям и политике в целом. В связи с этим широкое распространение и активное развитие в политической науке получили концепции делиберативной демократии и демократической делиберации (Dryzek, 2000; Gutmann & Thompson, 1996; Habermas, 1996), так как с государственного центризма и политического представительства фокус сместился на рациональную и уважительную коммуникацию граждан, в процессе которой их мнения, подкреплённые аргументацией, трансформируются в политические решения, принимаемые властью. Делиберативный поворот оказал масштабное влияние не только на теорию демократии, но и на всю современную политическую теорию (Dryzek, 2000), так как делиберация подняла вопросы равенства, распределения власти, участия и влияния.

Делиберация – это нормативная концепция о достижении рационально мотивированного консенсуса через взвешенное обсуждение, которое руководствуется принципами рациональности, открытости, равенства, уважения, инклюзивности, транспарентности, основанными на наборе норм и правил, ориентированных на общее благо (Habermas, 1996). Соответственно, под делиберативным качеством обсуждения понимается степень эффективности и результативности процесса коммуникации с точки зрения критериев делиберации, важным элементом которого является достижение рационального консенсуса. Под делиберативным подходом к анализу качества (онлайн-)дискуссий понимается подход, фокусирующийся на изучении таких характеристик коммуникации, как рациональность, диалогичность, аргументированность, инклюзивность, интерактивность, равноправность участия, вежливость, достижение консенсуса.

С одной стороны, делиберативный подход позволяет комплексно оценивать качество онлайн-коммуникаций власти и граждан. Он может служить основанием для эмпирического анализа онлайн-обсуждений власти и граждан, фо-

кусируясь на том, каким образом удаётся устранять разногласия и достигать консенсус. С другой стороны, на основе концепций демократической делиберации Ю. Хабермаса и кумулятивной делиберации С.С. Бодруновой, а также различных подходов к анализу делиберации разработана методика анализа делиберативного качества интернет-дискуссий. Применение данной методики к анализу онлайн-коммуникаций власти и граждан позволяет оценить, как власть использует делиберативный подход в онлайн-коммуникации с гражданами для ликвидации политических разногласий. В работе упор делается на методологическом аспекте, поэтому цель данной статьи – сформулировать и предложить методологию, позволяющую комплексно оценивать качество онлайн-коммуникаций власти и граждан с позиции делиберативного подхода.

Работа состоит из нескольких разделов, затрагивающих теоретические и методологические аспекты изучения делиберативного качества дискуссий. Сначала рассматриваются теории демократической, авторитарной и кумулятивной делиберации, включая теории демократической публичной сферы и авторитарной общественности, в совокупности, позволяющие понять основные компоненты делиберации и феномены согласия и несогласия. Методологический раздел раскрывает наработки предшественников и показывает, каким образом могут быть проанализированы коммуникации власти и граждан в цифровой среде, а также включает методологию контент-анализа качества онлайн-дискурса с позиции делиберативного подхода. Статью завершает раздел заключения, в котором говорится о будущих направлениях исследований в области цифровых коммуникаций власти и граждан, а также о возможностях совершенствования предложенного методологического подхода.

Делиберация и публичная сфера в разных политических контекстах: конструирование теоретико-методологической рамки

Делиберативная теория Юргена Хабермаса представляется важным базисом во многих делиберативных исследованиях, так как модель демократии немецкого философа основана на различных формах коммуникации, непрерывном и максимально широком политическом дискурсе в обществе, результаты которого детерминируются силой аргументов (Хабермас, 2001). Концепция подразумевает, что в ходе коллективных размышлений устанавливаются и раскрываются аутентичные проблемы общества, определяются направления их решения, оптимальные пути достижения целей. Обращаясь к понятию делиберации, которое является центром концепции делиберативной демократии, исследователи отмечают, что не существует унифицированного определения (Friess, 2015), но большинство из них уверены, что граждане, участвующие в процессе обсуждения, должны принимать политические решения на основе ар-

гументов в поддержку или опровержение определенных предложений. Делиберация понимается как процесс публичного, взаимного, целенаправленного, аргументированного, рационального, уважительного, равноправного и диалогического обсуждения между людьми, направленного на решение общих проблем и достижение консенсуса (Volkovskii & Filatova, 2022).

Фундаментальным понятием в теории Хабермаса является понятие публичной сферы, которое прошло целую концептуальную эволюцию, начиная с 1974 года. В работе приводится самая последняя дефиниция публичной сферы, которая была дана немецким философом в 2006 году. Она связана с дуалистической моделью делиберативной демократии: «Представьте себе публичную сферу как посредническую систему коммуникации между формально организованными и неформальными, идущими лицом к лицу обсуждениями на аренах, расположенных и наверху, и в самом низу политической системы» (Habermas, 2006). Продолжая рассуждения о публичной сфере, Хабермас выделяет «сильную» (институциональную) публичную сферу, которая организована, формальна и наделена прерогативами принятия решений; и «слабую» (неформальную) публичную сферу, где формируется общественное мнение и идентифицируются актуальные и новые проблемы, нуждающиеся в широком рассмотрении и освещении людьми, которые не наделены властью принимать политические решения. Большинство исследований фокусируется на политических (онлайн-)дискуссиях как одной из форм делиберативной практики, так как они лежат в основе гражданской культуры: граждане узнают о мнениях других, обнаруживают и обсуждают текущие политические и социальные проблемы, развивают и проясняют свои предпочтения посредством участия в них, а также вступают в прямую коммуникацию с органами власти, информируют их о проблемах и предлагают идеи для политических решения. Однако дискуссии на политические темы достаточно редко интегрируются в институциональные процессы принятия решений (Coleman, 2018; Habermas, 2006). Несмотря даже на то, что в обсуждениях могут обнаруживаться конструктивные идеи, глубоко аргументированные позиции, убедительные примеры из практики, сочетание противоположных точек зрения, принимающие решения лица используют все эти ценные компоненты качественной дискуссии лишь символически. Тем не менее, это не мешает рассматривать политические обсуждения граждан в цифровой среде как одну из форм электронного участия граждан в политике и как одну из форм цифрового взаимодействия граждан и власти.

В чём различие между делиберацией и повседневными политическими разговорами? Для многих учёных делиберация является нормативной концепцией, которая руководствуется принципом рациональности, основанным на наборе норм и правил, ориентированных на общее благо и направленных на

достижение рационально мотивированного консенсуса (Graham, 2015). Политические разговоры, возникающие в этих пространствах, носят неформальный, часто спонтанный и неструктурированный характер. В отличие от делиберации на формальном уровне, повседневные политические разговоры не обязательно ведут к прямому действию и направлены на принятие решений, а скорее часто носят экспрессивный характер (Mansbridge, 1999).

Возвращаясь к теориям Хабермаса, нельзя не отметить его вклад в развитие эмпирических исследований, связанных с публичной сферой и делиберацией, однако они носят ограничительный характер. Во-первых, хабермасовская концепция делиберации не соотносится с нынешними обсуждениями и их спецификой в социальных сетях, поскольку нормативные требования, предъявляемые участникам цифровой коммуникации, не всегда соблюдаются ими в ходе обсуждений, а поведение и мышление пользователей могут быть далеки от делиберативного идеала, особенно в условиях кризисных ситуаций. В свою очередь, это порождает определённый диссонанс между эмпирическими исследованиями и теорией делиберации, поскольку полученные результаты могут не соответствовать или противоречить нормативным установкам, изложенным в теории Хабермаса. Во-вторых, учёный концентрируется только на делиберативной демократии, демократической делиберации и публичной сфере в демократическом обществе, изучая эти феномены на примере западно-либеральных демократий. Однако теоретических рассуждений о том, возможна ли делиберация и публичная сфера за пределами демократического общества, Хабермасом не предлагается. Чтобы прояснить эти вопросы, необходимо обратиться к концепциям авторитарной делиберации, кумулятивной делиберации и теории авторитарной общественности, которые также позволяют понять, каким образом можно охарактеризовать публичную сферу и современный делиберативный процесс в гибридных режимах, сочетающих как черты демократии, так и автократии, причём неважно, в каких пропорциях.

Об авторитарной делиберации Б. Хэ

В 2006 году Баоган Хэ ввёл термин «авторитарная делиберация», апеллируя к китайскому политическому контексту, поскольку в китайском публичном дискурсе в принятии решений доминируют лидеры, избирающиеся неконкурентным путём. Соответственно, границы политического дискурса устанавливаются государственной партией, но при этом, как отмечается, дискурс носит делиберативный характер, ибо граждане могут коллективно обсуждать проблемы, аргументировать свои позиции и предлагать решения. Благодаря делиберативной практике власть собирает информацию об общественном недовольстве и политических настроениях и на её основе создаёт институты для контроля и

эффективного управления (He, 2006; He & Warren, 2011). Сочетание авторитарного управления и делиберативных механизмов подробно изучено и изучается на примере КНР, где делиберация функционирует как информационный ресурс, с помощью которого власть формирует публичную политику и получает поддержку от тех, на кого она направлена, обладая при этом монополией на принятие решений. В авторитарных режимах именно политические элиты устанавливают предмет и пространство для делиберативного процесса. Так, в Китае элиты контролируют дискурсивные сферы и повестку дня, ограничивая публичную делиберацию до заранее выбранных проблем управления и избегая не утвержденных для обсуждений площадок и тем, которые могут привести к делегитимации режима. Хотя делиберативный авторитаризм даёт людям больше гражданской и политической свободы слова по сравнению с консультативным авторитаризмом, тем не менее граждане обладают ограниченными полномочиями в конкретных областях управления, начиная от негативных полномочий протеста и обструкции до позитивных полномочий некоторых видов голоса (на организованных делиберативных форумах) (He & Warren, 2017). Для режима это тоже имеет последствия, а именно происходит ослабление контроля автократа над политическим дискурсом, но в обмен на другие приоритеты – собственную легитимность, устойчивость и выживание.

На примере Китая были зафиксированы две траектории развития делиберативного авторитаризма (He & Warren, 2017). Одна из них связана с тем, что возможности и влияние делиберации преимущественно используются для стабилизации авторитарного правления и его укрепления, создавая новую форму авторитаризма. В этом случае авторитарные политические ресурсы направлены на мобилизацию делиберативных механизмов (Tucker, 2008). Вторая траектория подразумевает подрыв авторитарного режима, что способствует дальнейшей демократизации, однако этого не происходит в современном режиме Китая. Кроме того, были сформулированы ключевые черты авторитарной делиберации. Первая из них связана с неустойчивым балансом между правовым режимом и интервенцией власти. Именно политический центр инициирует и контролирует делиберативный процесс через различные формальные инструменты и неформальные практики. Это делается для определения границ и содержания публичной сферы, которая, как правило, является продолжением государства, а не гражданского сектора, независимо функционирующего от государства (He & Wagenaar, 2018). Таким образом, партийное руководство устанавливает, какие формы делиберации являются легальными и легитимными, и обеспечивает баланс между коллективными интересами и ценностями, ориентированными на граждан (He & Wagenaar, 2018).

Во-вторых, при решении и управлении социальными конфликтами партия обращается к публичному разуму и коллективной силе посредством общественных опросов (He, 2018), которые показывают, как участники воспринимали де-libерацию и её уровень (Qin & He, 2018), а также как инициаторы де-libеративных собраний обеспечивали и организовывали обсуждение различных позиций (Tong & He, 2018). Такая форма взаимодействия граждан и власти может дополняться методами мягкой силы (Niu & Wagenaar, 2018). Важно подчеркнуть, что авторитаризм не устраняет полностью инакомыслие и несогласие в обществе, поэтому для решения проблемы неопределённости и легитимности вместо принуждения и репрессивного подхода может использоваться де-libеративный под маской демократических реформ. Например, такой альтернативный метод может применяться для кооптации диссидентов и поддержания социального порядка. Формализованная де-libерация, которая может не оказывать реального влияния на принятие решений и демократизацию гражданских прав и свобод, тем не менее, решает вопрос о том, могут ли люди участвовать в обсуждении. На этом этапе многие конфликты могут уже быть преодолены, что делает авторитарный режим более устойчивым и даже инклюзивным, а значит цель авторитарной де-libерации достигнута.

В-третьих, де-libеративный процесс строго контролируется властью, но в нём допускаются различного рода локальные эксперименты по развитию элементов де-libерации (Fishkin, 2018). Центр даёт определённую степень автономии и гибкости местным органам управления, а взамен получает от них разработанные механизмы расширения прав и возможностей для повышения работоспособности и эффективности публичной де-libерации (Qin & He, 2018). Такие механизмы позволяют увидеть границы того, что может нарушить авторитарный климат, а также ослабить уровень гражданского напряжения и нивелировать его по отношению к режиму ещё на местном уровне, не выходя на региональный или национальный уровень (Qin & He, 2018).

В-четвёртых, авторитарной де-libерации присущ взаимный инструментализм, то есть, с одной стороны, власть является бенефициаром и использует де-libерацию в стратегическом ключе для предотвращения демократизации и развития элементов де-libеративной демократии (Qin & He, 2018); с другой стороны, граждане используют де-libеративные практики для получения материальных привилегий (Niu & Wagenaar, 2018). Однако за этими выгодами скрывается нечто большее, а именно влияние де-libеративных ценностей (социальная справедливость, общественное мнение, рациональность, коллективные интересы) на понимание участниками личных и чужих мотивов, предпочтений (He, 2014).

В-пятых, сильная взаимосвязь делиберативного процесса и политико-административной функции. Авторитарная делиберация возникает, когда способность режима решать сложные коллективные задачи достигает своих лимитов (He & Warren, 2011). Любое управление сталкивается с проблемами динамической сложности и новыми системными трансформациями, ответом на которые является повышение разнообразия и осведомлённости в политическом взаимодействии (Dryzek, 1990). В этом контексте авторитарная делиберация может выступать средством, направленным на редукцию сложности системы и повышение её способности эффективно управлять. Чтобы такой подход мог работать, необходимо введение коммуникативной рациональности и её критериев, которые будут включать неделиберативные и антиделиберативные поведенческие характеристики (манипуляцию, дезинформацию, обман, скрытую повестку дня, жёсткие переговоры, закулисные сделки и др.).

Несмотря на то, что на примере Китая были отмечены и авторитарная делиберация, и делиберативный авторитаризм, стоит сказать, что не все недемократические режимы обращаются к делиберативной практике и используют её в полной мере. Делиберация может использоваться в ограниченном формате, если, например, режим не желает или не имеет ресурсов для осуществления контроля над обществом и поддержания порядка в нём, обращаясь исключительно к репрессиям. Кроме этого, не стоит забывать, что делиберация, независимо от того, демократическая она, или авторитарная, является коммуникативной структурой, в рамках которой создаётся публичное пространство, в том числе и для разрешения конфликтов и разногласий между различными акторами политики, а также коммуникативной стратегией, которая социально легитимизирует действия политических акторов, принимающих решения на государственном уровне. Поэтому рассматривать демократическую делиберацию исключительно как черту демократического режима или авторитарную делиберацию как черту авторитарного режима, что делается в рамках концепций Хамбермаса и Хэ, некорректно. Более того, в одном из исследований зафиксировано, что авторитарная делиберация прослеживается в том числе и в западно-либеральных демократиях (Romano, 2018), что мгновенно разрушает тезис китайского политолога о том, что авторитарная делиберация априори является чертой авторитарного режима.

О кумулятивной делиберации С.С. Бодруновой

Концепция кумулятивной делиберации позволяет точнее объяснять, как формируются мнения в современных дискуссиях, проходящих в интернет-среде между различными акторами, включая органы власти, а не только граждан. Помимо этого, в концепции предлагается новый подход к пониманию нормативно-

сти в общении пользователей при накопительном формировании мнений. Таким образом, это помогает отличать легитимное недовольство онлайн-пользователей и естественные дискурсивные практики от преднамеренных цифровых угроз. Под кумулятивной делиберацией понимается «1) процесс накопления, перераспределения и рассеивания общественного мнения (мнений), созданного участием интернет-пользователей различного институционального статуса в онлайн-дискурсивной деятельности, и 2) влияние накопленных мнений на позиции институциональных акторов и дискурсы, включая работу СМИ и полисимейкинг» (Бодрунова, 2023). Профессор С.С. Бодрунова заявляет, что формирование мнений в интернет-среде носит кумулятивный, а не делиберативный характер, то есть цифровая коммуникация организуется не по принципу «круглого стола», как в теории Хабермаса, где каждый выслушивает каждого, а замещается одновременным выражением мнений многих акторов с минимальным объёмом внимания друг к другу. Доминирующие мнения в обсуждении по-прежнему формируются путём аккумуляции сходных позиций и вопреки высокому уровню белого шума.

При изучении качества публичных дискуссий, которое является фокусом во многих делиберативных исследованиях, образуются несколько напряжений, которые снимаются с помощью теории кумулятивной делиберации. Первое напряжение может быть связано с изучением современных онлайн-дискуссий, поскольку нормативные требования к участникам коммуникации по Хабермасу не соблюдаются в реальности. Концепция кумулятивной делиберации позволяет исследовать качество политических дискуссий в цифровой среде, снимая с интернет-пользователей излишние нормативные требования, изложенные в делиберативной теории Хабермаса, и допуская неделиберативность, недIALOGичность, отсутствие стремления к консенсусу. Индивидуальное высказывание человека в онлайн-среде расценивается как коммуникативный акт, основанный не на стремлении к консенсусу, а на существующем конфликте. Таким образом, количество параметров для анализа обсуждения и их интерпретация расширяется: допускается сочетание эмоциональности и рациональности, вежливого и оскорбительного языкового поведения коммуницирующих персон, преследования общих и собственных интересов. Второе напряжение может быть связано с изучением делиберативного качества дискуссий в условиях кризиса, поскольку уровень нерациональности, нетолерантности пользователей по отношению к другим в онлайн-коммуникации растёт, что явно снижает её уровень соответствия делиберативным критериям и затрудняет достижение консенсуса между различными акторами. Так как концепция кумулятивной делиберации допускает неделиберативное поведение участников коммуникации, она позволяет исследовать качество дискуссий в условиях кризиса, что делает её более универ-

сальной теорией для эмпирического анализа. Третье напряжение может быть связано с тем, к какому полюсу относится современный делиберативный процесс в гибридных режимах: ближе к западно-либеральной демократической традиции или авторитарной? Концепция кумулятивной делиберации не подразумевает разделения на демократические и недемократические режимы и показывает, что процессы, происходящие при делиберации между гражданами или с органами власти в различных политических контекстах, очень похожи, почти не различаются с точки зрения механизма, но могут различаться по вопросу делиберативного качества и акторов, которые в ней участвуют. Говоря об акторах, участвующих в делиберации за пределами либерально-демократических стран, стоит обратиться к концепции немецкого политолога Флориана Тоепфля, описывающего то, как может быть устроена публичная сфера в авторитарном режиме (2020).

Об авторитарной общественности Ф. Тоепфля

В теории Хабермаса, например, говорится о том, что для процветания политического дискурса и делиберации в публичной сфере необходимы граждане, которые активно и свободно участвуют в управлении и политической жизни общества. Однако эта концептуальная установка противоречит представлению об авторитарной публичной сфере, требующей от граждан строгого повиновения и не приветствующей плюрализм мнений и аргументированный, критический дискурс (Arendt, 1973). Немецкий политолог Ф. Тоепфль выделяет три типа моделей авторитарной общественности, под которой понимается специфическая совокупность участников, среды и дискурсивных практик: 1) некритичная, 2) критически настроенная к политике и 3) критически настроенная к руководству (2020). В некритической модели в политической жизни общества участвуют лишь некритические субъекты, которые не высказывают никакой критики в отношении политики, правящих элит, внешнеполитических партнёров, если, конечно, эта критика не была предварительно сформулирована автократом. Критически настроенная к политике общественность, как правило, может негативно высказываться по отношению к институтам низшего уровня и должностным лицам режима, исключая комментарии в адрес автократа и его ближайшего окружения. В третьей модели наблюдается присутствие всех трёх типов публик, участвующих в политической жизни общества. Явным отличием её от двух предыдущих моделей является наличие общественности, регулярно критикующей автократа и его ближайшее окружение. Немецкий политолог отмечает, что критически настроенная общественность может восприниматься не только как угроза стабильности авторитарных режимов, но и как институты, помогающие автократам выполнять важные управленческие задачи (Тоерфл, 2020). Для субъ-

ектов, критически высказывающихся о политике или политическом руководстве страны, критика служит легальным способом дискурсивного действия, степень откровенности и формы выражения которой может зависеть от культурно-политического контекста.

Ф. Тоепфл рассматривает критически настроенную общественность как псевдodemократический институт, который не обязательно угрожает стабильности и жизнедеятельности авторитарного режима и является катализатором демократизации, а, наоборот, может способствовать выживанию и устойчивости такого режима (Тоерфл, 2021), поскольку такая общественность может помогать автократам собирать информацию об обществе, его потребностях и уровне недовольства, разрешать социальные конфликты и повышать уровень компетентности власти в глазах граждан. Таким образом, заметно прослеживаются схожие параллели с концепциями консультативного авторитаризма и авторитарной делиберации, в которых делиберация интерпретируется как инструмент сбора информации о проблемах граждан, разрешения противоречий, ликвидации политических разногласий и общественного недовольства, повышения прозрачности правительства, то есть как инструмент легитимации власти и её политики в недемократических странах. Соответственно, таким инструментом можно назвать и критически настроенную общественность.

Данная концепция даёт аналитическую базу для изучения публичных сфер за пределами западно-либеральных демократий и позволяет исследовать и сравнивать делиберацию, публичную сферу в авторитарных контекстах по таким параметрам, как акторы, среда, дискурсивные практики. Помимо этого, одним из преимуществ концепции является неоднолинейность в интерпретации критически настроенной общественности как псевдodemократического института, который может исполнять различные роли в авторитарном обществе. Этот подход важен для понимания сложной динамики взаимодействия различных политических акторов и коммуникационных процессов, происходящих между ними. Однако заметным пробелом в концепции Ф. Тоепфла является отсутствие понимания о том, как граждане, критически или некритически настроенные к руководству и его политике, взаимодействуют с властью, в том числе и в цифровой среде, поскольку политолог в качестве участников в основном рассматривает СМИ, журналистов, оппозиционные силы. Помимо этого, нет чёткого представления о том, в чём коренные отличия публичной сферы по Хабермасу от публичной сферы, существующей при авторитаризме или гибридном режиме, ведь критически настроенная общественность существует и в демократических обществах, однако способы и качество её взаимодействия с различными акторами публичной сферы будут различаться. Кроме этого, возникает вопрос о том, существуют ли только критически или некритически настроенные публики

в авторитарных режимах, поскольку у авторитарного режима могут быть и последователи, которые в действительности поддерживают автократа и его политику. И к рассуждениям о критически настроенной общественности, которая регулярно критикует политику и правящие элиты, добавляется ещё идея о существовании двух моделей критически настроенной общественности: 1) общественность, которая точно, конкретно может высказываться против политики автократа и власти в целом, но не на регулярной основе; 2) общественность, которая не согласна со всеми, т.е. критикующая взгляды как некритично настроенных, критично настроенных, так и поддерживающих групп общественности. Такой взгляд явно расширяет представление об авторитарной публичной сфере и требует дальнейшей эмпирической проверки.

Обобщая теоретические рассуждения, делиберация онлайн может рассматриваться одновременно с нескольких позиций. С одной стороны, делиберация онлайн выступает формой политического взаимодействия граждан и власти в онлайн-среде и формой электронного участия граждан в политике; с другой, делиберация выступает инструментом легитимации власти и её политики. Говоря о согласии и несогласии граждан с властью в политических дискуссиях, их можно рассматривать как неотъемлемые компоненты делиберации, особенно консенсус, являющийся важным индикатором делиберативного качества. В то же время согласие граждан с властью интерпретируется как акт поддержки руководства и его курса, а несогласие граждан является актом неподдержки, элементом критики в адрес правящих элит и их политики.

Методология контент-анализа качества онлайн-коммуникаций власти и граждан с позиции делиберативного подхода

Для разработки единого методологического подхода используется несколько подходов для оценки делиберативного качества онлайн-дискуссий. Во-первых, широко используемый в современных делиберативных исследованиях Индекс качества дискурса (Discourse Quality Index, 2003), включающий такие критерии, как участие, уровень аргументации, контент аргументации, уважение, контраргументы, конструктивная политика (Steenbergen et al., 2003). Во-вторых, аналитический подход к оценке качества дискуссий, созданный Ю.Г. Мисниковым (Deliberative Standard to Assess Discourse Quality, 2011), где были описаны семь тематически различных дискурсивных параметров для руководства процессом кодирования постов онлайн-дискуссий: партисипаторное равенство, аргументация, культура коммуникации, действенность утверждений, интерактивность, диалогичность, тематическое разнообразие (Misnikov, 2011). В-третьих, концепция кумулятивной делиберации, предложенная российским профессором С.С. Бодруновой (2023). Как упоминалось ранее, концепция под-

разумеает, что характер формирования общественного мнения в интернет-среде носит кумулятивный, а не делиберативный характер, и освобождает обычных пользователей от чрезмерных нормативных требований к их делиберативным способностям, сохраняя при этом таковые для институциональных субъектов. Более того, концептуальная основа указывает на несколько неделиберативных особенностей общения пользователей, таких как иррациональность, одновременность (и отсутствие порядка), недиалогичность, потенциальное неравенство, допустимая эмоциональность и даже невежливость (в рамках закона) речи, а также неконсенсусная постановка целей. Кроме трёх упомянутых подходов к анализу онлайн-дискурса, используется подход Дж. Строммер-Галлей для анализа (не)согласия и их типов в категориях аргументации и (не)вежливости (2007, 2009, 2015). Эти методологические подходы объединяются для комплексной оценки качества делиберативного онлайн-дискурса. В результате выделяются три измерения, основанные на эндогенных параметрах коммуникации:

1) (не)равноправное участие: инклюзивность, количество участников и их комментарии;

2) (ир)рациональность: дискурс по теме/не по теме, наличие/отсутствие и тип аргументации, элементы конструктивной политики;

3) (не)диалогичность: интерактивность, (не)вежливость и (не)согласие.

(Не)равноправное участие. Содержит несколько категорий кодирования, описывающих количество участников (как граждане, так и представители власти), количество их комментариев в обсуждении. Они были сформулированы на основе результатов предыдущих исследований (Filatova & Volkovskii, 2020, 2021; Volkovskii, Filatova, Bodrunova, & Bolgov, 2024): неактивный (1 сообщение), умеренно активный (2–3), активный (4–5), очень активный (6–9) и гипер-активный (10 постов и более). Данная категория позволяет понять по количеству сообщений, кто из акторов коммуникации был более/менее активным в делиберативном процессе. Помимо этого, появляется такой параметр, как инклюзивность, который указывает на то, кто участвует в публичном дискурсе, и кто из него исключён, так как администраторами онлайн-платформ могут использоваться различные методы по контролю над делиберативным процессом, включая удаление комментариев и блокировку пользователей.

(Ир)рациональность. Параметр «разговор по теме/не по теме» даёт представление о том, насколько дискуссия в целом соответствовала изначально заданной теме и какие прочие проблемы поднимались участниками, в том числе в каком процентном соотношении по отношению к коммуникациям по теме. Это позволяет увидеть, какие вопросы на самом деле волновали граждан и в каком ключе они были адресованы властям.

Аргументация является существенной составляющей в делиберативной теории, включая концепцию Ю. Хабермаса, и при эмпирическом анализе любых дискуссий. Она позволяет прежде всего участникам понять позиции друг друга и поддерживать диалог, обмен мнениями. Аргументация значима, поскольку она помогает увидеть позиции согласия и несогласия, выступающие, в свою очередь, демократическими формами публичного рассуждения посредством межличностного взаимодействия, в том числе с органами власти. Аргументация должна воспрепятствовать тому, чтобы некоторые лица внушали и приписывали то, что хорошо и выгодно для них. Таким образом можно нейтрализовать властный дисбаланс, сформировать автономную волю и способствовать соблюдению равных возможностей для реализации личных интересов каждого участника. Следовательно, необходимость в аргументах вытекает из позиций участия в дискурсе и выравнивания отношений власти, а не лишь гносеологии.

Для анализа типов аргументации используется классификация, предложенная Фишером и его коллегами (2022), где было описано и эмпирически применено несколько типов аргументов: индуктивный, дедуктивный, каузальный, аналогия, выражение неопределённости и вопрос (табл. 1) (Fischer et al., 2022). Такой подход позволяет установить эксплицитную разницу в типах аргументов, предлагаемых правительственным корпусом и обычными гражданами.

Таблица 1. Классификация и описание типов аргументации, заимствованные из исследования Фишера и его коллег (2022)

Тип аргумента	Описание
Индуктивный	Личные примеры, жизненный опыт и гипотетические примеры могут быть использованы для того, чтобы индуктивно донести свою мысль. Участники могут рассказывать истории в качестве формы рассуждения.
Дедуктивный	Дедуктивное рассуждение включает в себя использование экспертных знаний, статистических данных или авторитетных текстов.
Каузальный	Это доказательство использует логику «если-то» для обоснования конкретного результата. Корреляционные отношения подразумевают наличие ассоциации, но с множеством потенциальных причин.
Аналогия	Участники используют аналогии в качестве аргументации в поддержку своих утверждений. Аналогии сравнивают две цели и помечают их как похожие.
Выражение неопределённости	Выражение неопределённости является основным источником давления на участников, не определившихся с мерой. Выражение неуверенности указывает на то, что рассуждения носят несанкционированный характер, поскольку группа пришла к решению.
Вопрос	Независимо от того, есть ли у участника комментарий или он действительно не знает, вопросы являются распространенной коммуникативной тактикой для выражения аргументации.

Измерение конструктивной политики имеет большое значение, поскольку дает возможность выяснить, кто конструирует политический дискурс (правительство или граждане?) и, кто предлагает конструктивные решения для решения проблем и достижения консенсуса. Авторы DQI (2003) выделяют три кода, которые также реализованы в нашем исследовании: 1) позиционная политика, означающая отсутствие компромисса или достижения консенсуса между спикерами, твердо придерживающимися своих позиций; 2) альтернативное предложение, которое не охватывает текущую повестку дня, но соответствует другой; 3) посредническое предложение, соответствующее текущей повестке дня.

(Не)диалогичность. Интерактивность концептуально делает акцент на окружающих. Если участник коммуникации понимает других и знает, как найти к ним подход, то он лучше поймёт себя и свои коммуникативные действия. Одним из преимуществ интерактивности является то, что не требуется, чтобы участники, вовлечённые в публичный диалог, встречались лицом к лицу. Интерактивность не обязательно направлена на стимулирование публичного взаимодействия индивидов. Скорее всего это возможность быть диалогичным и кооперативным с равными себе людьми, что привлекает остальных граждан к участию в онлайн-дискурсе. Полемика также рассматривается как часть интерактивности. Существует спор насчёт того, кого из участников интернет-дискуссий можно считать интерактивным: того, кто отвечает только на предыдущее сообщение, или того, кто отвечает на многие сообщения. Те и другие будут являться интерактивными участниками, однако степень их интерактивности будет значительно различаться. Под интерактивностью понимается взаимодействие между пользователями, которое может быть отмечено двумя показателями: 1) упоминание одного участника другим в разговоре (либо по имени со ссылкой на пост); 2) без упоминания имени человека, но по ссылке на ответ.

Одной из наиболее популярных областей делиберативных исследований, относящихся к направлению изучения делиберативного процесса, является (не)вежливость в политических онлайн-дискуссиях по вопросам, представляющим общий интерес. Понятия «вежливость» (civility) и «невежливость» (incivility) трудноопределимы, поэтому существуют проблемы с концептуализацией и операционализацией этих терминов для эмпирических исследований и анализа форм коммуникативного поведения в онлайн-дискуссиях (Volkovskii & Filatova, 2023). Вежливость характеризует качественную природу политического дискурса. Она понимается как демонстрация толерантного отношения к другим участникам дискуссии, их позициям и/или предмету обсуждения. Соответственно, невежливость означает нетерпимое отношение к участникам, их позициям и/или предмету обсуждения. Категория вежливости заимствована из рабо-

ты Ю. Мисникова (Misnikov, 2011), поскольку она была успешно протестирована в нескольких недавних работах (Volkovskii & Bodrunova, 2023; Volkovskii, Filatova, Bodrunova, & Bolgov, 2024). Для расширения репертуара делиберативного анализа, касающегося культуры речи, мы также обращаемся к концепции кумулятивной делиберации, в которой допускается использование участниками невежливого тона в политических разговорах, но в рамках закона (Бодрунова, 2023). Характеристики распределены по двум категориям, поскольку анализируются комментарии как правительства, так и граждан, которые могут быть (не)вежливыми по отношению к (1) теме обсуждения; (2) к гражданам; (3) к представителям власти; (4) к другим темам. Если рассмотреть DQI (2003), то существует категория уважения, которая может быть аналогична термину вежливости. Однако были представлены лишь три общих характеристики (отсутствие уважения; неявное уважение; явное уважение), которые сужают анализ культуры общения.

В работах Строммер-Галлей и её коллег был предложен систематический способ измерения того, что происходит в ходе обсуждений, включая процедуру кодирования и анализа (не)согласий (Stromer-Galley, 2007). Так, под согласием понимался сигнал поддержки того, что было сказано предыдущим собеседником. Наличие согласия способствует сближению между разными пользователями и улучшает рациональную оценку аргументов пользователя (Stromer-Galley & Muhlberger, 2009). Согласие включает в себя комментарий, в котором явно или неявно выражено согласие с высказываниями других пользователей (Stromer-Galley, Bryant, & Bimber, 2015). Заявление о согласии – это высказывание мнения. В русском языке согласие традиционно понимается носителями языка как положительное отношение к чему-либо, разрешение чего-либо. По данным «Словаря русского языка» С.И. Ожегова (2003), согласие имеет следующие значения: 1) разрешение, утвердительный ответ на просьбу; 2) единомыслие, общность точки зрения.

В работе англоязычных авторов несогласие понимается как утверждение, сигнализирующее о противоречии с чем-либо, сказанным предыдущим оратором, включая ведущего. Сообщения кодируются как несогласие, когда они (1) расходятся с общим тоном обсуждения (рассматривая предыдущее сообщение в теме в качестве основного), что указывает на неоднородность темы; (2) явно расходятся с мнением другого комментатора в виде пометки имени или ответа. Следовательно, несогласие кодируется, если соблюдается хотя бы одно из двух условий. Если в двух комментариях критикуется одна идея, а другой комментатор впоследствии защищал её, то такое сообщение кодируется тоже как несогласие. Наличие разногласий – необходимое условие для дискуссии, которая требует столкновения различных точек зрения, чтобы быть плодотвор-

ной и избежать когнитивных ошибок и предубеждений (Stromer-Galley, Bryant, & Bimber, 2015). Более того, реакция на несогласие свидетельствует об отношении пользователей к другим мнениям и желании прийти к признанию. В «Словаре русского языка» С.И. Ожегова даётся следующая дефиниция слова «несогласие»: 1) отсутствие единомыслия; разногласия в чём-нибудь; 2) отсутствие согласия на что-нибудь, отказ. Несогласие воспринимается как антоним согласия, поэтому первое значение и первую часть второго значения можно рассматривать как антонимы первым двум значениям понятия «согласие». Вторая часть лексического значения дефиниции «несогласие» содержит сему «отказ» (Крайнова, 2012).

В 2015 году была предложена классификация типов выражения несогласия. В статье были проанализированы способы инициирования разногласий, качественные различия в формах их выражения в оффлайн и онлайн-дискуссиях, а также то, насколько сильно поддерживается несогласие в онлайн-среде (Stromer-Galley, Bryant, & Bimber, 2015). Одной из трудностей исследования стала классификация типов несогласия в категории коммуникативной культуры: мягкое (soft) и категоричное/решительное (bold) выражение несогласия. Мягкие выражения несогласия – это те, которые смягчают несогласие с помощью таких фраз, как «Хорошо, но», «Я согласен, но» и т. д. Эти фразы являются формой предварительного согласия. Они демонстрируют предпочтение к согласию в том смысле, что откладывают разногласия (Goodwin, 1983). В этом смысле смягчение различий ближе к тому, что Ладен назвал «приглашением» к рассуждению, то есть к взаимному взаимодействию, «благодаря которому мы настраиваемся и развиваем пространство причин, в котором живём» (Laden, 2012). Предполагается, что такие коммуникативные знаки, как «Я понимаю вашу точку зрения, но», «Я не уверен в этом» и «Это не совсем верно», сигнализируют о том, что говорящий задумывается над тем, что говорят другие, и поэтому может быть открыт для других высказываний и оценочных точек зрения. Таким образом, говорящий модулирует своё участие в обсуждении, делая вид, что допускает другие направления исследования или остаётся открытым для дальнейшего взаимодействия.

Категоричное несогласие подразумевает резкий вызов и прямое выражение несогласия. Выражая, например, «Вы не правы» или «Я не согласен», говорящий заявляет, что другой неправ или что определённое соображение не учтено (или даже иррационально) таким образом, что сигнализирует об отсутствии общих оснований в разговоре. В этой ситуации говорящий представляет себя как менее открытого к движению, основанному на общем наборе причин (Laden, 2012). Считается, что решительные разногласия не являются пригла-

шением к совместному обсуждению. Поэтому ожидается, что, в отличие от мягких, они могут повлечь за собой меньшую мотивацию к объяснению причин.

Классификация категоричных и мягких типов разногласий относится к вопросу использования гражданской культуры общения при изучении онлайн-дискуссий. Эти два понятия связаны, но это не одно и то же. Научный ажиотаж по поводу категоричных и мягких разногласий — это другой вид оценки, и он подчёркивает, как люди выражают свои взгляды в диалоге с другими, чьи взгляды не совпадают. Анализ (не)вежливости требует суждения о том, имеет ли выражение намерение или эффект проявления, или непроявления уважения к отдельным лицам или группам (Steffensmeier, 2008). Выражение вежливого несогласия может быть решительным или мягким. В связи с этим исследователи сосредоточились на изучении самих выражений и способов, которыми разногласия передаются другим, а именно формулируются ли разногласия в предварительных терминах, сигнализирующих о желании достичь согласия.

В 2020-2021 гг. зарубежные исследователи предложили более широкую классификацию типов несогласия, в которой акцент был смещён на различие между «нецивилизованным» (uncivil) и невежливым (intolerant) выражением несогласия (Rossini & Maia, 2021). Помимо анализа наличия/отсутствия разногласий на различных дискуссионных площадках был рассмотрен вопрос о том, насколько разногласия связаны с таким видом делиберативного поведения, как аргументация. Согласно результатам исследования, выражение несогласия может быть, как обоснованным, то есть закодированным, когда присутствуют какие-либо объяснения или уточнения для обоснования мнения, так и необоснованным, то есть закодированным, как любое замечание, раскрывающее точку зрения комментатора на тему без каких-либо уточнений.

В 2021 году в другом исследовании изучалась взаимосвязь разногласий и аргументации в ходе обсуждения (Maia, Hauber, Choucair, & Crepalde, 2021). Основное внимание уделялось анализу реальных онлайн-дискуссий на форумах законодательных органов, СМИ и активистов с целью изучения комплекса факторов, влияющих на обоснованное несогласие в цифровой среде. В то время как группа традиционных исследований посвящена влиянию несогласия на гражданское и политическое участие, данное исследование выявило формы несогласия, которые сохраняют фундаментальную связь с обоснованием. Результаты показали, что контекст играет важную роль в формировании онлайн-коммуникации, но другие переменные имеют ещё более сильные корреляции. В частности, мягкое разногласие, сигнализирующее о возможном согласии в разговоре, значительно повышает вероятность оправдывающего поведения.

Другое направление анализа разногласий, способов/тактик их выражения можно отметить в работе Фишера и его коллег (2022), где была разработа-

на типология не только различных форм аргументации, но и разногласий (Fischer et al., 2022). Были выделены четыре основные формы разногласий в дискуссии: вопрос, переупаковка, согласие на несогласие, дискредитация участников и источников.

Таким образом, в продолжение идей исследователей, раскрытых в предыдущих работах и описанных выше, методика может содержать следующие компоненты анализа согласия и несогласия:

- (1) анализ наличия и отсутствия согласия и несогласия;
- (2) анализ типов разногласий в двух категориях – аргументации и культуры общения; поскольку интерес к проблеме разногласий выше, то они анализируются по следующим критериям:
 - обоснованные и необоснованные;
 - вежливые (мягкие и категоричные) и невежливые;
- (3) анализ форм/тактик выражения несогласия:
 - в форме вопроса;
 - переупаковка: рефрейминг или перефразирование позиции, минимизация проблемы или её преуменьшение, проведение семантических различий, подчеркивание нечёткости формулировки предложения/доказательств;
 - согласие на несогласие;
 - дискредитация участников/источников.

Анализ несогласия и согласия между гражданами и органами власти, основываясь на рассмотрении эмпирических исследований и концепции авторитарной общественности Тоепфла, может сводиться к следующим категориям:

- (не)согласие граждан с гражданами;
- (не)согласие граждан с органами власти;
- (не)согласие граждан с мерами политики;
- (не)согласие граждан с темой поста и информацией;
- абстрактное несогласие граждан со всеми (включая граждан, органы власти, учёных, официальные данные и др.)
- (не)согласие органов власти с гражданами.

Основываясь на обзоре литературы и теоретико-методологических разработках предшественников, а также на уже проведённых автором и его российскими коллегами эмпирических исследованиях (Волковский, 2025; Volkovskii, Filatova, Bodrunova, & Bolgov, 2024; Volkovskii & Filatova, 2020, 2025), в данной работе удалось сформулировать параметры контент-анализа делиберативного качества онлайн-коммуникаций власти и граждан. Необходимо прояснить, каковы преимущества и ограничения предложенной методологии.

Во-первых, методология основана на широкой теоретической базе и позволяет выявлять коммуникативную и социально-политическую стороны онлайн-дискурса, изучать его с позиций политического PR, политической коммуникации, публичной политики вне зависимости от типа политического режима. Во-вторых, методология позволяет анализировать не только англоязычные онлайн-дискуссии, но и русскоязычные, так как включает аспекты, связанные с особенностями русского языка (например, как могут выражаться согласие и несогласие с чем-то или кем-то). Помимо этого, методология может использоваться в исследованиях, задачей которых является оценка делиберативного качества онлайн-дискуссий как между гражданами, так и с представителями власти вне зависимости от ситуации, вопроса обсуждения и онлайн-платформы, на которой оно проводится. Таким образом, с помощью методологии можно получать эмпирические результаты, позволяющие понять, как государственные практики PR могут быть усовершенствованы для обеспечения более качественного онлайн-диалога власти с гражданами на различных платформах как в условиях социальной стабильности, так и в условиях кризиса. В-третьих, представленная методология может быть использована не только членами академической среды, но и PR-менеджерами в области государственных коммуникаций, разработчиками публичной политики, что позволит более качественно формировать и принимать политические решения, а также лучше понимать запросы и нужды населения. Однако если рассматривать критерии эффективности и результативности коммуникации с позиции не учёных, а, например, государственных деятелей, их менеджеров по связям с общественностью, обычных граждан, то важно понимать, какие маркеры для них будут более/менее значимыми в понимании качества коммуникации. В-четвёртых, методика является понятной, ей удобно пользоваться в программе Excel. Ручной подсчёт данных и их кодировка постепенно могут быть полностью автоматизированы, что ускорит и облегчит работу исследователей, особенно когда требуется анализировать огромное количество и объём коммуникаций. Исследования в данном направлении уже проводятся как зарубежными учёными (Fournier-Tombs & Di Marzo Serugendo, 2020; Shin & Rask, 2021), так и отечественными коллегами (Filatova, Volkovskii, & Begen, 2020; Misnikov & Filatova, 2019) и научными группами: Международной лабораторией цифровой трансформации в государственном управлении ВШЭ под руководством Е.Н. Стырина, а также Центром технологий электронного правительства (ЦТЭП) Института дизайна и урбанистики Университета ИТМО под руководством А.В. Чугунова.

Касательно ограничений и недостатков методологии, можно перечислить несколько из них. Во-первых, методология не включает в себя анализ «искусственных сущностей» и оставленных ими комментариев, которые могут влиять

на делиберативный процесс и качество коммуникации в целом. Соответственно, значимыми видятся исследования, в которых будут определены возможные способы автоматической детекции ботов и троллей, что позволит качественно улучшить анализ политического взаимодействия граждан и власти посредством коммуникации в цифровой среде. Уже имеются работы в данном направлении (Ахременко, Петров, Стукал, Жеглов, & Хавроненко, 2021; Stukal, Sanovich, Bonneau, & Tucker, 2022), однако пока что остаётся непонятным, как они могут быть интегрированы в анализ делиберативного качества коммуникаций (какие навыки от специалиста и какие программы требуются, на каком этапе анализа их нужно применять). Во-вторых, несмотря на то, что методология может быть автоматизирована и находится на этой стадии, она по-прежнему носит ручной характер, что означает возможные ошибки в кодировании и субъективные интерпретации, препятствующие объективному изложению результатов. В данном случае прорывным направлением видится использование программ и инструментов искусственного интеллекта, что позволит автоматизировать процессы сбора, кодировки и анализа информации, более наглядно представлять результаты, анализируя массивные объёмы данных, повышать точность и валидность результатов. Однако открытым остаётся вопрос, насколько можно будет доверять работе искусственного интеллекта и как сопоставлять его интерпретации с интерпретациями человеческого характера, которые могут сильно различаться.

Литература

- Arendt, H. (1973). *The origins of totalitarianism*. New York: Houghton Mifflin Harcourt.
- Coleman, S. (2018). Can the Internet Strengthen Democracy? *European Journal of Communication*, 33(4), 461–461. <https://doi.org/10.1177/0267323118789517a>
- Dryzek, J. (2000). *Deliberative Democracy and Beyond. Liberals, Critics, Contestations*. Oxford: Oxford University Press.
- Dryzek, J. S. (1990). *Discursive Democracy. Politics, Policy, and Political Science*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Filatova, O., Volkovskii, D., & Begen, P. (2020). Usage of Artificial Intelligence in Internet Discourse Analysis: from Manual Mechanisms of Data Processing to Electronic Ones. *CEUR Workshop Proceedings*, 2784, 352–360.
- Filatova, O., & Volkovskii, D. (2021). Online deliberation on social media as a form of public dialogue in Russia. *CEUR Workshop Proceedings*, 3090, 146–156.
- Fischer, K., Reedy, J., Piercy, C. W., & Thapaliya, R. (2022). A Typology of Reasoning in Deliberative Processes: A Study of the 2010 Oregon Citizens' Initiative Review. *Journal of Deliberative Democracy*, 18(2). <https://doi.org/10.16997/jdd.951>.
- Fishkin, J. (2018). *Democracy When the People Are Thinking*. Oxford: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198820291.001.0001>.
- Fournier-Tombs, E., & Di Marzo Serugendo, G. (2020). DelibAnalysis: understanding the quality of online political discourse with machine learning. *Journal of Information Science*, 46(6), 810–922. <https://doi.org/10.1177/0165551519871828>.

Friess, D. (2015). Online Deliberation Complete, International Communication Association Conference, Puerto Rico. <https://doi.org/10.1002/poi3.95>.

Graham, T. (2015). Everyday political talk in the Internet-based public sphere / S. Coleman, D. Freelon (eds.). *Handbook of Digital Politics*. Edward Elgar, Cheltenham, UK, 247-263. <https://doi.org/10.4337/9781782548768.00024>.

Goodwin, M. (1983). Aggravated correction and disagreement in children's conversations. *Journal of Pragmatics*, 7, 657-677.

Gutmann, A., & Thompson, D. (1996). *Democracy and Disagreement*. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press.

Habermas, J. (1996). *Between Facts and Norms. Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy*. Cambridge: MIT Press.

Habermas, J. (2006). Political Communication in Media Society: Does Democracy Still Enjoy an Epistemic Dimension? The Impact of Normative Theory on Empirical Research. *Communication Theory*, 16(4), 411-426. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2885.2006.00280.x>.

He, B. (2018). Deliberative Citizenship and Deliberative Governance: a case study of one deliberative experimental in China. *Citizenship Studies*, 22, 294-311. <https://doi.org/10.1080/13621025.2018.1424800>.

He, B. (2014). Deliberative culture and politics: the persistence of authoritarian deliberation in China. *Political Theory*, 42, 58-81. <https://doi.org/10.1177/0090591713509251>.

He, B., & Wagenaar, H. (2018). Authoritarian deliberation revisited. *Japanese Journal of Political Science*, 19(4), 622-629. <https://doi.org/10.1017/S1468109918000257>.

He, B., & Warren, M. E. (2017). Authoritarian Deliberation in China. *Daedalus*, 146(3), 155-166. https://doi.org/10.1162/DAED_a_00454.

He, B., & Warren, M. E. (2011). Authoritarian Deliberation: The Deliberative Turn in Chinese Political Development. *Perspectives on Politics*, 9(2), 269-289. <https://doi.org/10.1017/S1537592711000892>.

He, B. (2006). Western theories of deliberative democracy and the Chinese practice of complex deliberative governance. E. Leib & B. He (Eds.), *The search for deliberation democracy in China*. New York: Palgrave MacMillan. https://doi.org/10.1057/9780312376154_7.

Laden, A. S. (2012). *Reasoning: A Social Picture*. Oxford: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199606191.001.0001>.

Maia, R. C., Hauber, G., Choucair, T., & Crepalde, N. J. (2021). What Kind of Disagreement Favors Reason-Giving? Analyzing Online Political Discussions across the Broader Public Sphere. *Political Studies*, 69(1), 108-128. <https://doi.org/10.1177/00323217198947>.

Mansbridge, J. (1999). Everyday talk in the deliberative system. S. Macedo (Ed.), *Deliberative politics: Essays on democracy and disagreement*. Oxford, UK: Oxford University Press, 211-239.

Misnikov, Y., & Filatova, O. (2019). Testing the applicability of training the Recurrent Neural Networks for analyzing online policy discourses in Russia. *EGOV-CeDEM-ePart 2019. Proceedings of Ongoing Research, Practitioners, Posters, Workshops, and Projects of the International Conference EGOV-CeDEM-ePart 2019*. San Benedetto Del Tronto, Italy, 119-129.

Misnikov, Y. (2011). *Public Activism Online in Russia: Citizens' Participation in Web-based Interactive Political Debate in the Context of Civil Society. Development and Transition to Democracy*. PhD thesis.

Niu, P., & Wagenaar, H. (2018). The limits of authoritarian rule: policy making and deliberation in urban village regeneration in China. *Japanese Journal of Political Science*, 19, 678–693. <https://doi.org/10.1017/S1468109918000294>.

Qin, X., & He, B. (2018). Deliberation, demobilization, and limited empowerment: a survey study on participatory pricing in China. *Japanese Journal of Political Science*, 19(4), 694–708. <https://doi.org/10.1017/S1468109918000300>.

Romano, G. C. (2018). A Critical Reappraisal Residents' Participation in China and France: "Authoritarian Deliberation" Goes Global? *Japanese Journal of Political Science*, 19(4), 709–722. <https://doi.org/10.1017/S1468109918000312>.

Rossini, P., & Maia, R. (2021). Characterizing Disagreement in Online Political Talk: Examining Incivility and Opinion Expression on News Websites and Facebook in Brazil. *Journal of Deliberative Democracy*, 17(1), 90–104. <https://doi.org/10.16997/10.16997/jdd.967>.

Shin, B., & Rask, M. (2021). Assessment of online deliberative quality: new indicators using network analysis and time-series analysis. *Sustainability*, 13. <https://doi.org/10.3390/su13031187>.

Steenbergen, M., Bächtiger, A., Spörndli, M., et al. (2003). Measuring Political Deliberation: A Discourse Quality Index. *Comparative European Politics*, 1, 21–48. <https://doi.org/10.1057/palgrave.cep.6110002>.

Steffensmeier, T. (2008). Argument quality in public deliberations. *Argumentation and Advocacy*, 45, 21–36.

Stromer-Galley, J., Bryant, L., & Bimber, B. (2015). Context and medium matter: Expressing disagreements online and face-to-face in political deliberations. *Journal of Public Deliberation*, 11(1), 1. <https://doi.org/10.16997/jdd.218>.

Stromer-Galley, J. (2007). Measuring deliberation's content: A coding scheme. *Journal of Public Deliberation*, 3, 1–35. <https://doi.org/10.16997/jdd.50>.

Stromer-Galley, J., & Muhlberger, P. (2009). Agreement and disagreement in group deliberation: Effects on deliberation satisfaction, future engagement, and decision legitimacy. *Political Communication*, 6(2), 173–192. <https://doi.org/10.1080/10584600902850775>.

Stukal, D., Sanovich, S., Bonneau, R., Tucker, J. (2022). Why Botter: How Pro-Government Bots Fight Opposition in Russia. *American Political Science Review*, 116(3), 843–857. <https://doi.org/10.1017/S0003055421001507>.

Toepfl, F. (2020). Comparing Authoritarian Publics: The Benefits and Risks of Three Types of Publics for Autocrats. *Communication Theory*, 30(2), 105–125. <https://doi.org/10.1093/ct/qtz015>.

Toepfl F., & Litvinenko, A. (2021). Critically Commenting Publics as Authoritarian Input Institutions: How Citizens Comment Beneath their News in Azerbaijan, Russia, and Turkmenistan. *Journalism Studies*, 22(4), 475–495. <https://doi.org/10.1080/1461670X.2021.1882877>.

Tong, D., & He, B. (2018). How democratic are Chinese grassroots deliberations? An empirical study of 393 deliberation experiments in China. *Japanese Journal of Political Science*, 19(4), 630–642. <https://doi.org/10.1017/S1468109918000269>.

Tucker, A. (2008). Pre-Emptive Democracy: Oligarchic Tendencies in Deliberative Democracy. *Political Studies*, 56(1), 127–147. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9248.2007.00676.x>.

Volkovskii, D., & Bodrunova, S. (2023). Incivility balanced? Civil vs. uncivil speech in online political discussions as dependent on political parallelism. *Pervasive Knowledge*

and Collective Intelligence on Web and Social Media. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-031-31469-8_5.

Volkovskii, D., Filatova, O., Bodrunova, S., & Bolgov, R. (2024). Does government hear citizenry? The quality of deliberative practice between authorities and citizens on social media in Russia. Proceedings of the 17th International Conference on Theory and Practice of Electronic Governance (ICEGOV '24). Association for Computing Machinery, New York, USA, 327–336. <https://doi.org/10.1145/3680127.3680134>.

Volkovskii, D., & Filatova, O. (2022). Influence of Media Type on Political E-Discourse: Analysis of Russian and American Discussions on Social Media. Electronic Governance and Open Society: Challenges in Eurasia. Springer Nature, 119–131. https://doi.org/10.1007/978-3-031-04238-6_10.

Volkovskii, D., & Filatova, O. (2023). Low civility and high incivility in Russ online deliberation: a case of political talk in VKontakte social network. KOME, 11(1), 95–109. <https://10.17646/KOME.2023.1.4>.

Volkovskii, D., & Filatova, O. (2025). Social media and deliberation in the period of COVID-19 crisis: transforming political interaction between citizens and Russian authorities in the digital sphere. Conference on Digital Government Research, 1. <https://doi.org/10.59490/dgo.2025.988>.

Ахременко, А. С., Петров, А. П., Стукал, Д. К., Жеглов, С. А., Хавроненко, М. В. (2021). На что способны боты? Модель протестной и контрпротестной политической мобилизации. Политика: Анализ. Хроника. Прогноз, 3, 172–194. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2021-102-3-172-194>.

Бодрунова, С. С. (2023). Кумулятивная делиберация: новая нормативность в изучении публичных сфер онлайн. Вестник Моск. ун-та, Серия 10. Журналистика, 87–122. <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.1.2023.87122>.

Волковский, Д. В. (2025). Не согласиться или промолчать? Стратегии политической коммуникации российских граждан и представителей государственной власти в социальной сети «ВКонтакте» (на примере Ленинградской области). Коммуникации. Медиа. Дизайн, 10(1), 113–144. <https://doi.org/10.17323/cmd.2025.26822>.

Крайнова, А. С. (2012). Согласие и несогласие в русском речевом общении: лингвистический и коммуникативный аспекты. Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии, 4(14), 81–86.

Хабермас, Ю. (2001). Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб.: Наука.

References

Ahremenko, A. S., Petrov, A. P., Stukal, D. K., Zheglov, S. A., Havronenko, & M. V. (2021). Na chto sposobny boty? Model' protestnoj i kontrprotestnoj politicheskoy mobilizacii. Politija: Analiz. Hronika. Prognoz, 3, 172–194. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2021-102-3-172-194>. (In Russ).

Arendt, H. (1973). The origins of totalitarianism. New York: Houghton Mifflin Harcourt.

Bodrunova, S. S. (2023). Kumulativnaja deliberacija: novaja normativnost' v izuchenii publicznyh sfer onlajn. Vestnik Mosk. un-ta, Serija 10. Zhurnalistika, 87–122. doi: 10.30547/vestnik.journ.1.2023.87122. (In Russ).

Coleman, S. (2018). Can the Internet Strengthen Democracy? European Journal of Communication, 33(4), 461–461. <https://doi.org/10.1177/0267323118789517a>.

Dryzek, J. (2000). Deliberative Democracy and Beyond. Liberals, Critics, Contestations. Oxford: Oxford University Press.

- Dryzek, J. S. (1990). *Discursive Democracy. Politics, Policy, and Political Science*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Filatova, O., Volkovskii, D., Begen, P. (2020). Usage of Artificial Intelligence in Internet Discourse Analysis: from Manual Mechanisms of Data Processing to Electronic Ones. *Proceedings of the 22nd Conference on Scientific Services & Internet (SSI-2020) Novorossiysk-Abrau* (online), Russia, September 21-25, 352–360.
- Filatova, O., & Volkovskii, D. (2021). Online deliberation on social media as a form of public dialogue in Russia. *CEUR Workshop Proceedings*, 3090, 146–156.
- Fischer, K., Reedy, J., Piercy, C. W., & Thapaliya, R. (2022). A Typology of Reasoning in Deliberative Processes: A Study of the 2010 Oregon Citizens' Initiative Review. *Journal of Deliberative Democracy*, 18(2). <https://doi.org/10.16997/jdd.951>.
- Fishkin, J. (2018). *Democracy When the People Are Thinking*. Oxford: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198820291.001.0001>.
- Fournier-Tombs, E., & Di Marzo Serugendo, G. (2020). DelibAnalysis: understanding the quality of online political discourse with machine learning. *Journal of Information Science*, 46(6), 810–922. <https://doi.org/10.1177/0165551519871828>.
- Friess, D. (2015). Online Deliberation Complete, International Communication Association Conference, Puerto Rico. <https://doi.org/10.1002/poi3.95>.
- Graham, T. (2015). Everyday political talk in the Internet-based public sphere / S. Coleman, D. Freelon (eds.). *Handbook of Digital Politics*. Edward Elgar, Cheltenham, UK, 247–263. <https://doi.org/10.4337/9781782548768.00024>.
- Goodwin, M. (1983). Aggravated correction and disagreement in children's conversations. *Journal of Pragmatics*, 7, 657–677.
- Gutmann, A., & Thompson, D. (1996). *Democracy and Disagreement*. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press.
- Habermas, J. (1996). *Between Facts and Norms. Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy*. Cambridge: MIT Press.
- Habermas, J. (2006). Political Communication in Media Society: Does Democracy Still Enjoy an Epistemic Dimension? The Impact of Normative Theory on Empirical Research. *Communication Theory*, 16(4), 411–426. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2885.2006.00280.x>.
- Habermas, J. (2001). *Vovlechenie drugogo. Ocherki politicheskoy teorii*. SPb.: Nauka. (In Russ).
- He, B. (2018). Deliberative Citizenship and Deliberative Governance: a case study of one deliberative experimental in China. *Citizenship Studies*, 22, 294–311. <https://doi.org/10.1080/13621025.2018.1424800>.
- He, B. (2014). Deliberative culture and politics: the persistence of authoritarian deliberation in China. *Political Theory*, 42, 58–81. <https://doi.org/10.1177/0090591713509251>.
- He, B., & Wagenaar, H. (2018). Authoritarian deliberation revisited. *Japanese Journal of Political Science*, 19(4), 622–629. <https://doi.org/10.1017/S1468109918000257>.
- He, B., & Warren, M. E. (2017). Authoritarian Deliberation in China. *Daedalus*, 146(3), 155–166. https://doi.org/10.1162/DAED_a_00454.
- He, B., & Warren, M. E. (2011). Authoritarian Deliberation: The Deliberative Turn in Chinese Political Development. *Perspectives on Politics*, 9(2), 269–289. <https://doi.org/10.1017/S1537592711000892>.
- He, B. (2006). Western theories of deliberative democracy and the Chinese practice of complex deliberative governance. E. Leib & B. He (Eds.), *The search for deliberation democracy in China*. New York: Palgrave MacMillan. https://doi.org/10.1057/9780312376154_7.
- Krajnova, A. S. (2012). Soglasie I Nesoglasie V Russkom Rechevom Obshhenii: Lingvisticheskij I Kommunikativnyj Aspekty. *Teorija i praktika servisa: jekonomika, social'naja sfera, tehnologii*, 4(14), 81–86. (In Russ).
- Laden, A. S. (2012). *Reasoning: A Social Picture*. Oxford: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199606191.001.0001>.

- Maia, R. C., Hauber, G., Choucair, T., & Crepalde, N. J. (2021). What Kind of Disagreement Favors Reason-Giving? Analyzing Online Political Discussions across the Broader Public Sphere. *Political Studies*, 69(1), 108–128. <https://doi.org/10.1177/00323217198947>.
- Mansbridge, J. (1999). Everyday talk in the deliberative system. S. Macedo (Ed.), *Deliberative politics: Essays on democracy and disagreement*. Oxford, UK: Oxford University Press, 211–239.
- Misnikov, Y., & Filatova, O. (2019). Testing the applicability of training the Recurrent Neural Networks for analyzing online policy discourses in Russia. *EGOV-CeDEM-ePart 2019. Proceedings of Ongoing Research, Practitioners, Posters, Workshops, and Projects of the International Conference EGOV-CeDEM-ePart 2019*. San Benedetto Del Tronto, Italy, 119–129.
- Misnikov, Y. (2011). *Public Activism Online in Russia: Citizens' Participation in Web-based Interactive Political Debate in the Context of Civil Society. Development and Transition to Democracy*. PhD thesis.
- Niu, P., & Wagenaar, H. (2018). The limits of authoritarian rule: policy making and deliberation in urban village regeneration in China. *Japanese Journal of Political Science*, 19, 678–693. <https://doi.org/10.1017/S1468109918000294>.
- Ozhegov, S. I. (2003). *Slovar' russkogo yazyka*. 24-e izd., M. Russkij jazyk. (In Russ)
- Qin, X., & He, B. (2018). Deliberation, demobilization, and limited empowerment: a survey study on participatory pricing in China. *Japanese Journal of Political Science*, 19(4), 694–708. <https://doi.org/10.1017/S1468109918000300>.
- Romano, G. C. (2018). A Critical Reappraisal Residents' Participation in China and France: "Authoritarian Deliberation" Goes Global? *Japanese Journal of Political Science*, 19(4), 709–722. <https://doi.org/10.1017/S1468109918000312>.
- Rossini, P., & Maia, R. (2021). Characterizing Disagreement in Online Political Talk: Examining Incivility and Opinion Expression on News Websites and Facebook in Brazil. *Journal of Deliberative Democracy*, 17(1), 90–104. <https://doi.org/10.16997/10.16997/jdd.967>.
- Shin, B., & Rask, M. (2021). Assessment of online deliberative quality: new indicators using network analysis and time-series analysis. *Sustainability*, 13. <https://doi.org/10.3390/su13031187>.
- Steenbergen, M., Bächtiger, A., Spörndli, M., et al. (2003). Measuring Political Deliberation: A Discourse Quality Index. *Comparative European Politics*, 1, 21–48. <https://doi.org/10.1057/palgrave.cep.6110002>.
- Steffensmeier, T. (2008). Argument quality in public deliberations. *Argumentation and Advocacy*, 45, 21–36.
- Stromer-Galley, J., Bryant, L., & Bimber, B. (2015). Context and medium matter: Expressing disagreements online and face-to-face in political deliberations. *Journal of Public Deliberation*, 11(1), 1. <https://doi.org/10.16997/jdd.218>.
- Stromer-Galley, J. (2007). Measuring deliberation's content: A coding scheme. *Journal of Public Deliberation*, 3(1), 1–35. <https://doi.org/10.16997/jdd.50>.
- Stromer-Galley, J., & Muhlberger, P. (2009). Agreement and disagreement in group deliberation: Effects on deliberation satisfaction, future engagement, and decision legitimacy. *Political Communication*, 6(2), 173–192. <https://doi.org/10.1080/10584600902850775>.
- Stukal, D., Sanovich, S., Bonneau, R., Tucker, J. (2022). Why Botter: How Pro-Government Bots Fight Opposition in Russia. *American Political Science Review*, 116(3), 843–857. <https://doi.org/10.1017/S0003055421001507>.
- Toepfl, F. (2020). Comparing Authoritarian Publics: The Benefits and Risks of Three Types of Publics for Autocrats. *Communication Theory*, 30(2), 105–125. <https://doi.org/10.1093/ct/qtz015>.
- Toepfl F., & Litvinenko, A. (2021). Critically Commenting Publics as Authoritarian Input Institutions: How Citizens Comment Beneath their News in Azerbaijan, Russia, and Turkmenistan. *Journalism Studies*, 22(4), 475–495. <https://doi.org/10.1080/1461670X.2021.1882877>.
- Tong, D., & He, B. (2018). How democratic are Chinese grassroots deliberations? An empirical study of 393 deliberation experiments in China. *Japanese Journal of Political Science*, 19(4), 630–642. <https://doi.org/10.1017/S1468109918000269>.

Tucker, A. (2008). Pre-Emptive Democracy: Oligarchic Tendencies in Deliberative Democracy. *Political Studies*, 56(1), 127–147. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9248.2007.00676.x>.

Volkovskii, D., & Bodrunova, S. (2023). Incivility balanced? Civil vs. uncivil speech in online political discussions as dependent on political parallelism. *Pervasive Knowledge and Collective Intelligence on Web and Social Media*. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-031-31469-8_5.

Volkovskii, D., Filatova, O., Bodrunova, S., & Bolgov, R. (2024). Does government hear citizenry? The quality of deliberative practice between authorities and citizens on social media in Russia. *Proceedings of the 17th International Conference on Theory and Practice of Electronic Governance (ICEGOV '24)*. Association for Computing Machinery, New York, USA, 327–336. <https://doi.org/10.1145/3680127.3680134>.

Volkovskii, D., & Filatova, O. (2022). Influence of Media Type on Political E-Discourse: Analysis of Russian and American Discussions on Social Media. *Electronic Governance and Open Society: Challenges in Eurasia*. Springer Nature, 119–131. https://doi.org/10.1007/978-3-031-04238-6_10.

Volkovskii, D., & Filatova, O. (2023). Low civility and high incivility In Russ online deliberation: a case of political talk in VKontakte social network. *KOME*, 11(1), 95–109. <https://doi.org/10.17646/KOME.2023.1.4>.

Volkovskij, D. V. (2025). Ne soglasit'sja ili promolchat'? Strategii politicheskoy kommunikacii rossijskih grazhdan i predstavitelej gosudarstvennoj vlasti v social'noj seti «VKontakte» (na primere Leningradskoj oblasti). *Kommunikacii. Media. Dizajn*, 10(1), 113–144. <https://doi.org/10.17323/cmd.2025.26822>. (In Russ).

Volkovskii, D., & Filatova, O. (2025). Social media and deliberation in the period of COVID-19 crisis: transforming political interaction between citizens and Russian authorities in the digital sphere. *Conference on Digital Government Research*, 1. <https://doi.org/10.59490/dgo.2025.988>.

Для цитирования: Волковский, Д. В. Делиберативный подход к анализу качества цифровых коммуникаций власти и граждан: методологический аспект / Д. В. Волковский // PolitBook. – 2025. – № 3. – С. 90–116. – DOI 10.24412/2227-1538-2025-3-90-116.

**Ю.А. Головин,
Н.А. Сухонина**

**Yu. Golovin,
N. Sukhonina**

ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКИЕ ДИСКУРСИВНЫЕ СТРАТЕГИИ В ОСВЕЩЕНИИ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ В РОССИЙСКИХ ОНЛАЙН-СМИ

LINGUOSEMIOTIC DISCURSIVE STRATEGIES IN THE COVERAGE OF ETHNOPOLITICAL CONFLICTS IN RUSSIAN ONLINE MEDIA

Аннотация

В работе рассматриваются особенности медиарепрезентации грузино-южноосетинского, грузино-абхазского и молдавско-приднестровского конфликтов, которые представляют особый интерес в контексте российской медиаполитики.

Цель исследования заключается в выявлении и систематизации специфических лингвосемиотических приемов, используемых российскими медиа для конструирования нарративов. Особое внимание уделяется анализу механизмов формирования медиареальности через взаимодействие вербальных и визуальных компонентов дискурса.

Методологическая база исследования включает интегративный подход, сочетающий методы критического дискурс-анализа (в традициях Н. Фэрклоу и Т. ван Дейка), количественного и качественного контент-анализа, а также лингвосемиотического анализа мультимодальных текстов. Эмпирическую основу составили 119 публикаций ведущих российских онлайн-СМИ за 2024 год, отобранных по принципу репрезентативности.

Результаты исследования демонстрируют, что российские онлайн-СМИ последовательно используют комплекс взаимосвязанных стратегий, включая: 1) бинарные оппозиции ("жертва-агрессор", "свой-чужой"); 2) идеологически маркированную лексику и терминологические клише; 3) специфические метафорические модели; 4) тщательно отобранные визуальные образы. Установлено, что данные страте-

Abstract

The research examines media representations of the Georgian-South Ossetian, Georgian-Abkhazian, and Moldovan-Transnistrian conflicts, which hold particular significance in the context of Russia's media policy.

The study aims to identify and systematize specific linguosemiotic techniques used by Russian media to construct ideologically charged narratives. Special attention is given to analyzing the mechanisms of media reality formation through the interaction of verbal and visual discourse components.

The methodological framework incorporates an integrative approach combining critical discourse analysis (following N. Fairclough and T. van Dijk), quantitative and qualitative content analysis, as well as linguosemiotic analysis of multimodal texts. The empirical basis consists of 119 publications from leading Russian online media outlets from 2024, selected according to representativeness criteria.

The findings reveal that Russian online media consistently employ a system of interconnected strategies, including: 1) binary oppositions ("victim-aggressor", "us-them"); 2) ideologically marked vocabulary and terminological clichés; 3) specific metaphorical models; 4) carefully selected visual imagery. These strategies are implemented through coordinated interaction between textual and visual components, creating a unified semiotic construct.

гии реализуются через скоординированное взаимодействие текстовых и визуальных компонентов, создавая целостную семиотическую конструкцию.

Выводы исследования свидетельствуют о высокой степени адаптивности медиадискурса к изменяющимся политическим условиям. Российские онлайн-СМИ демонстрируют способность гибко модифицировать риторические стратегии в зависимости от специфики каждого конфликта и текущей политической повестки. Полученные результаты имеют значимость для понимания механизмов конструирования политической реальности в современных медиа, а также роли лингвосемиотических стратегий в процессах информационного противоборства.

Ключевые слова:

лингвосемиотика, дискурсивные стратегии, этнополитические конфликты, медиадискурс, российские онлайн-СМИ, манипуляция, информационная война.

The conclusions highlight the high adaptability of media discourse to changing political conditions. Russian online media demonstrate the ability to flexibly modify rhetorical strategies depending on the specifics of each conflict and current political agenda. The obtained results contribute to understanding the mechanisms of political reality construction in contemporary media, as well as the role of linguosemiotic strategies in information warfare processes.

Key words:

linguosemiotics, discursive strategies, ethnopolitical conflicts, media discourse, Russian online media, manipulation, information warfare.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2025-3-117-136>

Актуальность изучения лингвосемиотических и дискурсивных стратегий в контексте этнополитических конфликтов обусловлена возрастающей ролью медиа в формировании общественного сознания и политической реальности. В условиях глобализации и цифровизации онлайн-СМИ становятся ключевым инструментом конструирования социальных представлений о конфликтах, влияя на восприятие этнических, культурных и политических различий. Лингвосемиотический подход позволяет раскрыть глубинные механизмы, лежащие в основе медиадискурса, включая вербальные и невербальные знаковые системы, которые формируют смысловое поле конфликта. Дискурсивные стратегии, в свою очередь, выступают как инструменты манипуляции, фреймирования и интерпретации событий, что делает их анализ необходимым для понимания процессов медиатизации этнополитических противостояний.

Роль СМИ в формировании общественного мнения и конструировании политической реальности подробно исследуется в работах таких ученых, как Т. ван Дейк (Dijk, 2008) и Н. Луман (Luhmann, 2000). Ван Дейк подчеркивает, что медиадискурс не просто отражает реальность, но активно участвует в ее создании, используя языковые и семиотические ресурсы для формирования определенных идеологических позиций. Луман, в свою очередь, рассматривает медиа как социальную систему, которая через коммуникацию конструирует реальность, опираясь на селекцию и интерпретацию информа-

ции. В условиях этнополитических конфликтов онлайн-СМИ становятся площадкой для борьбы за символическую власть, где каждая сторона стремится навязать свою интерпретацию событий, используя специфические лингвосомиотические приемы.

Основная задача данной работы заключается в выявлении лингвосомиотических механизмов в медиадискурсе для понимания специфики освещения этнополитических конфликтов. Современные исследования медиа часто ограничиваются анализом текстовых или визуальных компонентов в отрыве от их семиотической взаимосвязи, что не позволяет в полной мере раскрыть комплексность медиавоздействия. Лингвосомиотический подход, интегрирующий лингвистические и семиотические методы, помогает глубже проанализировать, как медиатексты конструируют смыслы, формируют стереотипы и влияют на восприятие конфликтов. Особую значимость этот подход приобретает в российском контексте, где онлайн-СМИ играют ключевую роль в формировании общественного мнения по вопросам межэтнических отношений и политических противостояний.

Лингвосомиотика представляет собой междисциплинарный подход, синтезирующий методы лингвистики и семиотики для анализа знаковых систем и их функционирования в различных коммуникативных контекстах. Основополагающие идеи лингвосомиотики восходят к трудам Ф. де Соссюра, который рассматривал язык как систему знаков, где каждый знак состоит из означающего и означаемого (Saussure, 1959), и Ч. Пирса (Peirce, 1994), предложившего трехкомпонентную модель знака (иконический, индексный и символический знаки). Р. Барт расширил семиотический подход, включив в него анализ культурных и социальных кодов, что позволило применять семиотику к изучению не только языковых, но и визуальных, а также мультимодальных текстов. Таким образом, лингвосомиотика становится ключевым инструментом для исследования сложных коммуникативных процессов, где вербальные и невербальные знаки взаимодействуют, формируя единое смысловое поле (Barthes, 1977).

Основные категории лингвосомиотики, такие как знак, текст, код и контекст, играют центральную роль в анализе медиадискурса. Ю. Лотман, развивая идеи семиотики, подчеркивал, что текст является не статичным объектом, а динамической системой, которая взаимодействует с культурным контекстом и порождает новые смыслы (Лотман, 2010). У. Эко, в свою очередь, акцентировал внимание на роли кодов как системы правил, регулирующих интерпретацию знаков (Есо, 1992). Контекст, как важнейшая категория лингвосомиотики, позволяет учитывать культурные, исторические и социальные условия, в которых функционирует текст, что особенно важно при анализе медиадискурса, где смыслы часто зависят от внешних факторов.

Применение лингвосомиотики в анализе медиатекстов демонстрирует свою эффективность в работах таких исследователей, как А. Вежицкая и

Т. ван Лёвен (Leeuwen, 2008). А. Вежбицкая, используя лингвосемиотический подход, исследует, как языковые и культурные коды формируют значения в медиатекстах, подчеркивая важность учета национально-культурной специфики. Ван Лёвен, в свою очередь, фокусируется на мультимодальном анализе, рассматривая взаимодействие вербальных и визуальных знаков в медиа. Его работы показывают, что лингвосемиотика позволяет раскрыть сложные механизмы конструирования смыслов в медиатекстах, где текст, изображение, звук и другие элементы образуют единый семиотический комплекс.

Таким образом, лингвосемиотика обладает широким инструментарием для анализа знаковых систем в медиадискурсе. От классических теорий Соссюра и Пирса до современных исследований мультимодальности этот подход позволяет раскрывать сложные механизмы смыслообразования. Благодаря этому лингвосемиотика остается актуальной в изучении динамичных коммуникативных процессов, она демонстрирует свою ценность как в теоретических, так и в прикладных исследованиях.

Понятие дискурса занимает центральное место в современных исследованиях языка, коммуникации и политики. Дискурс понимается как сложное явление, включающее не только языковые практики, но и социальные, культурные и идеологические аспекты, которые формируют смыслы и влияют на восприятие реальности. Т. ван Дейк определяет дискурс как форму социальной практики, которая участвует в воспроизводстве власти и доминирования через языковые средства (Dijk, 2009). М. Фуко, в свою очередь, рассматривает дискурс как систему высказываний, которая регулирует производство знаний и формирует социальные нормы (Foucault, 2002). Н. Фэркло, развивая критический анализ дискурса, подчеркивает, что дискурсивные практики не только отражают, но и конструируют социальную реальность, участвуя в процессах легитимации власти и идеологического контроля (Fairclough, 2005).

Дискурсивные стратегии представляют собой набор методов и приемов, используемых для достижения определенных коммуникативных целей. Они включают выбор языковых средств, структурирование информации, использование риторических приемов и манипулятивных техник. Ван Дейк выделяет, что дискурсивные стратегии играют ключевую роль в формировании общественного мнения, особенно в контексте политической коммуникации, где они используются для убеждения, манипуляции и контроля над аудиторией (Dijk, 2009).

Дискурсивные стратегии также имеют большое значение в конструировании социальной и политической реальности, что подчеркивается в работах П. Бурдьё и Ю. Хабермаса. Бурдьё рассматривает дискурс как инструмент символической власти, который участвует в борьбе за доминирование в социальном пространстве (Бурдьё, 2002). Он утверждает, что через дискурсивные практики группы и институты легитимируют свою власть, формируют

общественное мнение и контролируют доступ к ресурсам. Ю. Хабермас, в свою очередь, акцентирует внимание на роли дискурса в демократических процессах, подчеркивая, что публичная сфера формируется через рациональный дискурс, где участники могут свободно обсуждать и критиковать политические решения (Хабермас, 2003).

Дискурсивные стратегии сохраняют свою актуальность не только в традиционных медиа, но и в новых цифровых пространствах. Современные онлайн-платформы, такие как социальные сети, блоги и иные медиаресурсы, активно используют дискурсивные методы для конструирования смыслов, влияния на аудиторию и формирования идеологических установок. В данном исследовании мы будем применять анализ дискурсивных стратегий для изучения коммуникативных процессов в новых медиа, что позволит выявить их роль в современных практиках власти и социального взаимодействия.

Этнополитический конфликт представляет собой сложное социально-политическое явление, в основе которого лежит противостояние между группами, идентифицирующими себя на основе этнической, культурной или религиозной принадлежности. Освещение этнополитических конфликтов в СМИ часто сталкивается с проблемой объективности. СМИ, будучи основным источником информации для широкой аудитории, играют ключевую роль в формировании общественного мнения о конфликте. Однако, как отмечает С. Хантингтон, медиа часто становятся инструментом пропаганды, где объективность уступает место идеологическим установкам (Huntington, 1996). Э. Саид, исследуя роль медиа в контексте «столкновения цивилизаций», подчеркивает, что освещение конфликтов часто сопровождается стереотипизацией, где одна сторона изображается как «жертва», а другая — как «агрессор» (Саид, 2012). Особенности освещения этнополитических конфликтов в СМИ включают:

Проблему объективности: медиа часто отражают точку зрения доминирующих групп или государственных структур, что приводит к искажению информации.

Стереотипизацию: использование упрощенных образов и клише, которые усиливают поляризацию и дегуманизируют противоположную сторону.

Манипуляции: СМИ могут использовать эмоционально окрашенную лексику, избирательное цитирование и визуальные образы для формирования определенного отношения к конфликту.

Роль медиа в этнополитических конфликтах двойственна: с одной стороны, они могут способствовать эскалации, с другой — играть важную роль в урегулировании (Родионова, Балан, 2020). Дж. Бодрийяр, анализируя феномен «симуляции» в медиа, утверждает, что СМИ создают гиперреальность, где конфликт становится медийным спектаклем, теряя связь с реальными событиями (Бодрийяр, 2010). Это может усиливать напряженность, так как

медиа часто акцентируют внимание на насилии и противостоянии, игнорируя возможности диалога.

Д. Макквейл, в свою очередь, подчеркивает, что медиа могут играть конструктивную роль в урегулировании конфликтов, способствуя диалогу между сторонами и формированию взаимопонимания. Для этого необходимо:

Объективное освещение: предоставление равного внимания всем сторонам конфликта.

Деэскалация риторики: избегание эмоционально заряженной лексики и стереотипов.

Продвижение диалога: создание площадок для обсуждения и поиска компромиссов (McQuail, 2010).

Таким образом, ответственность СМИ в освещении этнополитических конфликтов чрезвычайно высока, и от их подхода во многом зависит, станут ли они катализатором насилия или инструментом примирения.

Освещение этнополитических конфликтов в медиа предполагает использование сложных знаковых систем, которые включают как вербальные, так и невербальные компоненты. Р. Якобсон, один из основоположников структурной лингвистики, подчеркивал, что коммуникация представляет собой многомерный процесс, где язык взаимодействует с другими семиотическими системами (Якобсон, 2016). В медиатекстах вербальные компоненты (тексты, заголовки, комментарии) сочетаются с невербальными (изображения, звуки, видеоряд), создавая единое смысловое поле. Г. Кресс, развивая мультимодальный подход, утверждает, что анализ медиадискурса должен учитывать взаимодействие различных знаковых систем, так как именно их сочетание формирует окончательное восприятие сообщения (Kress, 2003).

Вербальные компоненты медиатекстов играют ключевую роль в передаче информации, но их интерпретация зависит от контекста и культурных кодов. Например, использование определенной лексики (такой как «террорист» или «борец за свободу») может кардинально изменить восприятие событий. Невербальные компоненты, такие как фотографии, инфографика и видео, дополняют вербальные сообщения, усиливая их эмоциональное воздействие. Например, изображения разрушений или страданий могут вызвать сильную эмоциональную реакцию, что делает их мощным инструментом манипуляции.

Визуальный контент играет важную роль в освещении этнополитических конфликтов, так как он обладает высокой степенью воздействия на аудиторию. Изображения не просто иллюстрируют текст, но сами по себе являются сложными знаковыми системами, которые несут в себе скрытые смыслы (Бергер, 2022). Фотографии, инфографика и видео часто используются для создания определенного нарратива, где визуальные образы становятся инструментами фреймирования и манипуляции.

Фотографии, например, могут быть использованы для создания эмоционального воздействия, акцентируя внимание на страданиях одной стороны и игнорируя другую. Инфографика, в свою очередь, позволяет представить сложные данные в упрощенной форме, что может способствовать формированию определенного мнения. Видео, благодаря своей динамичности, обладает наибольшим потенциалом для воздействия, так как сочетает визуальные и аудиальные компоненты. М. Халлидей, исследуя мультимодальный дискурс, подчеркивает, что визуальный контент часто используется для усиления идеологических установок, так как он воспринимается как более «объективный» и «достоверный», чем текст (Halliday, 1975).

Интерпретация медиатекстов, особенно в контексте этнополитических конфликтов, невозможна без учета культурных, исторических и политических аспектов. Ю. Лотман, один из ведущих представителей семиотики культуры, подчеркивал, что текст всегда существует в определенном культурном контексте, который определяет его восприятие (Лотман, 2010). Например, использование исторических аллюзий или символов может быть понятно только в рамках конкретной культурной традиции, что делает контекст ключевым элементом анализа.

Э. Хирш, развивая герменевтический подход, утверждает, что интерпретация текста зависит не только от его внутренней структуры, но и от внешних факторов, таких как исторический момент, политическая ситуация и культурные коды (Hirsch, 1967). В контексте этнополитических конфликтов медиатексты часто используют символы и нарративы, которые имеют глубокие исторические корни. Например, ссылки на прошлые войны или исторические обиды могут быть использованы для легитимации текущих действий. Политический контекст также играет важную роль, так как медиа часто отражают интересы доминирующих групп или государственных структур.

Лингвосемиотический анализ медиатекстов, освещающих этнополитические конфликты, должен учитывать как вербальные и невербальные компоненты, так и культурный, исторический и политический контекст. Это позволяет раскрыть сложные механизмы конструирования смыслов и выявить скрытые идеологические установки, которые формируют восприятие конфликта. Такой подход особенно важен в условиях информационной войны, где медиатексты становятся инструментами манипуляции и пропаганды.

Современные онлайн СМИ (или интернет-СМИ) представляют собой динамично развивающийся сегмент медиа, который радикально изменил способы производства и потребления новостей. В отличие от традиционных газет, телевидения и радио, онлайн-издания существуют исключительно в цифровом пространстве. Как отмечают исследователи цифровых медиа, такие как М. Кастельс (Кастельс, 2001) и Г. Дженкинс (Дженкинс, 2019), интернет-СМИ обладают рядом уникальных характеристик: мгновенная публикация, мультимедийность (материалы сочетают текст, видео, аудио и интер-

активные элементы), обратная связь с аудиторией (читатели могут комментировать, обсуждать и даже влиять на контент) и персонализация контента (алгоритмы адаптируют новости под интересы пользователя).

Переходя к российским онлайн-СМИ, стоит отметить, что российское медиапространство характеризуется рядом специфических черт, которые влияют на характер освещения этнополитических конфликтов. Е. Вартанова, исследуя современные медиасистемы, отмечает, что в России медиа функционируют в условиях значительного государственного контроля, что определяет их роль в формировании общественного мнения (Вартанова, 2017). М. Кастельс, анализируя глобальные медиатренды, подчеркивает, что в таких условиях медиа часто становятся инструментом пропаганды, где акцент делается на поддержку официальной позиции и консолидацию общества вокруг государственных инициатив (Кастельс, 2001).

В российских онлайн-СМИ используются различные лингвосомиотические стратегии, которые позволяют формировать определенное восприятие этнополитических конфликтов. Выделяются несколько ключевых подходов:

Использование исторических аллюзий: ссылки на исторические события и персонажи часто используются для легитимации текущих действий. Например, сравнение современных конфликтов с событиями Великой Отечественной войны может вызывать ассоциации с борьбой за справедливость и защиту национальных интересов.

Мифологизация: создание мифов и нарративов, которые упрощают сложные конфликты, делая их более понятными для широкой аудитории. Это может включать создание образов «героев» и «врагов», что усиливает эмоциональное воздействие.

Поляризация: акцентирование различий между сторонами конфликта, что способствует формированию четкого разделения на «своих» и «чужих». Это часто сопровождается использованием эмоционально окрашенной лексики и визуальных образов.

Эти стратегии позволяют российским онлайн-СМИ формировать определенное восприятие конфликтов, что особенно важно в условиях информационной войны, где медиа становятся инструментом борьбы за символическую власть.

Таким образом, лингвосомиотический анализ имеет важное значение для понимания того, как медиатексты конструируют этнополитическую реальность. В условиях глобализации и цифровизации медиа становятся основным источником информации о конфликтах, формируя представления аудитории о сторонах конфликта, их целях и мотивах. Лингвосомиотический подход позволяет выявить скрытые механизмы манипуляции, такие как использование исторических аллюзий, мифологизация, поляризация и стратегии умолчания. Эти приемы не только формируют определенное восприятие

событий, но и способствуют легитимации политических действий, что делает их анализ особенно важным в условиях информационной войны.

Теоретическая часть исследования создала основу для перехода к эмпирическому анализу, который позволит применить рассмотренные подходы к конкретным примерам освещения этнополитических конфликтов в российских онлайн-СМИ. Эмпирическая часть будет направлена на выявление лингвосомиотических дискурсивных стратегий, используемых в медиатекстах, и их роли в формировании восприятия конфликтов. Это позволит не только подтвердить теоретические выводы, но и предложить практические рекомендации для более объективного и сбалансированного освещения этнополитических вопросов.

В фокусе исследования находятся три ключевых этнополитических конфликта на постсоветском пространстве: грузино-южноосетинский, грузино-абхазский и молдавско-приднестровский. Выбор именно этих конфликтов обусловлен их уникальными особенностями, которые, с одной стороны, делают каждый случай индивидуальным, а с другой – позволяют рассматривать их как единую группу для анализа.

Критерии отбора конфликтов.

Статус «де-факто государств». Южная Осетия, Абхазия и Приднестровье провозгласили независимость от Грузии и Молдовы соответственно, однако их суверенитет остается непризнанным на международном уровне. Несмотря на это, в этих регионах на протяжении десятилетий функционируют собственные институты власти, сформированные еще в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Они проводят самостоятельную внутреннюю политику и фактически не подчиняются центральным властям Грузии и Молдовы (Маркедонов, 2021).

Существование этих непризнанных образований во многом обусловлено поддержкой со стороны России. РФ обеспечивает их безопасность и экономическую стабильность, что позволяет им сохранять фактическую автономию. Однако, в отличие от других конфликтов с участием России, здесь ее роль носит скорее опосредованный характер.

Несмотря на активное влияние в регионе, Россия официально не заявляет территориальных претензий на Южную Осетию, Абхазию или Приднестровье и не рассматривает себя как прямую сторону конфликта. Вместо этого она позиционирует себя как нейтральный посредник и гарант стабильности.

Именно эти факторы делают данную группу конфликтов особенно интересной для изучения медийного дискурса в российских СМИ. Поскольку Россия формально не является участником противостояния, анализ ее медиаполитики позволяет выявить стратегии освещения конфликтов, в которых РФ выступает как внешний игрок, а не как непосредственная сторона.

Для исследования были выбраны 3 основных интернет-ресурса: сайты «RT на русском», «РБК», регулярно входившие в топ-3 самых цитируемых интернет-ресурсов по данным Медиалогии, и «РИА Новости» - самое цитируемое информационных агентство в 2024. году. В итоге было отобрано 119 статей: 37, посвященных грузино-южноосетинскому конфликту, 26, посвященных грузино-абхазскому конфликту, и 54, посвященных молдавско-приднестровскому конфликту. Период, выбранный для анализа, - 2024 год.

В данной работе применялся комплексный подход, объединяющий методы критического дискурс-анализа, контент-анализа, лингвистического и семиотического анализа. Такой синтетический методологический аппарат позволил не только выявить ключевые нарративные стратегии российских СМИ, но и понять механизмы конструирования ими особой медиареальности в освещении постсоветских конфликтов.

Основу исследования составил критический дискурс-анализ (КДА) в традициях Фэрклоу (Fairclough, 1995) и ван Дейка (Dijk, 2009). Этот подход позволил вскрыть идеологическую подоплеку медиатекстов через анализ трех взаимосвязанных уровней: собственно, текста, дискурсивной практики и социального контекста. На первом уровне мы исследовали конкретные языковые средства - лексические, синтаксические и стилистические особенности материалов. На уровне дискурсивной практики анализировались процессы производства и восприятия текстов. Наконец, на социальном уровне рассматривалась связь медиадискурса с более широкими политическими процессами.

Для обеспечения системности исследования был применен количественно-качественный контент-анализ. На первом этапе была сформирована репрезентативная выборка публикаций за 2024 год из ведущих российских СМИ (РИА Новости, RT, РБК) по ключевым запросам, связанным с исследуемыми конфликтами («Южная Осетия», «Абхазия», «Приднестровье»). Затем материалы кодировались по следующим параметрам: тональность (позитивная/негативная/нейтральная оценка сторон конфликта), частотность ключевых концептов, использование специфических риторических приемов. Особое внимание уделялось анализу заголовков как важнейшего элемента медиавоздействия.

Лингвистический анализ включал исследование текстов на нескольких уровнях:

На лексическом уровне изучались:

1. Оценочная лексика и ее идеологическая нагрузка;
 2. Использование эвфемизмов и дисфемизмов;
 3. Модальные слова, выражающие степень достоверности;
 4. Терминологические клише и их аксиологическая окраска.
- На синтаксическом уровне анализировались:
6. Пассивные конструкции и их роль в маскировке агента действия;

7. Риторические вопросы как способ внушения нужных выводов;
8. Парцелляция и повторы как средства усиления воздействия;
9. Особенности использования временных форм глаголов.
10. На морфологическом уровне рассматривались:
11. Суффиксы субъективной оценки;
12. Особенности употребления глагольных видов;
13. Префиксы с отрицательной семантикой.

Семиотический анализ позволил выйти за рамки вербального текста и исследовать мультимодальные аспекты медиадискурса. В фокусе внимания оказались:

1. Визуальные компоненты (фотографии, инфографика, видеоряд);
2. Символические коды (использование флагов, цветовых решений).

Особое значение имел сравнительный анализ, который позволил выявить как общие черты, так и специфику освещения разных конфликтов. Сравнивались:

1. Стратегии репрезентации признанных и непризнанных территорий;
2. Особенности освещения конфликтов с разной степенью вовлеченности России;
3. Динамика изменения риторики в зависимости от политического контекста.

Такой комплексный методологический подход позволил не просто описать медиастратегии, но и вскрыть их глубинные идеологические функции - конструирование образа России как защитника и гаранта стабильности, формирование бинарных оппозиций «свой-чужой», легитимация внешнеполитических действий через апелляцию к исторической памяти и коллективным травмам.

В 2024 году российские онлайн-СМИ активно освещали грузино-южноосетинского конфликта, используя комплекс лингвосемиотических стратегий, направленных на формирование определенного восприятия событий у аудитории. Анализ материалов ведущих государственных изданий, таких как РИА Новости, РБК или RT, позволяет выявить устойчивые нарративы и приемы конструирования медиареальности, которые не просто информируют, но и задают конкретные рамки интерпретации сложного этнополитического противостояния.

Центральным элементом медиадискурса стало бинарное противопоставление, где Грузия последовательно изображается как агрессор, нарушитель международного права и проводник западных интересов, в то время как Южная Осетия и Россия представляются в роли жертв и защитников справедливости. Этот фрейм особенно ярко проявился в освещении решения Европейского суда по правам человека о нарушениях в зоне конфликта. Российские СМИ акцентировали внимание не на содержании решения, а на

его «политизированном характере» и «неправомочности» в отношении России, используя такие формулировки как «якобы нарушения» и «непризнанная юрисдикция». Подобная лексика создает семантическое поле сомнения и нелегитимности вокруг любых обвинений в адрес российской стороны.

Метафоризация выступает ключевым инструментом конструирования медиареальности. Конфликт регулярно описывается через военные метафоры («горячая точка», «фронт информационной войны», «плацдарм западного влияния»), что актуализирует образ постоянной угрозы. Примечательна метафора «братские народы», применяемая к отношениям России и Южной Осетии, которая создает эффект кровного, почти семейного родства. В то же время действия Грузии метафорически представляются как «авантюра», «провокация» или «игра западных кукловодов», что лишает их политической субъектности.

Эвфемистическая лексика используется преимущественно при описании российской политики. Военное вмешательство 2008 года последовательно называется «операцией по принуждению к миру», а постоянное военное присутствие – «миротворческой миссией» или «гарантией безопасности». Напротив, для действий грузинской стороны характерна дисфемизация: «карательная операция», «варварский обстрел», «преступный режим».

Особого внимания заслуживает использование оксюморонов и парадоксальных сочетаний. Например, формулировка «якобы нарушения прав человека» содержит имплицитное отрицание достоверности фактов, а выражение «так называемый Европейский суд» ставит под сомнение легитимность института. При этом собственные оценки подаются как аксиомы: «бесспорные доказательства», «очевидная агрессия».

Лексический повтор ключевых словосочетаний («грузинская агрессия», «российские миротворцы», «защита мирного населения») создает эффект мантры, закрепляя в сознании читателя нужные ассоциации. Этот прием особенно заметен в заголовках, которые часто строятся по принципу параллельных конструкций: «Грузия мечтает о реванше – Россия гарантирует безопасность».

Синтаксические особенности включают:

1. Преобладание безличных конструкций при описании негативных действий («было совершено нападение», «произведены обстрелы»), что создает эффект стихийного бедствия;
2. Активное использование модальных слов с отрицательной семантикой («якобы», «так называемый», «псевдо-»);
3. Риторические вопросы, предполагающие очевидный ответ («Может ли Европа быть объективным арбитром?»).
4. Морфологический анализ выявляет частотное употребление:
5. Причастий и деепричастий, создающих эффект объективности («подвергшийся агрессии», «защищая мирных жителей»);

6. Суффиксов субъективной оценки при характеристике противника («грузинские властители», «тбилисский режим»);

7. Префиксов с отрицательным значением («антироссийские санкции», «незаконные решения»).

Фразеологический фон включает:

1. Исторические аллюзии («новый Дранг нах Остен»);

2. Военную терминологию («красные линии», «стратегический плацдарм»);

3. Библейские мотивы («жертвенная миссия», «защита страждущих»).

Особую роль играет использование временных форм глаголов. События 2008 года часто описываются в настоящем времени («Грузия нападает», «Россия защищает»), что создает эффект актуальности и эмоциональной вовлеченности. При этом современные мирные инициативы Грузии подаются в прошедшем времени или с модальными глаголами («пыталась предложить», «хотела извиниться»), что придает им оттенок неискренности.

Ирония и сарказм применяются преимущественно в отношении западной позиции. Например, решения ЕСПЧ могут сопровождаться комментариями вроде «европейские правозащитники опять озаботились», где кавычки и разговорная лексика создают эффект снисходительного отрицания.

Особое внимание уделяется визуальному контенту - фотографиям разрушенного Цхинвала, кадрам с беженцами и российскими миротворцами. Эти изображения, часто используемые без указания конкретного временного контекста, создают мощный эмоциональный фон, актуализируя травматические переживания и формируя устойчивые ассоциации. Инфографика с картами, где Южная Осетия выделена как отдельная территория, закрепляет в сознании аудитории определенные представления о политической географии региона.

Поляризация достигается через последовательную дегуманизацию грузинской стороны. Михаил Саакашвили остается демонизированной фигурой, его называют не иначе как «преступником» и «provokatorom», а нынешнее заключение подается как «справедливое возмездие». Современные грузинские власти изображаются либо как «марионетки Запада», либо как «вынужденные прагматики», что, как было отмечено ранее, позволяет сохранять образ Грузии как несамостоятельного актора.

Мультимодальный анализ показывает, как вербальные и визуальные элементы работают в комплексе. Видеоролики с ветеранами конфликта, сопровождаемые патриотической музыкой, интервью с простыми жителями, фотографии российских и южноосетинских флагов — все это создает целостную картину братских народов, противостоящих западному влиянию.

Интересно проследить, как изменилась риторика после заявлений грузинского премьера Ираклия Кобахидзе о возможном примирении. Российские СМИ осторожно поддержали эти инициативы, но сразу оговорили, что

признание независимости Южной Осетии пересмотру не подлежит. Это демонстрирует гибкость медиастратегии - способность адаптироваться к изменяющимся политическим условиям, сохраняя при этом ключевые нарративные основы.

Освещение грузино-южноосетинского конфликта в российских онлайн-СМИ представлена сложной системой лингвосемиотических практик, направленных на поддержание определенной картины мира. Через сочетание вербальных и невербальных средств конструируется образ России как гаранта стабильности и защитника угнетенных народов, что соответствует общей линии государственной информационной политики.

Освещение грузино-абхазского конфликта в российских медиа в 2024 году имеет много общего с репрезентацией предыдущего конфликта. Вербальные и визуальные знаки работают на формирование конкретного идеологического нарратива.

Лексический выбор и фрейминг играют ключевую роль в конструировании реальности. Российские издания активно применяют эвфемизмы, смягчающие восприятие действий России, и дисфемизмы, дискредитирующие оппонентов. Например, российские инвестиции подаются как «братская помощь» или «стратегическое партнерство».

Метафоры служат мощным инструментом формирования эмоционального восприятия. Конфликт часто изображается через образы болезни («инфекция нестабильности», «вирус внешнего вмешательства») или природных катастроф («волна протестов», «шторм в политике»). В статье «РИА Новости» Абхазия представлена как «островок стабильности», который «размывают» протесты, что создает ощущение хрупкости и уязвимости. Российская поддержка, в свою очередь, метафорически описывается как «щит» или «опора», подчеркивая роль Москвы как гаранта безопасности.

Исторические аллюзии усиливают эмоциональную нагрузку текстов. Российские СМИ часто проводят параллели между современными событиями и травматичными моментами прошлого, такими как война 1992–1993 годов. Упоминание «проклятия 17%» (доля абхазов в населении Грузии в советский период) в контексте закона об апартаментах («РИА Новости») не только апеллирует к коллективной памяти, но и формирует образ Грузии как вечной угрозы. Включение таких отсылок позволяет медиа конструировать нарратив, в котором Россия предстает единственной силой, способной защитить Абхазию от повторения трагедии.

Визуальные стратегии дополняют вербальные, усиливая нужные смыслы. Фотографии протестов в Сухуме часто делают акцент на хаосе: разбитые окна парламента, перевернутая мебель, агрессивно настроенные демонстранты. Эти кадры работают на создание образа «неконтролируемого насилия», тогда как мирные аспекты митингов остаются за кадром. В то же время российские флаги, которые держат некоторые протестующие, визуально

связывают оппозицию с пророссийской риторикой, даже если их требования направлены против конкретных решений Москвы.

На морфологическом уровне заметна избирательность в использовании глагольных форм. Действия российской стороны преимущественно описываются совершенными видами глаголов («подписала соглашение», «обеспечила стабильность»), что создает эффект завершенности и результативности. В то же время действия оппозиции часто передаются глаголами несовершенного вида («продолжают протестовать», «пытаются дестабилизировать»), подчеркивая их процессуальный и потенциально опасный характер. Особенно показательно использование причастных оборотов при описании сторон конфликта: «российские инвестиции, направленные на развитие» (активное, целевое действие) против «протестующие, блокирующие дороги» (создающие препятствия).

Синтаксические конструкции служат важным инструментом акцентуации. Для описания российской политики характерны сложноподчиненные предложения с причинно-следственными связями: «Поскольку Абхазия нуждается в инвестициях, Россия предложила выгодные условия». В материалах об оппозиции преобладают простые предложения с однородными сказуемыми: «Протестующие вышли на улицы, перекрыли дороги, потребовали отставки». Такой синтаксический параллелизм создает эффект нагнетания напряженности.

Лексический уровень демонстрирует системное использование оценочной лексики. В описании России и ее союзников преобладает лексика с положительной коннотацией: «стратегическое партнерство», «братская помощь», «взаимовыгодное сотрудничество». Критики же характеризуются через слова с негативной окраской: «радикальные элементы», «провокаторы», «дестабилизирующие силы». Особенно показательны антонимические пары в заголовках: «Стабильность vs хаос», «Развитие vs разрушение».

Терминологическая система выстроена таким образом, чтобы легитимировать российскую позицию. Используются юридически окрашенные термины («межправительственное соглашение», «ратифицированный документ») при описании российских инициатив, в то время как действия оппозиции обозначаются бытовой лексикой («митинг», «требования», «ультиматум»). В терминах «иностранные агенты», «внешнее управление» прослеживается заимствование официального российского политического дискурса.

Стилистические приемы включают:

1. Градацию при описании протестов: «беспорядки - столкновения - попытка госпереворота»;
2. Оксюморонные сочетания: «так называемые защитники суверенитета»;
3. Риторические вопросы: «Неужели абхазский народ хочет вернуться под контроль Грузии?»;

4. Сравнительные конструкции: «В то время как Россия предлагает инвестиции, оппозиция предлагает только разрушение».

Фразеологический фон представлен как нейтральными клише («напряженная ситуация», «пути решения»), так и идеологически окрашенными выражениями («цветная революция», «рука Запада»). Последние автоматически активируют в сознании читателя определенные ассоциативные связи.

На текстовом уровне заметна тенденция к использованию:

1. Номинативных предложений в заголовках («Новый виток напряженности»);

2. Парцелляции для драматизации: «Протесты продолжаются. Уже третий день. Без результата.»;

3. Анафорических повторов: «Это наш выбор. Это наша позиция. Это наше будущее.».

Особого внимания заслуживает использование местоимений. Включение «мы» при описании российско-абхазских отношений («мы вместе строим будущее») создает эффект общности, в то время как оппозиция всегда обозначается через «они», что усиливает противопоставление. Указательные местоимения («эти люди», «такие заявления») добавляют оттенок отчуждения.

Приведенный анализ демонстрирует, как на разных уровнях языковой системы - от морфологии до организации текста - реализуется единая стратегия представления конфликта. Эти приемы работают в комплексе с визуальными и семиотическими дискурсивными стратегиями, создавая целостную медийную картину, соответствующую определенной позиции.

Молдавско-приднестровский конфликт, в отличие от описанных ранее конфликтов, имеет ряд отличий, связанных прежде всего с тем, что само Приднестровье не признано как независимое государство Российской Федерацией, а также имеет общую границу с Украиной. А значит, дискурсивные стратегии здесь должны иметь свою специфику.

Ключевой нарратив российских СМИ строится вокруг фрейма «жертва — агрессор». Приднестровье изображается как страдающая сторона, подвергающаяся несправедливому давлению, а Молдавия — как проводник враждебной Западу политики. Например, введение Кишиневом таможенных пошлин подается не как фискальная мера, а как «удар по экономике простых людей» (РИА Новости, 28.02.2024).

Мифологизация истории играет важную роль в легитимации позиции Тирасполя. Постоянные отсылки к событиям 1992 года («геноцид приднестровцев», «российские миротворцы как спасители») создают образ непрерывной борьбы за выживание. Референдум 2006 года, на котором жители ПМР поддержали курс на присоединение к России, упоминается как «волеизъявление народа».

На лингвистическом уровне российские СМИ активно используют оценочную терминологию, задающую поляризованное восприятие сторон конфликта. Приднестровье описывается через нейтральные или позитивные формулировки, такие как «непризнанная республика», «пророссийский регион», «мирное население», тогда как действия Молдавии подаются в негативном ключе — «экономическая блокада», «таможенный произвол», «угловый прессинг». Синтаксические конструкции усиливают этот эффект: пассивные обороты («Приднестровье лишили льгот», «Население подвергается давлению») маскируют агента действия, создавая впечатление безадресной жестокости со стороны Кишинева. Риторические вопросы («Почему Молдавия отказывается от диалога?», «Кому выгодна эскалация?») подталкивают аудиторию к заранее заданным выводам. Морфологические маркеры также работают на противопоставление: местоимения «мы» (Приднестровье, Россия) и «они» (Молдавия, ЕС, НАТО) формируют бинарную оппозицию, где первая сторона ассоциируется с защитой, а вторая — с угрозой. Употребление глаголов в настоящем времени («Кишинев ужесточает санкции», «Тирасполь обращается за помощью») усиливает эффект актуальности и неизбежности конфликта.

Визуальные и мультимодальные стратегии усиливают вербальные нарративы. Фотографии российских миротворцев в зоне безопасности (РИА Новости, 23.04.2024) контрастируют с кадрами молдавско-натовских учений (RT, 09.05.2024), где первые символизируют стабильность, а вторые — подготовку к агрессии.

Российские СМИ регулярно связывают Киев с угрозами безопасности в Приднестровье. Например, после взрыва вертолёта Ми-8 в Тирасполе (17.03.2024) ряд изданий (РИА Новости, RT) сразу указали на возможность украинского следа: «Дрон прилетел со стороны Одесской области». Еще одна уникальная черта конфликта — зависимость Приднестровья от украинской инфраструктуры (газ, железные дороги). Российские СМИ активно используют это для создания образа «осажденной крепости» («Украина в угоду Западу готова оставить Приднестровье без газа».

Кроме того, как отмечалось ранее, в отличие от Абхазии и Южной Осетии, признанных Российской Федерацией, Приднестровье остается непризнанным государством, что формирует вокруг него особую риторику. Вместо прямой поддержки государственности делается акцент на «защите соотечественников», проживающих на территории ПМР. Российские СМИ, избегая открытых призывов к признанию республики, активно подчеркивают, что там проживает значительное количество российских граждан, называя цифру в 220 тыс. человек. Это позволяет использовать тезис о праве на защиту этих граждан.

Приднестровский конфликт занимает особое место в российской медиастратегии, представляя собой уникальный гибридный феномен, который

сочетает в себе черты классического «замороженного конфликта» с элементами актуальной военно-политической повестки. Именно эта многофункциональность и адаптивность приднестровской темы делает ее особенно ценной для анализа современных медиастратегий.

Проведенное исследование демонстрирует, что освещение этнополитических конфликтов в российских онлайн-СМИ является результатом сложного процесса конструирования медиареальности через систему взаимосвязанных лингвосемиотических дискурсивных стратегий. Анализ материалов, посвященных грузино-южноосетинскому, грузино-абхазскому и молдавско-приднестровскому конфликтам, позволил выявить устойчивые механизмы формирования нарративов, в которых вербальные и невербальные знаки работают в едином семиотическом пространстве для создания определенной картины мира.

Центральное место в медиадискурсе занимает бинарная оппозиция «жертва – агрессор», которая реализуется через тщательный отбор лексики, метафор и визуальных образов. Визуальный контент, включая фотографии, инфографику и видеоряд, закрепляет эти нарративы, создавая целостное семиотическое поле, где образ России ассоциируется со стабильностью и защитой, а ее оппонентов – с хаосом и внешним вмешательством.

Специфика российского медиапространства проявляется в гибкости риторики, которая адаптируется под текущую политическую повестку. Например, освещение молдавско-приднестровского конфликта тесно увязывается с событиями на Украине, что позволяет создавать дополнительные смысловые связи. При этом, в отличие от Абхазии и Южной Осетии, официально признанных Россией, риторика вокруг Приднестровья строится более осторожно, с акцентом на гуманитарные аспекты, что отражает прагматичный подход к непризнанным территориям.

Исследование подтверждает, что онлайн-СМИ выступают не просто источником информации, но и активными участниками символической борьбы, где лингвосемиотические стратегии служат инструментом формирования идеологически заряженных представлений. Комплексный анализ этих стратегий позволяет глубже понять механизмы медиатизации конфликтов и их роль в конструировании политической реальности. Перспективы дальнейших исследований связаны с расширением методологической базы за счет включения когнитивных и социолингвистических подходов, а также сравнительного анализа медиадискурсов разных стран. Полученные результаты могут способствовать развитию более сбалансированных подходов к освещению этнополитических конфликтов, минимизирующих риски манипуляции и поляризации общественного мнения.

Литература

- Barthes, R. (1977). *The Death of the Author*. Fontana, London.
- Dijk, T.A. van. (2008). *Discourse and Power*. Palgrave Macmillan, Hampshire.
- Dijk, T.A. van. (2009). *Society and Discourse: How Social Contexts Influence Text and Talk*. Cambridge University Press, Cambridge.
- Eco, U. (1992). *Interpretation and Overinterpretation*. Cambridge University Press.
- Fairclough, N. (1995). *Critical Discourse Analysis*. Longman, London.
- Foucault, M. (2002). *The Archaeology of Knowledge*. Routledge, London and New York.
- Halliday, M. A. K. (1975). *Learning How to Mean*. Edward Arnold, London.
- Hirsch, E. D. (1967). *Validity in Interpretation*. Yale University Press, New Haven.
- Huntington, S. (1996). *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. Simon and Schuster, New York.
- Kress, G. R. (2003). *Literacy in the New Media Age*. Routledge, New York.
- Leeuwen, T. van. (2008). *Introducing Social Semiotics*. Oxford University Press, New York.
- Luhmann, N. (2000). *The reality of the mass media*. Stanford University Press, Stanford.
- McQuail, D. (2010). *Mass Communication Theory*. Sage, London.
- Peirce, C. S. (1994). *Peirce on Signs: Writings on Semiotic*. University of North Carolina Press, Chapel Hill, North Carolina.
- Saussure, F. de. (1959). *Course in General Linguistics*. Philosophical Library, New York.
- Бодрийяр, Ж. (2001). *Система вещей*. Пер. С.Н. Зенкина. Рудиомино, Москва.
- Бёргер, Д. (2022). *Искусство видеть*. Клаудберри, Москва.
- Бурдьё, П. (2002). *О телевидении и журналистике*. Институт экспериментальной социологии, Москва.
- Вартанова, Е. Л. (2017). Об актуализации теории журналистики и теории медиа. Вопросы теории и практики журналистики, 1(6), 5–13. [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2017.6\(1\).5-13](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2017.6(1).5-13).
- Дженкинс, Г. (2019). Конвергентная культура: столкновение старых и новых медиа / Пер. А. Гасилин. РИПОЛ классик, Панглосс. Москва; Санкт-Петербург.
- Кастельс, М. (2001). *Информационная эпоха: Экономика, общество и культура*. Издательский дом Высшей школы экономики, Москва.
- Лотман, Ю. М. (2010). *Семиосфера*. Искусство-СПб, Санкт-Петербург.
- Маркедонов, С. М. (2021). Постсоветские де-факто государства: траектории борьбы за суверенитет. Мировая экономика и международные отношения, 65(12), 79–89. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-12-79-89>.
- Родионова, Е. В., Балан, К. А. (2020). Репрезентация этнического конфликта в средствах массовой информации в постсоветский период. Вестник Санкт-Петербургского университета. История, (2), 519–534. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2020.211>.
- Саид, Э. В. (2012). *Культура и империализм*. Владимир Даль, Санкт-Петербург.
- Хабермас, Ю. (2003). *Философский дискурс о модерне*. Весь Мир, Москва.
- Якобсон, Р. (2016). *Сдвиги. Формальный метод: Антология русского модернизма*. Кабинетный ученый, Екатеринбург; Москва.

References

- Barthes, R. (1977). *The Death of the Author*. Fontana, London.
- Baudrillard, J. (2001). *The System of Objects*. Trans. S. N. Zenkin. Rudomino, Moscow. (In Russ).
- Berger, D. (2022). *The Art of Seeing*. Cloudberry, Moscow. (In Russ).
- Bourdieu, P. (2002). *On Television and Journalism*. Institute of Experimental Sociology, Moscow. (In Russ)
- Castells, M. (2001). *The Information Age: Economy, Society and Culture*. Higher School of Economics Publishing House, Moscow. (In Russ).
- Dijk, T. A. van. (2008). *Discourse and Power*. Palgrave Macmillan, Hampshire.
- Dijk, T. A. van. (2009). *Society and Discourse: How Social Contexts Influence Text and Talk*. Cambridge University Press, Cambridge.
- Eco, U. (1992). *Interpretation and Overinterpretation*. Cambridge University Press.
- Fairclough, N. (1995). *Critical Discourse Analysis*. Longman, London.
- Foucault, M. (2002). *The Archaeology of Knowledge*. Routledge, London and New York.
- Jakobson, R. (2016). Sdvigi. Formal'nyy metod: Antologiya russkogo modernizma [Shifts. In The Formal Method: An Anthology of Russian Modernism]. Kabinetnyi uchenyi, Yekaterinburg; Moscow. (In Russ)
- Jenkins, H. (2019). *Konvergentnaia kul'tura: stolknovenie starykh i novykh media* [Convergence Culture: Where Old and New Media Collide]. Trans. A. Gasilin. Moscow; St. Petersburg: RIPOL klassik, Pangloss. (In Russ)
- Habermas, J. (2003). *The Philosophical Discourse of Modernity*. Ves Mir Publishers, Moscow. (In Russ)
- Halliday, M. A. K. (1975). *Learning How to Mean*. Edward Arnold, London.
- Hirsch, E. D. (1967). *Validity in Interpretation*. Yale University Press, New Haven.
- Huntington, S. (1996). *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. Simon and Schuster, N.Y.
- Kress, G. R. (2003). *Literacy in the New Media Age*. Routledge, New York.
- Leeuwen, T. van. (2008). *Introducing Social Semiotics*. Oxford University Press, N.Y.
- Lotman, Ju. M. (2010). *Semiosfera*. Iskusstvo-SPB, St. Petersburg. (In Russ).
- Luhmann, N. (2000). *The reality of the mass media*. Stanford University Press, Stanford.
- Markedonov, S. M. (2021). Postsovetskie de-fakto gosudarstva: traektorii bor'by za suverenitet [Post-Soviet de facto states: Trajectories of the struggle for sovereignty]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 65(12), 79–89. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-12-79-89> (In Russ).
- McQuail, D. (2010). *Mass Communication Theory*. Sage, London.
- Peirce, C.S. (1994). *Peirce on Signs: Writings on Semiotic*. University of North Carolina Press, Chapel Hill, North Carolina.
- Rodionova, E. V., & Balan, K. A. (2020). *Reprezentatsiya etnicheskogo konflikta v sredstvakh massovoy informatsii v postsovet'skiy period* [Representation of ethnic conflict in mass media during the post-Soviet period]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya* (2), 519-534. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2020.211> (In Russ).
- Said, E. W. (2012). *Culture and Imperialism*. Vladimir Dal, St. Petersburg. (In Russ)
- Saussure, F. de. (1959). *Course in General Linguistics*. Philosophical Library, New York.
- Vartanova, E. L. (2017). *Ob aktualizatsii teorii zhurnalistiki i teorii media* [On the actualization of journalism theory and media theory]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*, 1(6), 5–13. [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2017.6\(1\).5-13](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2017.6(1).5-13). (In Russ).

Для цитирования: Головин, Ю. А. Лингвосомиотические дискурсивные стратегии в освещении этнополитических конфликтов в российских онлайн-СМИ / Ю. А. Головин, Н. А. Сухонина // PolitBook. – 2025. – № 3. – С. 117-136. – DOI 10.24412/2227-1538-2025-3-117-136.

**Д.А. Калямина,
М.А. Кирина**

**D. Kalyamina,
M. Kirina**

**ЦИФРОВАЯ
ТРАНСФОРМАЦИЯ
РЕГУЛЯТОРНОЙ
ПОЛИТИКИ:
ИСКУССТВЕННЫЙ
ИНТЕЛЛЕКТ
В ОЦЕНКЕ
ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ
НОРМ И ПРАВИЛ**

**DIGITAL
TRANSFORMATION OF
REGULATORY POLICY:
ARTIFICIAL
INTELLIGENCE IN THE
ASSESSMENT
OF LEGISLATIVE NORMS
AND RULES**

Аннотация

Рассматривается возможность оптимизации способа информирования бизнеса о законодательных изменениях в Российской Федерации на основе применения искусственного интеллекта (ИИ). Актуальность темы обуславливается тем, что законотворческий процесс в России перешел из исключительно административно-управленческого подхода к формированию стратегии развития экономики страны к модели сотрудничества между государством, гражданским обществом и бизнесом, где продвижение интересов предпринимательских структур реализуется на основе убеждающей коммуникации. Проведенный библиометрический анализ на основе кластерного подхода позволил выявить основные освещаемые тематики научных публикаций по ИИ в правовом регулировании. Примеров комплексных подходов, предлагающих взгляд на государство и бизнес как субъектов, встраиваемых в одно коммуникативно-управленческое поле, в контексте ИИ-проблематики практически не наблюдается. В этой связи обнаруживается необходимость использовать и развивать современные инструменты для автоматизированной обработки проектов нормативных правовых актов (НПА) с целью совершенствования способов формирования экспертной позиции бизнеса, представление которой возможно, например, через участие в оценке регулирующего воздействия (ОРВ), что впоследствии повысит качество нормотворческой дея-

Abstract

The article discusses the possibility of optimizing the way in which business entities are informed about legislative changes in the Russian Federation through the application of artificial intelligence (AI). The relevance of the topic is determined by the fact that the legislative process in Russia has shifted from an exclusively administrative and managerial approach to governance towards a model of cooperation between the state, civil society and business, implemented through persuasive communication as a managerial resource for business structures in promoting their interests. A bibliometric analysis conducted using a clustering approach has identified the main themes covered in scientific publications related to the application of AI methods for analyzing regulatory documents. The examples of comprehensive approaches that view the state and business as interconnected entities within a unified communicative framework concerning AI issues are virtually nonexistent. In this regard, there is a need to utilize and develop modern tools for the automated processing of draft of regulatory documents to improve the ways in which business form expert positions, which can be presented through participation in regulatory impact assessments, thereby enhancing the quality of legislative activity. This study proposes a conceptual model for a technological solution aimed at automating the analysis of legislative changes. Furthermore, it is discussed that increasing business awareness of planned

тельности. В настоящем исследовании предлагается концептуальная модель технологического решения, направленного на автоматизацию анализа проектов НПА, для повышения информированности представителей частного сектора о законодательных изменениях, а также их участия в ОРВ, что будет способствовать улучшению делового климата, своевременной адаптации бизнес-процессов к новым требованиям и, как следствие, укреплению конкурентоспособности российской экономики. Ключевым преимуществом внедрения ИИ в анализ законодательных изменений видится открываемая им возможность усиления доказательности решений, так как принимаются они с опорой на данные значительного объема с наименьшим привлечением трудовых ресурсов.

Ключевые слова:

государственно-частное взаимодействие, искусственный интеллект, убеждающая коммуникация, регуляторная политика, автоматизация регуляторного анализа, цифровая трансформация.

regulatory impacts will contribute to improving the business environment, timely adaptation of business processes to new requirements, and reduction of administrative barriers, consequently strengthening the competitiveness of the Russian economy. A key advantage of implementing AI in monitoring and analyzing legislative changes is seen in its potential to enhance the evidentiary basis of decisions, as they are made based on large volumes of data with minimal labor resource involvement.

Key words:

public-private interaction, artificial Intelligence, persuasive communication, regulatory policy, automation of regulatory analysis, digital transformation.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2025-3-137-158>

Современные технологии искусственного интеллекта (ИИ) позволяют автоматизировать значительную часть юридической деятельности, включая анализ документов, управление соответствием правовым принципам и отслеживание законодательных изменений (Галкина, Кузнецова, Воробьев, 2023; Ajmal et al., 2025). Основу их функционирования составляют алгоритмы обработки естественного языка (Natural language processing, NLP), которые эффективно анализируют большие объемы текстовых данных из различных источников, включая правительственные веб-сайты, новостные агрегаторы, нормативные и другие документы (Siino et al., 2025). Следуя концепции автоматизированного регуляторного интеллекта (Automated regulatory intelligence, ARI) – комплексного решения для управления соответствием нормативным требованиям с использованием ИИ, практический опыт демонстрирует потребность в разработке аналитического инструмента, автоматизирующего анализ проектов нормативных правовых актов (НПА), который может использовать бизнес в формировании своей экспертной позиции.

В период стабилизации (2000-2009 гг.) стратегическое планирование экономической сферы государства основывалось на директивном регулиро-

вании предпринимательской деятельности, которое с развитием институциональных условий сменяется на сотрудничество власти и бизнеса (с 2009 года по наст. время), основанное на принципах гибкости и сбалансированности. В связи с чем появляется потребность в организации гармонизированной государственно-частной коммуникации. Современная культура публичного сетевого взаимодействия государства и бизнеса создает условия для развития убеждающей коммуникации как управленческого ресурса предпринимательских структур в продвижении своих интересов посредством построения корпоративной публичной политики. Бизнес выстраивает стратегическое взаимодействие с широким кругом заинтересованных сторон (стейкхолдерами) с целью достижения баланса между государственными, общественными, экологическими, частными и другими интересами. Одним из инструментов убеждения является формируемая бизнесом отраслевая позиция по проектам НПА, содержащим обязательные требования, связанные с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, во время проведения оценки регулирующего воздействия (далее – ОРВ).

Целью работы является оценка контекстуальных предпосылок внедрения ИИ-инструмента в анализ планируемого регулирующего воздействия. Кроме того, представлена концептуальная модель технологического решения для анализа законодательных инициатив на основе ИИ, проводится обзор международного опыта применения ИИ в правовом регулировании. Методологией исследования выступает комплексный подход, включающий институциональный анализ взаимодействия власти и бизнеса в России, сравнение контекстов применения ИИ-технологий в регулировании норм и правил, а также изучение возможностей современных инструментов работы с текстовыми данными, в частности методов обработки естественного языка и больших языковых моделей (Large language models, LLMs), для извлечения и суммаризации релевантной пользовательскому запросу информации.

Научная новизна определяется тем, что предложена концептуальная модель использования ИИ для оценки планируемых законодательных изменений посредством интеграции современных технологий обработки естественного языка и больших языковых моделей в процесс анализа проектов НПА. Помимо этого, ИИ рассматривается как автоматизирующий инструмент убеждающей коммуникации для бизнеса в формировании своей экспертной позиции во время проведения ОРВ, которую можно представить как форму совместного коммуникативно-управленческого действия. На этом этапе аргументативно обосновывается выбор способа правового регулирования с целью повышения качества правоприменительной практики, а также обеспечения возможности учета мнения сторон, интересы которых затрагиваются проектом НПА.

Эволюция взаимодействия государства и бизнеса: от «захвата государства» частным сектором до сотрудничества

За последние три десятилетия взаимодействие государства и бизнеса в России претерпело значительные изменения. В 1990-е гг. отсутствие сформированных условий для перехода с плановой экономики на рыночную вызвало кризис управляемости, который породил модель взаимодействия бизнеса с государственными структурами посредством «захвата государства» частным сектором: «на новом этапе развития элементов редистрибутивной экономической системы с распределением ресурсов не столько на основе рыночного обмена, сколько в рамках административного торга, где группа ведущих олигархических бизнес-структур смогла, в силу контроля над большим объемом финансово-промышленных активов, осуществлять эффективное влияние на органы государственной власти и закрепить за собой привилегированное экономическое и политическое положение» (Павроз, 2009, с. 73). Сложившиеся условия определили коммуникативный вектор в сторону навязывания бизнесом выгодных установок по одностороннему принципу «стимул-реакция», что сформировало переход от зарождающейся рыночной экономики к олигархическому капитализму. В таких условиях коммуникатор обладает властью в той мере, в которой может заставить реципиента в совершении какого-либо действия (Latour, 1986, с. 264).

В период стабилизации (2000-2009 гг.) государством устанавливались регламентированные нормы и правила взаимодействия бизнеса с властью посредством нормообразующей коммуникации, которая заменила прежнюю компульсивно-коммуникативную логику продвижения частных интересов. В 2000 году на встрече с «олигархами» Президент РФ Владимир Владимирович Путин раскрыл новый вектор взаимодействия компаний с государственными структурами, смысл которого заключался в «равноудаленности»: «ни один клан, ни один олигарх не должны быть приближены к региональной и к федеральной власти, они должны быть равноудалены от власти»¹.

Объявленная политика модернизации в 2009 году требовала иного отношения к управлению развитием страны со стороны государства, гражданского общества и бизнеса: «политика модернизации опирается на механизмы взаимодействия государства и бизнеса предыдущего периода стабилизации, однако требует их развития и обновления, а также заставляет власть более внимательно относиться к еще одному партнеру – гражданскому обществу <...>. Очевидно также, что государство не может добиться серьезных результатов, идя путем простой мобилизации ресурсов. Требуется его ко-

¹ Федуненко Е. (2015) Как Владимир Путин встречался с крупным бизнесом. Коммерсантъ. <https://www.kommersant.ru/doc/2884721>.

операция с негосударственными акторами» (Гаман-Голутвина, Сморгунов, Тимофеева, 2014, с. 185). В этом контексте необходимо отметить формирование новых способов коммуникации – зарождается ориентация на построение сетевых отношений на основе сотрудничества. Особое внимание уделяется коннективности субъектов и объектов регулирования в условиях развития элементов децентрализованного управления и постоянного распределения информационных потоков, эффективность координации которых определялась повышением инклюзивности способов взаимодействия государства, гражданского общества и бизнеса. Политика модернизации способствовала достижению осознания того, что принятие решения не является в чистом виде производной от односторонних управленческих действий, а результатом диалога заинтересованных сторон.

Сотрудничество как основа для совместной выработки принятия решения

Если рассматривать схему идеально выстроенной организации отношений с органами государственной власти на системном уровне, то в основе лежит мониторинг, далее – участие, а на вершине «пирамиды принятия решения» – влияние¹. На теоретическом уровне подобное взаимодействие раскрывается посредством теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса в модели «идеальная речевая ситуация»: «совместная воля образуется не только через этическое самосоглашение, но и за счет уравнивания интересов и достижения компромисса, а также целерационального выбора средств, морального обоснования и проверки на юридическую связность» (Хабермас, 2001, с. 391).

В 2012 году была внедрена ОРВ как форма совместного коммуникативно-управленческого действия, обеспечивающая основу для выработки принятия решения на основе баланса интересов (в теоретическом плане напоминает модель «идеальная речевая ситуация»). Предлагаемое введение обязательных требований, связанных с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, подвергается аргументативному оцениванию. Такой формат коммуникации способствует раскрытию целесообразности установления той или иной нормы и в целом развитию осознанного диалога на основе доказательности позиции бизнеса и иных заинтересованных сторон, обладающих структурно-информационным преимуще-

¹ «Пирамида успеха GR-специалиста», представленная Марией Юрьевной Келембет, на тот момент GR-директором (сейчас занимает должность исполнительного директора по корпоративным отношениям) компании «Циан», на лекции «Антикризисный GR в IT и FMCG сферах» в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, 2023 г.

ством, а также обоснованности в учете или неучете направленных позиций органами государственной власти: «внедрение этих процедур сделало более открытым процесс нормотворчества для бизнеса, закрепило необходимость для разработчиков проектов актов обосновывать введение новых обязанностей, запретов и ограничений для предпринимателей» (Шохин, 2021, с. 5).

Важно отметить, что на системном уровне, охватывающем макроделегацию, которая представляет собой «коммуникативную надстройку, возникающую из различных источников» (Zgier, 2019, с. 15-16), особое значение имеет правильно выстроенная коммуникация (на основе доказательности своего мнения путем убеждения), целью которой является достижение баланса интересов стейкхолдеров. Именно такой коммуникативный вектор начинает приобретать стратегическое значение в публичной политике с 2009 года: «не норма, которая всегда выступала границей объединения и согласия, а суждение, высказанное в процессе коммуникации, приобретает колоссальную роль в публичной политике и управлении» (Сморгунов, 2016, с. 183). В этой связи возрастает роль GR-специалистов, которые выстраивают стратегию продвижения частных интересов через создание взаимовыгодных условий относительно принятия решения (на основе win-win стратегии) путем удовлетворения ключевых показателей эффективности федеральных органов исполнительной власти (далее – ФОИВ) и ожиданий стейкхолдеров.

Предпосылки применения искусственного интеллекта в регуляторной политике

Основной большей вовлеченности бизнеса в законодательный процесс являются его информированность о планируемом регулирующем воздействии и готовность к своевременному представлению своей экспертной позиции. Необходимо отметить, что на сегодняшний день отмечается низкое участие предпринимательских структур в ОРВ, что ухудшает качество анализа проектов НПА: вводятся избыточные обязанности, запреты и ограничения для субъектов предпринимательской и иной экономической деятельности, возникают необоснованные расходы как для частного сектора, так и в целом для всех уровней бюджетной системы РФ. Согласно опросу, проведенному Российским союзом промышленников и предпринимателей (РСПП), 12% крупных компаний и лишь 3% представителей малого и среднего бизнеса участвуют в данной процедуре¹. Можно предположить, что большее

¹ В РСПП обсудили ОРВ и другие инструменты взаимодействия бизнеса и власти. (2025) Российский союз промышленников и предпринимателей. URL: <https://rspp.ru/events/news/v-rspp-obsudili-orr-i-drugie-instrumenty-vzaimodeystviya-biznesa-i-vlasti-67bf1495e7914/>.

развитие «умных» технологий, которые способны оперативно выявлять регуляторные риски с наименьшим привлечением трудовых затрат, повысит уровень участия бизнеса в ОРВ как в количественном, так и в качественном аспектах.

Важность своевременного реагирования на законодательные инициативы особенно отмечается в период санкционного давления. Так, по мнению Эдуарда Михайловича Войтенко, генерального директора Baikal Communications Group, «компаниям необходимо объективно и быстро оценивать риски и возможности кризисных ситуаций, оптимизируя свою деятельность, а государству – эффективно использовать ресурсы бизнеса для поддержания экономики в сложных условиях. Поэтому на сегодняшний день взаимная польза частно-публичного диалога видится очевидной»¹. В этой связи бизнесу необходимо активнее принимать участие в ОРВ, а государству – большее внимание обращать на экспертную позицию частного сектора для повышения качества правоприменительной практики.

Необходимо подчеркнуть, что за последнее время ОРВ как правотворческий анализ претерпела значительные изменения: разделены степени регулирующего воздействия в зависимости от затрат на исполнение обязательных требований, обновлена методика расчета стандартных издержек, в личных кабинетах ФОИВ-разработчиков добавлен калькулятор оценки издержек исполнения требований, что позволяет более точно прогнозировать возникновение необоснованных расходов хозяйствующих субъектов и бюджетов бюджетной системы РФ². Дальнейшее совершенствование законотворческого процесса видится в использовании «умных» технологий. Так, актуальность применения ИИ обсуждалась на форуме по регуляторной политике, проведенном РСПП совместно с Минэкономразвития России в 2025 году. Алексей Игоревич Херсонцев, статс-секретарь, заместитель Министра Минэкономразвития России, отметил, что инструменты ИИ могут значительно упростить регуляторные оценки со снижением трудовых затрат уполномоченных специалистов по подготовке заключений об ОРВ³.

В настоящей статье решением в части повышения участия бизнеса в ОРВ, как в количественном, так и в качественном аспектах, видится в создании ИИ-инструмента с целью мониторинга и формирования первичного анализа в части выявления положительных и негативных последствий от рас-

¹ Войтенко Э.М. (2023). Разговор с государством. Как GR помогает отстаивать интересы бизнеса на государственном уровне? Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5889556>.

² Повышение качества ОРВ НПА. (2025) Минэкономразвития России. https://www.economy.gov.ru/material/directions/investicionnaya_deyatelnost/investklimat/orv/povyshenie_kachestva_orv_npa.

³ Форум НРБ по регуляторной политике «ОРВ и другие инструменты взаимодействия бизнеса и власти». (2025) РСПП. <https://rutube.ru/video/ee54a8fb8775ba536e4a6fe155c40eca>.

смаатриваемых проектов НПА. Подобный инструмент может использоваться в контексте развертывания модели убеждающей коммуникации с целью обеспечения выполнения превентивных мер, направленных на минимизацию планируемых регуляторных изменений, которые могут оказать негативное воздействие на деятельность компаний и развитие экономики страны.

Перспективность предлагаемой модернизации обуславливается также и новым витком в развитии ИИ. В феврале 2024 года В.В. Путин подписал указ, обновляющий Национальную стратегию развития искусственного интеллекта на период до 2030 года. Существенные изменения нашли отражение в планируемых целевых показателях: «ежегодный объем оказанных услуг по разработке и реализации решений в области ИИ к 2030 году должен вырасти не менее чем до 60 млрд рублей по сравнению с 12 млрд рублей в 2022 году», «долю приоритетных отраслей экономики с высокой готовностью к внедрению ИИ намерены нарастить с 12% до 95%»¹. Кроме того, намечено и решение существующих ограничений в применении ИИ – например, связанных с защитой персональных данных. Как следует из указа, «уровень доверия граждан к технологиям искусственного интеллекта в 2030 году должен вырасти не менее чем до 80% по сравнению с 55% в 2022 году»².

Искусственный интеллект в правовом регулировании: сравнение российского и международного опыта

Как показывает международный опыт, внедрение ИИ в юридическую деятельность является не только перспективным, но и возможным к реализации решением. При этом предпосылки в этой научно-практической области обнаруживаются и в российском пространстве (однако, как правило, речь идет о так называемом «слабом» ИИ и сравнительно меньшей опоре на прогностические возможности компьютерного моделирования).

Для первичной оценки применения ИИ в правовом регулировании был проведен библиометрический анализ на платформе Open Knowledge Maps, и в результате была получена Карта знаний (рис. 1)³. Стоит учесть, что поиск

¹ Путин обновил Национальную стратегию развития ИИ до 2030 года. (2025) ТАСС. <https://tass.ru/politika/20000627>

² Там же.

³ Понятие «Карта знаний» мы вводим в том значении, в котором оно используется на ресурсе Open Knowledge Maps. (<https://openknowledgemaps.org>). Платформа предназначена для выявления тематик документов (научных статей), наиболее релевантных запросу пользователя. Система выводит 100 наиболее подходящих запросу статей и кластеризует их на основе семантического сходства имеющихся в базе метаданных (названий статей, аннотаций и ключевых слов к ним, названий журналов и т.д.). Каждому кластеру присваивается название с опорой на ключевые слова и фразы, наиболее часто встречающиеся в них и извлекаемые в результате

осуществлялся по публикационным базам хоть и международным, но состоящим преимущественно из англоязычных статей. Кроме того, некоторые кластеры могут оказываться слишком «узкими» и специфическими, описывающими всего несколько статей¹. Это означает, что статьи оказались релевантными запросу, но сгруппировать их в более крупный кластер не удалось. Несмотря на приведенные выше ограничения, подобный поиск позволяет взглянуть на «ядро» научных публикаций, связанных с интересующей темой, и сформировать концептуальное представление о наиболее актуальных направлениях в рассматриваемой области.

В качестве запроса использовалось следующее выражение: «AI in legal sector». Интересно отметить, что поиск с учетом также и ключевых слов «government» и «business» не оказался в равной мере успешным, что в некотором смысле может объективно указывать на значимость настоящей работы².

комбинированного использования экстрактивной суммаризации и подхода «мешок слов» на основе TF-IDF.

¹ Эта характеристика является следствием следующей особенности платформы: подбор статей осуществляется в первую очередь на основе их тематической близости, что позволяет находить статьи, которые при «классическом» поиске (на основе цитирований) могут быть упущены.

² При таком запросе были выведены 22 статьи. Признавая возможные ограничения поиска и неполноту метаданных в исходной базе научных публикаций, на наш взгляд, можно предположить немногочисленность работ, в которых искусственный интеллект, государство и бизнес (в частности, отношения между ними) рассматриваются комплексно.

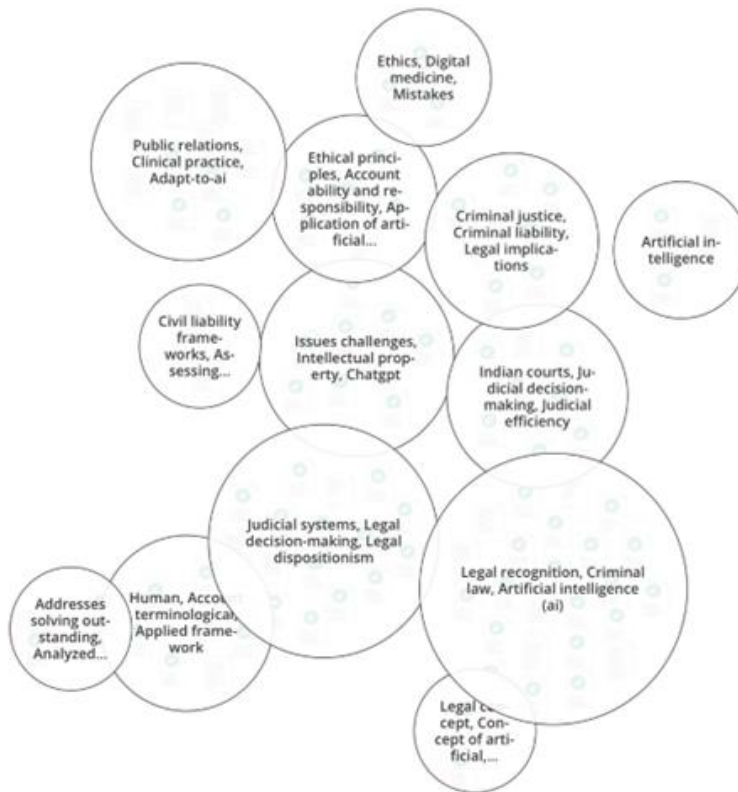

Рисунок 1 – Карта знаний на основе семантической близости научных публикаций к теме применения ИИ в правовом регулировании (инструмент анализа — Open Knowledge Maps)

Как видно из карты знаний (рис. 1), исследователей часто интересуют вопросы, связанные в первую очередь с выработкой этических и профессиональных принципов использования ИИ, в особенности важность подобного регулирования подчеркивается в медицине (Čartolovni, Tomićić, Mosler, 2022) и судебной практике (Lavi & Jabotinsky, 2024). В отношении оценки возможностей автоматизации части задач, касающихся судебного делопроизводства, одним из примеров является система «умных судов» (smart courts) в Китае, которая предполагает институционализированную опору на ИИ, а также создание более открытой и прозрачной системы, включающей и повышение вовлеченности граждан в судебные процессы (Shi, Sourdin, Li, 2021). Интересен и кластер, в котором упоминаются индийские суды (Indian courts): так, отмечаются проблемы, вызванные распространением ИИ, где акцентируется внимание на фейковом контенте и возрастающей в связи с

этим необходимости защиты персональных данных (Sayyed, 2024). В то же время обсуждается вопрос повышения осведомленности об ИИ среди сотрудников правовых структур и обмена экспертными знаниями между государственными органами, бизнесом, академической средой и гражданским обществом (Dhiman & Singh, 2023). При этом актуальной остается и тема ИИ в кибербезопасности и судебной экспертизе – для усиления противодействия преступлениям, совершаемым с использованием в том числе ИИ (Dhiman & Singh, 2023).

Как показывает международная практика, на текущий момент разрабатываются и интегрируются в правовой анализ ИИ-инструменты, которые позволяют автоматизировать работу с нормативными документами. Например, в США выделяются такие системы, как LexisNexis Context и Thomson Reuters Westlaw Edge: первая специализируется на предсказании поведения судей с помощью лингвистического анализа и подготовке аргументов, оценке экспертных заключений, а вторая – на проведении юридических исследований, выявлении «пробелов» в документах и прогнозировании исходов судебных дел. Система Cortical.io (Австрия/США) автоматизирует обработку юридических документов, выполняя семантический анализ, и выявляет ключевые понятия и связи между ними. Британский инструмент Harpen применяется главным образом в контексте дью-дилидженс (due diligence), в частности для анализа рисков в контрактах и обнаружения несоответствий и проблемных зон в документах.

В России также наблюдается развитие аналогичных решений. Например, Rubbles Enterprise Copilot представляет собой мультиагентного ИИ-чатбота, который осуществляет поиск, анализ и отвечает на вопросы по содержанию и срокам действия документов, а также формирует краткие выжимки из юридических текстов. Система Doczilla AI автоматизирует составление типовых юридических документов, а также генерирует и обрабатывает договоры и заявления. На примере компаний, таких как «Евраз» и «Ростелеком», видно, что ИИ успешно применяется для создания краткого изложения договоров и локальных нормативных актов, автогенерации листов ознакомления и автоматизации ответов на типовые вопросы сотрудников, а также создания дайджестов¹.

Проведенный анализ позволяет подтвердить, что применение ИИ становится востребованным инструментом в подобной деятельности, позволяя автоматизировать операционные задачи и процессы, ускорять обработку документов и повышать эффективность анализа. Однако основной акцент,

¹ Как юрдепартаменты используют ИИ: кейсы компаний. (2025) https://pravo.ru/company_news/258472/

особенно в российском поле, делается на автоматизации рутинных задач, в то время как использование ИИ для прогнозной аналитики, скорее всего, остается ограниченным (российские решения развиваются скорее в качестве автономных продуктов). В отличие от этого, интеграция для решения широкого спектра задач наблюдается на международной арене, где ИИ включается в профессиональные юридические практики и глобальные экосистемы (например, Microsoft Copilot, интегрированный в Windows) (Галкина, Кузнецова, Воробьев, 2023).

Концептуальная модель технологического решения анализа законодательных инициатив на основе искусственного интеллекта

В правовом пространстве основное место занимают нормативные тексты. Обучаясь на этом материале, развиваются системы ИИ, в том числе и для последующего анализа новых текстовых данных (Siino et al., 2025). Речь идет о современных алгоритмах обработки естественного языка, которые позволяют ИИ анализировать большие объемы текстовой информации и формулировать аргументы, основанные на глубоком (насколько позволяет база знаний нейросети) понимании темы. В этой связи ИИ становится важным ресурсом убеждающей коммуникации. Некоторые эксперты считают, что ИИ не уступает по эффективности традиционным («человеческим») коммуникативным стратегиям (Huang, Wang, 2023). ИИ положительно отличается своей способностью адаптировать аргументацию и стили общения под конкретные запросы и контексты (Shao, 2025). Такая вариативность, а также доказательность при формировании ответа на поставленный вопрос, как показывает международный опыт, могут повышать качество принятия решения. Однако стоит учитывать, что ИИ является лишь технологическим решением в коммуникативных стратегиях, которое обладает хорошей аргументативной логикой, но с ограниченными возможностями.

Процесс разработки программного решения для анализа законодательных инициатив на основе ИИ предполагает несколько ключевых этапов, которые представлены нами на схеме (рис. 2).

Рисунок 2 – Обобщенная схема разработки технологического решения

Основными источниками для мониторинга законодательных инициатив могут стать федеральный портал проектов НПА¹ и система обеспечения законодательной деятельности². За основу индикаторов для анализа проектов НПА, позволяющих комплексно оценить планируемое регулирование, видится целесообразным взять показатели из доклада АНО «Мосстратегия»: отсутствие избыточных процедур, оптимальный пакет документов, наличие межведомственного взаимодействия, электронная подача документов, актуальность законодательства, отсутствие дублирования сведений, содержание понятных требований и условий, возможность доработки пакета документов, учет практики применения/востребованности, приемлемые сроки³. Актуальность приведенных выше показателей обосновывается тем, что Москва входит в высшую группу рейтингов проведения ОРВ в регионах России по итогам 2024 года⁴.

Сначала осуществляется подготовка базы источников, которая включает сбор и систематизацию НПА и эталонных решений для формирования корпуса данных. Далее проводится серия экспериментов для выбора и обу-

¹ Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. (2025) URL: <https://regulation.gov.ru/>.

² Система обеспечения законодательной деятельности. (2025) URL: <https://sozd.duma.gov.ru>.

³ Индикаторы эффективного регулирования. (2025) Ежегодный доклад о результатах оценки влияния правовых актов на экономику Москвы за 2024 год. Мосстратегия. URL: <https://stratagency.moscow/pdf2/>.

⁴ Рейтинг качества регуляторной политики в регионах РФ за 2024 год. (2025) Минэкономразвития России. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/7176969d3970d53ffd8e6871be7a99ce/reyting_kachestva_regulyatornoy_politiki_v_regionah_rf_za_2024_god.pdf

чения наиболее успешной для поставленной задачи модели с использованием подхода на основе RAG (RAG – Retrieval-Augmented Generation в пер. с англ. яз. «генерация, дополненная поиском»), что позволяет эффективно интегрировать внешний контекст (знания, которых у модели не было и которые она будет получать, обучаясь на загруженных документах) в процесс генерации ответов.

В качестве технологической базы видится перспективным рассмотреть современные модели, такие как GigaChat, Saige-Mistral, YaGPT (от российских разработчиков), а также DeepSeek и Qwen (от китайских разработчиков). Подобное решение необходимо реализовывать в закрытом программном обеспечении, что предоставит безопасность и контроль над обработкой данных. Для повышения точности и релевантности предлагается использовать методы векторного (семантического) поиска и абстрактивной суммаризации, что позволит извлекать и консолидировать информацию из больших объемов текстовых данных. Этот этап также предусматривает формирование наиболее эффективных стратегий промпт-инжиниринга.

На завершающей стадии разработки такого инструмента необходимо проводить тестирование моделей и интерфейса решения, что обеспечивает проверку результатов работы системы и удобства взаимодействия пользователя с ИИ. Итеративное улучшение модели происходит на основе оценки качества и обратной связи, что позволяет постоянно повышать эффективность анализа законодательных инициатив.

Первичная апробация: анализ Постановления Конституционного Суда РФ от 24.03.2025 №13-П

Для оценки удобства и полезности представляемой информации была проведена первичная апробация ИИ для решения задач предлагаемого формата, что позволило комплексно оценить его потенциал в анализе правового регулирования. В качестве проблемного кейса взято Постановление Конституционного Суда РФ от 24.03.2025 №13-П (далее – Постановление)¹. Проведено тестирование двух популярных на сегодняшний день нейросетевых инструментов – Perplexity и DeepSeek. При составлении промпта использовалась техника *perspective prompting*. Задачи предполагали, во-первых, кратко сформулировать суть постановления (то есть с опорой на файл во вложении

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24.03.2025 №13-П «По делу о проверке конституционности абзаца второго пункта 34 и пункта 45 Правил осуществления контроля состава и свойств сточных вод в связи с жалобой акционерного общества "Объединенная двигателестроительная корпорация"». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_501546

ях), во-вторых, дать прогнозную аналитику (то есть с опорой на собственные знания модели).

В целом, нейросети положительно справились с задачей краткой формулировки основных выводов Постановления и представления прогнозной аналитики, однако глубина и развернутость анализа различались¹. В табл. 1 представлены обобщенные критерии² оценки результатов ИИ-анализа с целью демонстрации особенностей оценочной логики Perplexity и DeepSeek.

Таблица 1 – Оценка результатов ИИ-анализа Постановления Конституционного Суда РФ от 24.03.2025 №13-П

Критерий	Perplexity	DeepSeek
Объем выдачи (в словоупотреблениях)	670	321
Количество структурных элементов	6	5
Характеристика структурных элементов	Краткое содержание Постановления, предыстория дела, правовые позиции Конституционного Суда, прогнозная аналитика, заключение, источники.	Краткая суть Постановления, причина, решение суда, прогнозная аналитика, итог.
Автоматически выделенные параметры для анализа	Нормативное регулирование (законодательство, судебная практика), хозяйствующие субъекты (водопользователи и водоотводящие организации), экологический контроль.	Нормативное регулирование (законодательство, судебная практика), водопользователи и водоотводящие организации, технические и организационные изменения, экологические и экономические эффекты.
Количество выделенных последствий	16	12

Как следует из табл. 2, в которой произведено более подробное сравнение ответов обеих моделей с минимальными корректировками, система Perplexity делает более детализированный анализ с акцентом на взаимоувязывание последствий от планируемых законодательных изменений для водоотводящих организаций и водопользователей (абонентов), в то время как DeepSeek – в большей степени показывает обобщенный прогноз. Так, нейросеть Perplexity описала суть Постановления, предысторию дела, выде-

¹ Важно отметить, что на этом этапе тестирования при промптинге формат и объем вывода данных не были уточнены, а также не были представлены критерии анализа (то есть нейросеть определяла их без участия пользователя).

² В табл. 1 и 2 используются критерии, предложенные нами постфактум для сравнения полученных результатов.

лила основные правовые позиции Конституционного Суда, подробно рассмотрела баланс между экологическими и экономическими интересами и предложила детализированный анализ дальнейших действий, судебной практики и последствий для заинтересованных сторон. Нейросеть DeepSeek, в свою очередь, лаконично сформулировала решение Конституционного Суда, акцентировав внимание на ключевых изменениях для водопользователей и водоотводящих организаций, в частности на возможных технических, организационных, экологических и экономических изменениях.

Таблица 2 – Сравнение результатов ИИ-анализа Постановления Конституционного Суда РФ от 24.03.2025 №13-П

Критерий	Perplexity	DeepSeek
Статус оспариваемых норм	Конституционный Суд РФ рассмотрел дело о проверке конституционности абзаца второго пункта 34 и пункта 45 Правил осуществления контроля состава и свойств сточных вод, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 22.05.2020 №728, по жалобе АО «Объединенная двигателестроительная корпорация».	Конституционный Суд РФ признал абзац второй пункта 34 и пункт 45 Правил осуществления контроля состава и свойств сточных вод (утвержденных Постановлением Правительства РФ от 22.05.2020 №728) не соответствующими Конституции РФ.
Причина	Заявитель утверждал, что данные положения не соответствуют статьям 42, 46 (часть 1) и 123 (часть 3) Конституции РФ, поскольку создают условия для недостоверного определения результатов контроля и для необоснованных экономических затрат абонента. АО «ОДК» указывало на случаи получениякратно отличающихся результатов параллельных измерений по множеству показателей.	Эти нормы исключают возможность отбора резервной пробы по требованию абонента для показателей с коротким сроком хранения проб (менее 12 суток), что создает дисбаланс в правах.
Правовые позиции Конституционного Суда	Конституционный Суд, рассматривая дело, исходил из следующих конституционно-правовых принципов: - необходимость баланса между экологическими интересами (ст. 9, 42, 58 Конституции РФ) и свободой экономической деятельности (ст. 8, 34, 35); - требование справедливого соотношения прав и обязанностей участников экономических отношений, особенно при их фактическом неравенстве; - необходимость выравнивания возможностей участников отноше-	Не выделил в отдельную категорию для анализа.

Критерий	Perplexity	DeepSeek
	ний, когда у одного из них имеется преобладание (например, посредством наделения другого участника дополнительными правами); - конституционное требование добросовестности и недопустимости злоупотребления правами, адресованное всем участникам гражданских правоотношений.	
Решение Конституционного Суда	Не выделил в отдельную категорию для анализа.	- До внесения изменений в законодательство абонент вправе требовать отбора резервной пробы за свой счет и ее анализа независимой лабораторией; - Результаты анализа резервной пробы должны учитываться при несопоставимости данных контрольной и параллельной проб.
Прогнозные изменения	- Введение механизма оперативного отбора и анализа резервной пробы для показателей с коротким сроком хранения; - Установление особого порядка разрешения споров при существенном расхождении результатов анализов контрольной и параллельной проб; - Введение дополнительных критериев достоверности результатов анализа сточных вод.	- Правительство РФ обязано скорректировать Правила контроля сточных вод, предусмотрев возможность отбора резервной пробы даже при коротком сроке хранения; - Возможно введение новых требований к процедурам отбора проб, включая запрет на использование аффилированных лабораторий для ключевых этапов контроля.
Влияние на судебную практику	До внесения соответствующих изменений суды должны руководствоваться непосредственно постановлением КС при разрешении аналогичных споров. Это может привести к: - пересмотру ранее принятых решений по вопросам оспаривания результатов анализа сточных вод и начисленной на их основе платы; - более внимательному рассмотрению судами доводов абонентов о недостоверности проведенных водоотводящей организацией анализов; - перераспределению бремени доказывания в пользу абонентов в спорах о достоверности результатов анализов.	- Увеличится число исков абонентов, требующих пересчета платежей на основании резервных проб; - Возможны споры о злоупотреблении правами как абонентов, так и водоотводящих организаций.
Последствия	- Усиление правовых гарантий при	- Абоненты получают инстру-

Критерий	Perplexity	DeepSeek
для водопользователей (абонентов)	осуществлении контроля состава сточных вод; - Снижение рисков необоснованного взимания завышенной платы; - Возможность эффективного оспаривания результатов.	мент для оспаривания завышенных платежей, но понесут дополнительные расходы на отбор и анализ резервной пробы.
Последствия для водоотводящих организаций	- Необходимость пересмотра процедур отбора и анализа проб; - Возможное увеличение затрат на лабораторное оборудование и персонал; - Риск снижения доходов от платы за негативное воздействие на централизованную систему водоотведения.	- Рост административной нагрузки; - Пересмотр договорных условий для учета новых требований.
Технические и организационные последствия	Возможно развитие альтернативных механизмов разрешения споров по вопросам достоверности экологических измерений, таких как создание независимых арбитражных лабораторий, развитие автоматизированных систем контроля, исключающих человеческий фактор.	Лаборатории будут вынуждены сертифицировать методы экспресс-анализа для работы с коротким сроком хранения проб, появится спрос на независимые аккредитованные лаборатории, что может стимулировать развитие этого сегмента рынка.
Экологические и экономические последствия	Данное постановление КС может стать катализатором для пересмотра и других механизмов экологического контроля, особенно в части обеспечения достоверности результатов и прав проверяемых субъектов.	Повысится точность контроля загрязнений, что усилит экологическую ответственность предприятий, возможное снижение числа спорных платежей улучшит инвестиционный климат в секторе ЖКХ и промышленности.
Риски и ограничения	Не выделил в отдельную категорию для анализа, так как нейросеть взаимоувязала риски с критериями, представленными выше.	Задержки в принятии новых правил могут привести к правовой неопределенности, неравномерное внедрение новых требований в регионах спровоцирует различия в судебной практике.
Вывод	Постановление... имеет важное значение для обеспечения баланса экологических интересов и экономических прав хозяйствующих субъектов. <...> ...эти изменения должны сохранить эффективность экологического контроля и защиты водных объектов от загрязнения. Для практикующих юристов особое значение имеет возможность пересмотра ранее принятых судебных решений <...>.	Решение КС РФ направлено на усиление процессуальных гарантий для абонентов, но потребует комплексной адаптации законодательства, бизнес-процессов и инфраструктуры. Главный вызов — обеспечить баланс между экологическими целями и экономической нагрузкой на предприятия.

Предикативная аналитика нейросетей отличается предложенными вариантами действий. Например, в части прогноза дальнейшего технического обеспечения Perplexity предполагает, что могут быть созданы независимые арбитражные лаборатории, получат развитие автоматизированные системы контроля, исключающие человеческий фактор (такие решения требуют значительных финансовых трат), а DeepSeek прогнозирует, что лаборатории будут вынуждены сертифицировать методы экспресс-анализа для работы с коротким сроком хранения проб (менее 12 суток), появится спрос на независимые аккредитованные лаборатории, что может стимулировать развитие этого сегмента рынка (такие решения ориентированы на нормообразование). Последний прогноз кажется более реалистичным. Кроме того, DeepSeek более четко формулирует причины оспаривания законодательных норм. Perplexity в большей степени опирается на отсылочную причинно-следственную связь, в частности на конституционность положений Правил контроля сточных вод и обращение АО «Объединенная двигателестроительная корпорация» в Арбитражный суд города Москвы.

Стоит отметить, что детализированность прогнозирования у Perplexity выше. Для водопользователей DeepSeek выявляет довольно общий прогноз – формирование инструмента оспаривания завышенных платежей, в то время как Perplexity акцентирует внимание на усилении правовых гарантий, снижении рисков необоснованных затрат субъектов регулирования, а также на более эффективном процессе оспаривания результатов отбора пробы с коротким сроком хранения. Что касается водоотводящих организаций, то система Perplexity также сделала более развернутый анализ. Если DeepSeek ограничивается прогнозом в части роста административной нагрузки и пересмотров договоров, то Perplexity – необходимостью пересмотра процедур отбора и анализа проб (последствие общего плана), увеличением затрат на оборудование (последствие частного плана). А самое важное, что выделил инструмент Perplexity – это риск снижения доходов водоотводящих организаций от платы за негативное воздействие на централизованную систему водоотведения. В каком-то смысле можно увидеть, что, несмотря на различность нейросетевой логики в части предикативной аналитики, Perplexity и DeepSeek дополняют ответы друг друга.

Проведенный анализ можно считать первичной апробацией возможностей генеративных моделей для анализа нормативных текстов на естественном языке. В продолжение сопоставления видится целесообразным рассмотреть преимущества и ограничения использования других нейросетевых технологий, экспериментов в области промпт-инжиниринга, а также проведения оценки результатов с опорой на эталонные решения экспертов. В этом плане

необходимо предусмотреть дальнейшее развитие намеченной темы за счет синергии научных разработок и практического применения ИИ в анализе правового регулирования.

Создание ИИ-инструмента и внедрение его (с последующей итеративной поддержкой) в анализ изменений в законодательстве представляет собой инновационное решение с целью повышения качества нормотворческой деятельности на основе сотрудничества государства и бизнеса, где компании будут в большей степени вовлечены в ОРВ, что позволит снизить риск принятия избыточных норм и правил. Для того чтобы бизнес мог участвовать в совместной выработке принятия решения в регуляторной политике, ему необходимо всегда находиться в актуальном информационном поле, что обеспечивает такой вид деятельности, как мониторинг. Своевременно сформированная позиция предпринимательских структур позволяет им участвовать в законотворческом процессе. А уже грамотное представление своей точки зрения дает возможность компаниям быть вовлеченными в совместную выработку принятия решения на уровне влияния за счет экспертности в части понимания отраслевых особенностей регулирования.

Таким образом, цифровая трансформация регуляторной политики посредством применения ИИ будет способствовать улучшению деловой среды, своевременной адаптации бизнес-процессов к новым требованиям, снижению административных барьеров и, как следствие, укреплению конкурентоспособности российской экономики. Ключевым преимуществом внедрения ИИ в анализ и оценку законодательных норм и правил является открываемая им возможность усиления доказательности решений, так как принимаются они с опорой на данные значительного объема с наименьшим привлечением человеческих ресурсов. Однако необходимо подчеркнуть, что ИИ хоть и автоматизирует значительную часть работы, но окончательное решение должно приниматься экспертом: речь идет не только о необходимости перепроверки информации, предоставленной ИИ, но и об этических ограничениях.

Литература

Ajmal, C. S., Yerram, S., Abishek, V., Nizam, V. M., Aglave, G., Patnam, J. D., Raghuvanshi R., & Srivastava, S. (2025). Innovative approaches in regulatory affairs: leveraging artificial intelligence and machine learning for efficient compliance and decision-making. *The AAPS Journal*, 27(1), 22.

Čartolovni, A., Tomičić, A., & Mosler, E. L. (2022). Ethical, legal, and social considerations of AI-based medical decision-support tools: a scoping review. *International Journal of Medical Informatics*, 161, 104738.

Dhiman, S., & Singh, S. (2023). Cybercrime and Computer Forensics in Epoch of Artificial Intelligence in India. *Cyber Law Reporter*, 2 (4), 13–32.

Huang, G., & Wang, S. (2023). Is artificial intelligence more persuasive than humans? A meta-analysis. *Journal of Communication*, 73 (6), 552-562.

Latour B. (1986). The powers of association. Power, action belief: A new sociology of knowledge? J. Law (ed.). London: Routledge and Kegan Paul, 234-264.

Lavi, M., & Jabotinsky, H. Y. (2024). AI in the Courtroom: The Boundaries of RoboLawyers and RoboJudges. *Fordham Intellectual Property, Media & Entertainment Law Journal*, 35.

Sayyed, H. (2024). Artificial intelligence and criminal liability in India: exploring legal implications and challenges. *Cogent Social Sciences*, 10 (1).

Shao, X. (2025). Artificial Intelligence Modelling Paths for Reasoning Argumentation Methods for Criminal Evidence. *BenchCouncil International Symposium on Intelligent Computers, Algorithms, and Applications*. Springer, Singapore, 35-52.

Shi, C., Sourdin, T., & Li, B. (2021). The Smart Court – A New Pathway to Justice in China? *International Journal for Court Administration*, 12 (1). <https://doi.org/10.36745/ijca.367>.

Siino, M., Falco, M., Croce, D., & Rosso, P. (2025). Exploring LLMs applications in law: A literature review on current legal NLP approaches. *IEEE Access*.

Zgiep, M. (2019). Beyond institutions and the system: Network approach to deliberative democracy. *Cogent Social Sciences*, 5 (1).

Галкина, Н. М., Кузнецова, Д. В., Воробьев, М. А. (2023). Зарубежный опыт применения искусственного интеллекта в судебной системе. *Вестник ВГУ. Серия: Право*, 3 (54).

Гаман-Голутвина, О. В., Сморгунов, Л. В., Тимофеева, Л. Н. (2014). Политика модернизации неэффективна без сотрудничества государства с бизнесом и обществом. *Власть*, 1, 185–187.

Павроз, А. В. (2009). Взаимодействия бизнеса и государства в России : редистрибутивная модель. *Вестник Пермского университета. Выпуск 4 (8)*, 72–77.

Сморгунов, Л. В. (2016). Знание и публичное управление: от утверждения нормы к суждению. *Политическая наука*, 2, 181–197.

Хабермас, Ю. (2001). Вовлечение другого. Очерки политической теории. Пер. с англ. Ю. Медведева. СПб.: Наука.

Шохин, А. Н. (2021). Взаимодействие бизнеса и власти в современной России. Регуляторная политика и контрольно-надзорная деятельность, под ред. А.Н. Шохина; отв. ред.: С. М. Плаксин, В. Д. Казикаев, Д. Р. Алимеев [и др.]. М.: РСПП.

References

Ajmal, C. S., Yerram, S., Abishek, V., Nizam, V. M., Aglave, G., Patnam, J. D., Raghuvanshi R., & Srivastava, S. (2025). Innovative approaches in regulatory affairs: leveraging artificial intelligence and machine learning for efficient compliance and decision-making. *The AAPS Journal*, 27(1), 22.

Čartolovni, A., Tomićić, A., & Mosler, E. L. (2022). Ethical, legal, and social considerations of AI-based medical decision-support tools: a scoping review. *International Journal of Medical Informatics*, 161, 104738.

Dhiman, S., & Singh, S. (2023). Cybercrime and Computer Forensics in Epoch of Artificial Intelligence in India. *Cyber Law Reporter*, 2 (4), 13–32.

Galkina, N. M., Kuznetsova, D. V., & Vorobyev, M. A. (2023). Foreign Experience of Artificial Intelligence Application in the Judicial System. Bulletin of Voronezh State University. Series: Law, 3 (54).

Gaman-Golutvina, O. V., Smorgunov, L. V., & Timofeeva, L. N. (2014). The modernization policy is ineffective without cooperation between the state, business, and society. Power, 1, 185–187. (In Russ).

Habermas, J. (2001). The Inclusion of the Other: Studies in Political Theory. Translated from English by Y. Medvedeva. St. Petersburg: Nauka. 415 p. (In Russ).

Huang, G., & Wang, S. (2023). Is artificial intelligence more persuasive than humans? A meta-analysis. Journal of Communication, 73 (6), 552–562.

Latour, B. (1986). The powers of association. Power, action belief: A new sociology of knowledge? J. Law (ed.). London: Routledge and Kegan Paul, 234–264.

Lavi, M., & Jabotinsky, H. Y. (2024). AI in the Courtroom: The Boundaries of RoboLawyers and RoboJudges. Fordham Intellectual Property, Media & Entertainment Law Journal, 35.

Pavroz, A.V. (2009). Interactions between business and government in Russia: A redistributive model. Bulletin of Perm University, Issue 4 (8), 72–77. (In Russ).

Sayyed, H. (2024). Artificial intelligence and criminal liability in India: exploring legal implications and challenges. Cogent Social Sciences, 10 (1).

Shao, X. (2025). Artificial Intelligence Modelling Paths for Reasoning Argumentation Methods for Criminal Evidence. BenchCouncil International Symposium on Intelligent Computers, Algorithms, and Applications. Springer, Singapore, 35–52.

Shi, C., Sourdin, T., & Li, B. (2021). The Smart Court – A New Pathway to Justice in China? International Journal for Court Administration, 12 (1). <https://doi.org/10.36745/ijca.367>.

Shokhin, A. N. (2021). Interaction between Business and Government in Modern Russia. Regulatory Policy and Control and Supervisory Activities. Ed. by A. N. Shokhin; responsible editors: S. M. Plaksin, V. D. Kazikaev, D. R. Alimpeev et al. Moscow: RSPP. (In Russ).

Siino, M., Falco, M., Croce, D., & Rosso, P. (2025). Exploring LLMs applications in law: A literature review on current legal NLP approaches. IEEE Access.

Smorgunov, L. V. (2016). Knowledge and Public Administration: From Norm Affirmation to Judgment. Political Science, 2, 181–197. (In Russ).

Zgiep, M. (2019). Beyond institutions and the system: Network approach to deliberative democracy. Cogent Social Sciences, 5 (1).

Для цитирования: Калямина, Д. А. Цифровая трансформация регуляторной политики: искусственный интеллект в оценке законодательных норм и правил / Д. А. Калямина, М. А. Кирина // PolitBook. – 2025. – № 3. – С. 137–158. – DOI 10.24412/2227-1538-2025-3-137-158.

Н.А. Баранов**N. Baranov**

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК НОВЫЙ АКТОР СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A NEW ACTOR IN THE SYSTEM OF INTERNATIONAL RELATIONS: CHALLENGES AND PROSPECTS

Аннотация

Цель статьи - выявить перспективы развития искусственного интеллекта (ИИ) в контексте его международного акторства и кооперации международных институтов для противодействия вызовам, связанным с неконтролируемым ростом влияния ИИ. Задачи включают в себя рассмотрение современных критериев акторства в международных отношениях, влияния ИИ на теории международных отношений, проблемы, связанные с безопасностью при внедрении искусственного интеллекта в военных целях, дипломатическую деятельность, а также сотрудничество мирового сообщества в целях конструктивного влияния ИИ на различные сферы жизни, благополучие и права людей. Методы, используемые в работе: контент-анализ, формально-логический анализ, дискурс-анализ, кейс-стади, а также общенаучные методы анализ и синтез. Результаты: в связи с эволюцией критериев акторности в международных отношениях искусственный интеллект приобретает признаки актора по мере своего совершенствования и способности выполнять различные задачи, взаимодействовать с человеком и самостоятельно адаптироваться к изменяющимся условиям. Теории международных отношений подвержены влиянию ИИ и должны будут осмыслить его последствия для своих теоретических представлений. Наиболее значимые вызовы связаны с внедрением технологий ИИ в военное дело, в частности для создания смертоносных автономных систем, а также с использованием ИИ для генерирова-

Abstract

The purpose of the article is to identify the prospects for the development of artificial intelligence (AI) in the context of its international leadership and cooperation of international institutions to counter the challenges associated with the uncontrolled growth of AI influence. The tasks include consideration of modern criteria of acting in international relations, the influence of AI on the theory of international relations, problems related to security in the implementation of artificial intelligence for military purposes, diplomatic activities, as well as cooperation of the international community in order to constructively influence AI in various spheres of life, well-being and human rights. The methods used in the work are content analysis, formal logical analysis, discourse analysis, case study, as well as general scientific methods of analysis and synthesis. Results: due to the evolution of actor criteria in international relations, artificial intelligence acquires the characteristics of an actor as it improves and is able to perform various tasks, interact with humans, and adapt independently to changing conditions. International relations theories are influenced by AI and will have to reflect on its implications for their theoretical concepts. The most significant challenges are related to the introduction of AI technologies into the military, in particular to create deadly autonomous systems, as well as using AI to generate misleading or false information about countries and various events, deep-fakes with negative images of politicians, and the creation of fake historical documents. AI regulation issues are the sub-

ния вводящей в заблуждение или ложной информации о странах и различных событиях, дипфейков с негативным образом политиков, создание фальшивых исторических документов. Вопросы регулирования ИИ являются предметом обсуждения международного сообщества. Особенно актуальной является этическая сторона в деятельности ИИ. Выводы: становление ИИ как нового актора может амбивалентно повлиять на сферу международных отношений, с одной стороны, помочь в решении глобальных проблем, реализации Целей устойчивого развития, с другой стороны, привести новые проблемы в международную повестку. Для эффективного контроля за ИИ, выработки общей позиции и этических принципов предпочтительно использовать инициативы ООН, которая служит международной платформой для координации и конструктивного регулирования деятельности в области искусственного интеллекта.

Ключевые слова:

актор в международных отношениях, генеративный искусственный интеллект, когнитивное оружие, саммиты по искусственному интеллекту, смертоносные автономные системы, цифровая дипломатия.

ject of discussion by the international community. The ethical aspect of AI activities is particularly relevant. Conclusions: the emergence of AI as a new actor can ambiguously influence the sphere of international relations, on the one hand, help solve global problems and achieve Sustainable Development Goals, on the other hand, introduce new problems to the international agenda. To effectively monitor AI, develop a common position and ethical principles, it is preferable to use the initiatives of the United Nations, which serves as an international platform for the coordination and constructive regulation of activities in the field of artificial intelligence.

Key words:

actor in international relations, generative artificial intelligence, cognitive weapons, artificial intelligence summits, deadly autonomous systems, digital diplomacy.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2025-3-159-179>

Технологии искусственного интеллекта (ИИ) прочно вошли в нашу жизнь, оказывая существенное влияние как на развитие самого человека, так и на все сферы жизнедеятельности общества, включая международные отношения. С ИИ связываются как возрастание возможностей тех, кто его применяет, так и появление опасностей, когда данная технология используется не во благо, а во вред. С одной стороны, ИИ может персонализировать деятельность обслуживающих человека структур, предотвращать аварии и обеспечивать безопасность на производстве, транспорте и т.д., оптимизировать работу сложных производств и решать рутинные задачи. С другой стороны, ИИ зачастую применяется для манипуляции общественным сознанием, киберпреступлений, создания оружия и ведения боевых действий, что несет угрозу человечеству, а также ведет к сокращению рабочих мест и к отказу от эмоционального общения.

Существуют также проблемы с принятием ИИ как неотъемлемой части нашей жизни. Так американский государственный деятель и эксперт в области международных отношений Г. Киссинджер еще в 2018 году отмечал угрозу, связанную с растущей сложностью и возможностями ИИ, основанного на данных и алгоритмах, не подчиняющихся этическим или философским нормам, задаваясь вопросом: «Что станет с человеческим сознанием, если его собственная объяснительная сила будет превзойдена искусственным интеллектом, и общества больше не смогут интерпретировать мир, в котором они живут, в терминах, которые имеют для них значение?»¹.

Г. Киссинджер полагал, что с философской, интеллектуальной точки зрения человеческое общество не готово к появлению искусственного интеллекта. Такой же точки зрения придерживается Генеральный секретарь ООН А. Гутерриш, который на Саммите по ИИ в Париже в феврале 2025 года заявил: «Мир не готов к будущему ИИ. Мы, может быть, даже не готовы к настоящему»². Поэтому исследование ИИ с акцентом на минимизацию негативного эффекта его применения является важной задачей как экспертного, так и академического сообщества.

Искусственный интеллект способствует развитию различных сфер жизнедеятельности общества – экономики, социальной сферы, науки, охраны правопорядка, управления и многих других. Одним из важнейших направлений применения новой технологии являются международные отношения и мировая политика, включающие в себя взаимоотношения между государствами, различающимися по своим возможностям и ресурсам, а также деятельность международных организаций для решения мировых проблем. Акторство в международных отношениях предполагает способность субъектов воздействовать на внешнеполитические процессы, влиять на принятие решений в международной системе, а также отстаивать свои интересы. В связи с изменениями в системе международного взаимодействия, появлением новых субъектов, не традиционных по природе воздействия, и возникновением новых форм власти и влияния акторство, как и субъектность приобретают новый смысл. Искусственный интеллект, не обладая пока самостоятельными возможностями для акторских функций, в частности, для реализации собственных интересов на международной арене, тем не менее потенциально может такие возможности приобрести. Недаром авторы книги «Искусственный разум и новая эра человечества» отмечают, что воздей-

¹ Kissinger, H. (June 2018) How the Enlightenment Ends. The Atlantic. <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2018/06/henry-kissinger-ai-could-mean-the-end-of-human-history/559124/>.

² Генеральный секретарь ООН в Париже: «Мы не готовы к будущему ИИ». (2025) ООН. <https://news.un.org/ru/story/2025/02/1461211>.

ствие ИИ на все сферы жизни будет прорывным, полагая, что «нас ждут такие изменения человеческой идентичности и человеческого восприятия реальности, каких в современном мире еще не случалось» (Киссинджер, с. 10).

Поэтому целью статьи является выявление перспектив развития искусственного интеллекта в контексте его международного акторства и кооперации международных институтов для противодействия вызовам, связанным с неконтролируемым ростом влияния ИИ. В работе рассматриваются современные критерии акторства в международных отношениях, влияние ИИ на международную деятельность как в теоретическом плане, в частности, на теории международных отношений, так и в практическом, например, на проблемы, связанные с безопасностью при внедрении искусственного интеллекта в военных целях, дипломатическую деятельность, а также сотрудничество мирового сообщества в целях конструктивного влияния ИИ на различные сферы жизни, благополучие и права людей.

Для изучения ИИ в статье был применен метод контент-анализа официальных документов в целях выявления восприятия искусственного интеллекта в международной политике, формально-логический анализ для сопоставления правового статуса ИИ в различных юрисдикциях, а также разработки подходов к его международному регулированию, кейс-стади для изучения функционирования инструментов ИИ в дипломатической деятельности, дискурс-анализ для выявления влияния СМИ и официальных документов на конструирование образа ИИ.

Общенаучные методы анализ и синтез применены для выделения сущности явления акторства ИИ, определения его характеристик как субъекта/актора международных отношений и последующего объединения этих характеристик в целостную картину воздействия.

Акторство в международных отношениях

Классические теории международных отношений объясняют происхождение, природу и функции акторов на мировой арене. Так реализм исходит из приоритетности политических интересов национальных государств, как главных акторов на международной арене. Основой взаимодействия между государствами с точки зрения реалистов является баланс сил, причем сила играет конструктивную роль в международных отношениях (Carr, 1946). Либеральная теория включает в круг акторов международные организации, транснациональные корпорации и неправительственные организации, признает важность норм, институтов и экономических связей в международной практике (Keohane & Nye).

Постклассические теории смещают акцент в акторстве к нормам, идентичности, социальным практикам и дискурсам. Конструктивисты предполагают, что мир существует в сознании людей, а не является объективной реальностью. Они утверждают, что мир, в сущности, представляет собой набор социальных конструкций, в которых наибольшую значимость приобретают социальные нормы и идентичности в конструировании международной политики и формировании внешней политики (Wendt, 1992; Wendt, 1999). Согласно теории глобальных городов, мегаполисы и города-регионы концентрируют инновации и капитал, выступают центральным компонентом глобальных экономических процессов, создают транснациональные связи, являясь узлами глобальных сетей (Хомякова; Pain). А постмодернисты ставят под сомнение традиционные взгляды на политику и международные отношения, акцентируя внимание на анализе дискурсов, языковых практик и символов как ключевых элементов формирования мировой политики, отдавая приоритет роли субъективности и контекста в понимании международных процессов (Филиппов; Ashley; Walker). Акторами постмодернисты считают децентрализованные сети, которые могут выступать в виде цифровых сообществ или хакерских групп, и выступают за распад традиционных иерархий.

Происходит стирание границ между государственным и частным, поэтому появляются новые акторы международных отношений, такие как частные военные компании, террористические сети, экстремистские организации. Наблюдается также тенденция смещения акторности от государств к цифровым сущностям (Никипорец-Такигава). В контексте всеохватывающей цифровизации общества представители цифрового акторного подхода выделяют таких субъектов как искусственный интеллект, цифровые платформы, киберсистемы, полагая, что алгоритмы влияют на решения (Kremer & Müller). В качестве критериев акторности начинают выступать ресурсы, автономность или способность действовать независимо, а также легитимность со стороны внешних участников международных отношений.

Таким образом, с одной стороны, технологии ИИ становятся областью международной конкуренции. Технологическое лидерство в области искусственного интеллекта может позволить государствам достичь значимых результатов по основным направлениям социально-экономического развития. Как отмечают эксперты, «цифровые технологии постепенно заполняют ту нишу, которую традиционно в эпоху биполярности занимало ядерное оружие – как ключевой стратегический инструмент, одинаково важный для военного лидерства, экономического развития и глобального престижа». А «государства, сформировавшие свои суверенные технологические плат-

формы, становятся участниками престижного закрытого клуба, похожего на ядерный» (Безруков). В данном контексте становится объективной необходимостью самодостаточность и конкурентоспособность страны в создании цифровых платформ с алгоритмами искусственного интеллекта¹. С другой стороны, искусственный интеллект приобретает признаки акторности по мере своего совершенствования и способности выполнять различные задачи, взаимодействовать с человеком и самостоятельно адаптироваться к изменяющимся условиям.

Под искусственным интеллектом в работе понимается комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их².

Влияние искусственного интеллекта на теории международных отношений

Теории международных отношений играют ведущую роль в понимании и объяснении международно-политической реальности, выявлении приоритетных аспектов в выстраивании международных отношений, выработке рекомендаций по поиску оптимального пути мирового развития. В качестве ведущих теорий международных отношений выступают реализм и неореализм, либеральный идеализм, неомарксизм и критические теории, конструктивизм, постмодернизм и некоторые другие. Каждая из теорий выделяет основных акторов международных отношений, определяет цели и пути их достижения. Актуальность теории международных отношений зависит от способности теоретиков предсказывать или хотя бы понимать знаковые события любой эпохи (Hoffmann, p. 37), включающие в том числе кардинальные научно-технологические достижения, такие как интернет или искусственный интеллект, которые приводят к социальным изменениям.

В рамках реализма и неореализма технологические новации рассматриваются в контексте национальной безопасности государств и дополнительных ресурсов власти на международной арене. Поэтому с учетом широкого распространения технологий ИИ возникает вопрос: изменит ли фундаментально текущий баланс сил внедрение искусственного интеллекта как высокотехнологичного ресурса государства?

¹ Послание Президента Российской Федерации от 29.02.2024 г. Официальный сайт Президента России. <http://kremlin.ru/acts/bank/50431>.

² Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года (в редакции Указа Президента Российской Федерации от 15.02.2024 №124). <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731>.

Ведущие государства рассматривают ИИ как мощный инструмент для получения геостратегического преимущества. Так в 2020 году в США была создана Национальная комиссия по безопасности в области искусственного интеллекта для изучения его влияния на безопасность страны. В итоговом отчете комиссии отмечается, что США не готовы самостоятельно без союзников конкурировать в эпоху ИИ (Schmidt, p. 7), что подтверждает следование реалистической концепции баланса сил. Исследования в контексте влияния ИИ на реализацию национальных интересов и суверенитет государства показывают, что государства вынуждены тесно сотрудничать с высокотехнологичным бизнесом, академическим сообществом, гражданскими структурами для скоординированной деятельности и создания конкурентных преимуществ в данной сфере.

В контексте реалистической парадигмы исследователи отмечают также влияние ИИ на характер ведения войн, а также на осмысление своей деятельности в продвижении правил, касающихся ИИ, либо на условиях ведущих корпораций и неправительственных акторов, либо на условиях стран, устанавливающих универсальные нормы этики, направленные на разработку и управление ИИ в мировом масштабе (Ndzendze, p. 69-70).

Либеральная теория международных отношений основывается на достижении мира через экономическую взаимозависимость в условиях свободного рынка и следование либеральным ценностям и демократическим правилам в международных отношениях. Однако ИИ нарушает идею свободного рынка, который, по мнению современных исследователей, стал сегментированным и индивидуализированным (Marwala). Крупные IT-компании навязывают свои правила, а также наряду с государственными структурами вторгаются в частную жизнь человека и ограничивают его свободы в большей степени, чем когда-либо в мирное время. Следствием такой тенденции стал «технологический авторитаризм», характерный для большинства демократических государств. Исследователи отмечают такую тенденцию: чем шире распространяются технологии ИИ, тем меньше стран квалифицируются как свободные общества¹. Попытки стран либеральной демократии не допустить на свой рынок перспективные технологии из недемократических государств сделает эти демократии менее либеральными, а также менее демократичными, поскольку им придется препятствовать осуществлению прав своих граждан на потребление и приобретение технологий.

¹ Ndzendze B., Marwala T. (2021, January 28) Liberal thought has a place in the era of artificial intelligence, Thought Leader, <https://thoughtleader.co.za/liberal-thought-has-a-place-in-the-era-of-artificial-intelligence/>.

Теория гегемонистской стабильности утверждает, что возникновение единственной сверхдержавы сопровождается устойчивым миром и всеобщим экономическим развитием. Американский политолог Дж. Миршаймер отмечает, что власть является единственной «валютой» международной политики: «В системе, где нет высшего авторитета, который стоит над великими державами, и где нет гарантии, что кто-то не нападет на другого, имеет вполне разумный смысл, чтобы каждое государство было достаточно мощным, чтобы защитить себя в случае, если на него нападут» (Mearsheimer, p. 77-78). При такой логике конечной целью государства должна быть гегемония, потому что это единственный способ гарантировать свое выживание.

Гегемония основывается на двух основных детерминантах: военной и экономической силе. Обе составляющие в решающей степени зависят от развития технологий ИИ. Поэтому у ведущих стран возникает потребность стать ИИ-гегемоном в целях обеспечения собственной безопасности и навязывания своих правил другим международным акторам. В то же время технологическое развитие других государств, сопоставимое с гегемоном, приводит к снижению перспектив конфликта в соответствующих сферах влияния. Таким образом, стабильный международный порядок может быть достигнут через оптимальное распределение власти в сфере искусственного интеллекта.

Теории зависимости в международных отношениях исходят из экономического неравенства, основанного на функционировании международной системы как интегрированной капиталистической системы, состоящей из развитых и отсталых стран (центра и периферии). Экономическое развитие периферийных стран ограничено из-за неравных отношений с развитыми странами. Транснациональные корпорации усиливают зависимость развивающихся стран из-за ограничений в доступе к высоким технологиям, в том числе ИИ. Высокотехнологичные страны, в отличие от периферийных, имеют высокие показатели иностранных прямых инвестиций, поскольку у них высокий уровень инноваций. Теория зависимости объясняет характер разделения труда и модели зависимости на фоне повсеместного распространения ИИ в промышленности и производственных секторах. Так исследователи полагают, что в сложившихся условиях число стран, классифицируемых как периферийные, будет увеличиваться, а число развитых стран будет сокращаться.

Близкая к конструктивизму теория социального конструирования технологий, исходит из максимы - технологические объекты развиваются и воспринимаются в зависимости от социальной среды (Bijker), становясь все более интегрированными в общество. При этом социальный контроль над технологией ослабевает, и она начинает оказывать самостоятельное влияние на

различные сферы жизни. Роль ИИ в данной интерпретации определяется различными акторами, которые ставят перед собой определенные цели, например решение глобальных проблем или усиление контроля за контентом в интернете («Великий китайский файрвол»). Значение ИИ определяется социальными практиками, дискурсами и контекстом применения, а не исходными намерениями разработчиков. Таким образом, теория социального конструирования технологий «объясняет взаимосвязь между технологией и обществом, показывая, что технологии являются динамичными элементами, чье значение формируется через взаимодействие с пользователями, социальными группами и политическими структурами» (Новые, с. 29).

Критические теории формулируются исходя из сознательного критического анализа определенного социального устройств, его последствий и результатов. Они оспаривают господствующий мировой порядок, ставят под сомнение легитимность политических и социальных институтов и изменения, которые они претерпевают с течением времени. Их относят к марксистской школе в теории международных отношений, так как они основаны на идее технологического детерминизма, предполагающей, что технологический прогресс неизбежно ведет к социальным изменениям. Теоретики Франкфуртской школы М. Хоркхаймер и Т. Адорно ставят под сомнение данное положение, полагая, что технологии могут не преодолевать угнетение, а наоборот, усиливать его. С их точки зрения, технологии не только формируют современность, но и создают новые уровни рационализованного подчинения, проникая во все аспекты социальной и политической жизни (Adorno; Horkheimer).

Критическая теория технологий акцентирует внимание на том, как технологии встроены в структуры власти и возникающие неравенства, например, связанные с доступностью искусственного интеллекта. Как справедливо отмечают исследователи, технологический подъем часто служит интересам доминирующих групп, укрепляя существующие социальные порядки. В то же время теория также признает потенциал технологий для социальных преобразований, если направление их развития будет переосмыслено и изменено (Новые, с. 34).

Таким образом, практически все теории международных отношений подвержены влиянию ИИ и должны будут осмыслить его последствия для своих теоретических представлений. ИИ может быть полезен для моделирования, прогнозирования и воспроизводства событий, исходя из предпочтений тех или иных теорий. В результате сгенерированные искусственным интеллектом показатели с течением времени могут стать нормой в международных отношениях.

Проблемы безопасности при внедрении искусственного интеллекта в военных целях

Наряду с позитивным вкладом систем ИИ в социально-политическое развитие человечества, как и все прорывные технологии, ИИ несет в себе вызовы и угрозы для национальной и международной безопасности. Так, например, системы ИИ активно используются западными странами для сдерживания России, навязывания ей своих алгоритмов. В процессе тестирования моделей ИИ, созданного на Западе, оказалось, что они не являются политически нейтральными и воспроизводят политические взгляды своих создателей, чаще всего леволиберального толка¹. Как отмечает М. Джуркович, «западные системы ИИ встраивают в свои алгоритмы идеологические, политические и геополитические позиции и что каждое крупное государство, которое имеет для этого силы и возможности, создаёт свою собственную систему ИИ и стремится суверенно её контролировать, побуждая своих граждан использовать именно её»².

Учитывая, что западные страны активно вовлекают технологии ИИ в гибридную войну против России, внедряя его в политико-дипломатическую, экономическую, военную и информационную сферы, включая когнитивное (поражает сознание) и ментальное (разрушает устоявшееся мировоззрение) оружие. Поэтому одной из целей государственной политики обеспечения информационной безопасности заявлено применение передовых технологий, включая технологии искусственного интеллекта и квантовые вычисления.

Высокую опасность представляет внедрение систем ИИ в военную сферу, так как он выходит за рамки человеческого понимания. Способность ИИ к автономии и логике создает не только потенциальную пользу, но и колоссальную неопределенность. В том случае, когда искусственному интеллекту передают функции командования и управления, может произойти эскалация военного конфликта до экзистенциальных масштабов. У ИИ нет моральных и этических ограничений, для него существуют только предоставленные цели и задачи. Так смертоносные автономные системы, управляемые ИИ, способны идентифицировать цели и поражать их без участия человека, выявлять модели поведения противника и рекомендовать методы противодействия им, передавать критически важную информацию военнотру-

¹ Владимир Путин принял участие в XXI Ежегодном заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай». (2024) Стенограмма пленарной сессии. <https://ru.valdaiclub.com/events/posts/articles/vladimir-putin-prinyal-uchastie-v-xxi-zasedanii-kluba-valdai/>.

² Джуркович М. (2024) Проблемы регулирования искусственного интеллекта. Международный дискуссионный клуб «Валдай». <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/problems-regulirovaniya-iskusstvennogo-intellekta/>

жащим в кризисных зонах, обеспечивая таким образом успех операций. Для политиков, принимающих решения, возможность осуществления агрессии без риска для жизни военных является принципиально важной, так как снижает негативную политическую реакцию как внутри страны, так и на международной арене.

Исследователи полагают, что внедрение нечеловеческого мышления в военные системы и процессы изменит стратегию. Получив контроль над кибернетическими или физическими системами вооружений, ИИ сможет успешно выполнять функции, которые сложно реализовывать людям. Переход к системам вооружений с поддержкой ИИ означает зависимость от интеллекта с огромным аналитическим потенциалом и принципиально иным мышлением, основанным на его собственном опыте. Причем по мере включенности ИИ в выработку концептуальных и аналитических аспектов стратегии, недоступных человеческому разуму, менее понятными для человека будут его процессы, влияние и результаты деятельности (Киссинджер, с. 132-138).

Усугубляет ситуацию с непредсказуемостью использования ИИ в военных целях высокая заинтересованность в его возможностях агрессивных военных структур. Так, например, 21 октября 2021 года министры обороны стран НАТО согласовали первую в истории НАТО стратегию по искусственному интеллекту, в которой заявлено об интеграции ИИ в программу реализации трёх основных задач: коллективной обороны, урегулирования кризисов и обеспечения безопасности на основе сотрудничества. Использование ИИ предполагается осуществлять в соответствии с трансатлантическими ценностями, нормами и международным правом¹. 10 июля 2024 года стратегия была обновлена. В частности, в ней заявлен расширенный спектр вариантов использования искусственного интеллекта и актуализированы особые требования к развитию потенциала НАТО в соответствии с целями цифровой трансформации².

Наиболее активно технологии ИИ коллективный Запад использует в когнитивном оружии: «для изменения когнитивных процессов у противника, умственных предубеждений или рефлексивного мышления, а также для провоцирования искажений мышления, негативного влияния на принятие решений как на индивидуальном, так и на коллективном уровнях»³.

¹ Summary of the NATO Artificial Intelligence Strategy. (2021) NATO. https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_187617.htm.

² Summary of NATO's revised Artificial Intelligence (AI) strategy. (2024) https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_227237.htm.

³ Смирнов А.И., Исаева Т.В. (2023) Международная безопасность: вызовы и угрозы технологий искусственного интеллекта. Международная жизнь. <https://interaffairs.ru/news/show/40904>.

По мнению экспертов, мы можем оказаться перед выбором между получением выгоды от технологических инноваций и борьбой с угрозами систем ИИ (Международная, с. 130). Поэтому представляется критически важным объединить эти альтернативы в международно-правовом формате, причем это важно сделать до того, как ИИ окажется способным нарушить созданные человеком соглашения (Киссинджер, с. 147).

ИИ как инструмент дипломатии

Несмотря на специфичность дипломатической деятельности, технологии ИИ широко применяются в различных целях. Инструменты искусственного интеллекта могут анализировать огромные объемы текста для выявления международных тенденций, осуществлять юридический анализ документов, облегчать коммуникации, связанные с языковыми барьерами. Дипломат, использующий возможности ИИ, лучше информирован и более эффективен. ИИ не заменит человеческую дипломатию, но повысит ее значимость.

Отечественные ученые посвящают свои работы трансформации дипломатической практики под влиянием технологии ИИ, анализируют новые цифровые инструменты дипломатии, такие как дипломатия видеоигр и метавселенных. Авторы справедливо отмечают, что «цифровые технологии и развитие искусственного интеллекта рассматриваются в качестве ключевого фактора силы, престижа, экономического роста и безопасности государств», а «цифровая дипломатия великих держав, прежде всего, ориентирована на укрепление своего положения в международной системе, понимаемого в категориях киберсилы» («Цифра», с. 64).

Тем не менее, возникают сложности в применении ИИ из-за специфичности дипломатической деятельности. Так дипломатический язык отличается от обычного метафоричностью, символичностью, глубоким смыслом, заложенным, казалось бы, в обычные ритуальные фразы. Поэтому возникает вопрос: сможет ли ИИ расшифровать нюансы дипломатической речи? Швейцарско-мальтийский некоммерческий фонд цифровой внешней политики DiploFoundation, предпринимая попытку соединить дипломатию с технологиями, обеспечить обучение и инновационные решения для дипломатов и политиков¹, провел исследование о взаимодействии лингвистики, ИИ и дипломатии. Выяснилось, что сложность для ИИ представляет контекстуальность дипломатического языка; элемент «недосказанности», который способен нести важные сообщения; конструктивная двусмысленность, не воспринимаемая современным ИИ; скрытые различия в аналогиях; ключевые, но

¹ About us. (2025) Diplo. URL: <https://www.diplomacy.edu/about-us/>.

скрытые фразы, содержащие ключ к пониманию соглашения; тонкий баланс между уступками и выгодами. По мере развития технологий становится очевидным прогресс для ИИ в понимании языка и мира дипломатии¹.

Генеративный ИИ способен автоматизировать творчество и генерировать идеи на основе больших данных². ИИ активно используется для информационной поддержки принятых решений, составления проектов дипломатических документов, подготовки текста выступлений, перевода, переписки и переговоров, анализа событий, прогнозирования. ИИ позволяет автоматизировать повседневную дипломатическую работу по переговорам между странами, оперативно анализировать информацию, например, о том, как та или иная страна представляется в зарубежных официальных и оппозиционных средствах массовой информации, проследить изменения в приоритетах политики других стран, а также международных организаций, выявлять на начальном этапе трансформацию общественного мнения за рубежом, анализировать огромное количество данных перед проведением переговоров. Появились также инструменты по автоматизации предоставления консульской помощи.

Возможности генеративного ИИ позволяют изучать дипломатические уроки прошлого для применения их к текущим событиям для поиска эффективных стратегий в достижении намеченных целей. ИИ используется для моделирования сценариев на основе различных стратегий ведения переговоров. Например, ИИ активно используются в Китае для проработки дипломатами сценариев развития событий на международной арене, а также в рамках экономической дипломатии применительно к торговым переговорам³.

Арсенал применения ИИ в дипломатической практике постоянно расширяется, что свидетельствует о необходимости внедрять данную технологию в дипломатическую жизнь.

В то же время необходимо обратить внимание на использование ИИ в неконструктивных целях: генерирование вводящей в заблуждение или ложной информации о странах, событиях или политиках; создание фальшивых

¹ AI Diplomacy. (2025) HumAIinism. <https://humainism.ai/ai-diplomacy/>.

² Генеративный искусственный интеллект – это технология ИИ, создающая новый контент (текст, изображения, музыку и т.д.) через алгоритмы, обученные на существующих данных. В отличие от традиционного ИИ, анализирующего информацию, он генерирует оригинальные выходные данные, имитируя человеческое творчество и позволяя создавать новые, уникальные и реалистичные данные в различных сферах.

³ Лисоволик, Я. (2020) Искусственный интеллект в международных отношениях: эпоха «цифровой дипломатии». Международный дискуссионный клуб «Валдай». https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/iskusstvennyy-intellekt-v-mezhdunarodnykh-otnosheniyah/?sphrase_id=772088.

исторических документов, дипфейков с негативным образом политиков; предоставление негативной информации о стране путем наводящих вопросов. При сравнении ответов на одинаковые вопросы, заданные чат-боту и дипломату, не исключено, что общественность больше будет доверять ИИ, а не реальному человеку. Не случайно исследователи полагают, что «легитимность ИИ со временем возрастает» (Korneeva). Возникающая альтернативная реальность налагает на дипломатических работников дополнительную ответственность за качество своей работы и убедительность доводов, подтверждающих высокий профессионализм дипломатов.

В условиях, когда научно-технический потенциал превращается в ключевое конкурентное преимущество в борьбе за лидерство на международной арене, значимость ИИ в сфере международных отношений и дипломатии будет только возрастать. В то же время несмотря на конкуренцию, перед дипломатами стоит не менее важная задача - выработать глобальный консенсус по вопросам управления искусственным интеллектом.

Искусственный интеллект как тема международного сотрудничества

Вопрос регулирования ИИ уже находится в повестке дня международного сообщества. Так, начиная с 2023 года, проводятся саммиты по ИИ, которые стали ключевыми площадками для обсуждения глобального регулирования, этических норм и технологического развития, связанных с инновационными технологиями. На саммите в Париже 10-11 февраля 2025 года были предприняты усилия для создания научных основ, решений и стандартов для более устойчивого развития ИИ, работающего на благо коллективного прогресса и общественных интересов¹.

В рамках саммита была принята декларация «Об инклюзивном и устойчивом искусственном интеллекте», основные положения которой включают преодоление цифрового разрыва через доступность ИИ, обеспечение открытого, инклюзивного, прозрачного, этичного и безопасного ИИ, соответствующего международным нормам, поддержку инноваций и предотвращение монополизации рынка для стимулирования промышленного роста, создание устойчивого ИИ, который способствует развитию труда и рынков, обеспечение устойчивости ИИ для людей и планеты, включая экологические

¹ AI Action Summit (10 & 11 February 2025). Ministry for Europe and Foreign Affairs. <https://www.diplomatie.gouv.fr/en/french-foreign-policy/digital-diplomacy/news/article/ai-action-summit-10-11-feb-2025>.

аспекты, международное сотрудничество в вопросах управления ИИ¹. Конкретные инициативы, направленные на реализацию поставленных задач, включают запуск крупных платформ и инкубатора ИИ в интересах общества, создание доверительной экосистемы ИИ, обмен знаниями для стимулирования инвестиций в устойчивые системы ИИ, создание сети обсерваторий для прогнозирования влияния ИИ на рабочие места, обучение и образование, признание важности инклюзивного многостороннего диалога и сотрудничества по вопросам управления ИИ, предложение начать глобальный диалог по вопросам управления ИИ.

26 октября 2023 года Генеральный секретарь ООН А. Гутерриш объявил об учреждении Консультативного органа высокого уровня по ИИ, занимающегося вопросами рисков, возможностей и международного управления в сфере ИИ². Учитывая стремительное развитие технологий, кардинально изменяющих нашу жизнь, Организация Объединенных Наций стала принимать решения, направленные на конструктивное влияние ИИ в различных сферах жизни. Так в марте 2024 года Генеральной Ассамблеей ООН была принята первая резолюция об ИИ «Использование возможностей безопасных, защищенных и надежных систем искусственного интеллекта для устойчивого развития», предложенная США. Согласно резолюции, системы ИИ в невоенной сфере должны быть безопасными, защищенными и надежными и способствовать достижению Целей устойчивого развития³.

22 сентября 2024 года Генеральная ассамблея ООН приняла резолюцию «Пакт во имя будущего», включающую в себя Глобальный цифровой договор, в котором признается «необходимость сбалансированного, инклюзивного и основанного на оценке рисков подхода к управлению искусственным интеллектом при полном и равном представительстве всех стран, особенно развивающихся, и полноценном участии всех заинтересованных сторон»⁴. В договоре поставлена задача дать оценку «связанных с системами искусственного интеллекта потенциальных последствий, возможностей и рисков для устойчивого развития, благополучия и прав людей». При этом акцентируется внимание на необходимости международного сотрудничества как для координации действий по обеспечению совместимости систем

¹ Statement on Inclusive and Sustainable Artificial Intelligence for People and the Planet. (2025) Elysee. <https://www.elysee.fr/en/emmanuel-macron/2025/02/11/statement-on-inclusive-and-sustainable-artificial-intelligence-for-people-and-the-planet>.

² Press release. (2025) Консультативный орган по искусственному интеллекту ООН. https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/231025_press-release-aiab.pdf.

³ Governing AI for Humanity. (September 2024). https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/governing_ai_for_humanity_final_report_en.pdf

⁴ Пакт во имя будущего. (2024) Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 22 сентября 2024 года. <https://docs.un.org/ru/A/RES/79/1>.

управления ИИ, так и для предоставления передовых технологий развивающимся государствам.

В августе 2024 года в ЕС вступил в действие первый в мире всеобъемлющий закон об ИИ, целью которого является «улучшение функционирования внутреннего рынка и содействие внедрению ориентированного на человека и заслуживающего доверия искусственного интеллекта»¹. Закон выделяет четыре категории систем ИИ: с ограниченным, неприемлемым и высоким рисками, а также генерирующие системы (нейросети). Для каждой из категорий предусмотрены ограничения и условия их применения. Так, например, контент, созданный или измененный с помощью искусственного интеллекта, должен быть четко обозначен как созданный искусственным интеллектом, что является обязательным условием его размещения в публичном доступе. Регламент определяет участников процесса создания, внедрения, эксплуатации и контроля за использованием систем и моделей искусственного интеллекта, а также устанавливает их обязанности и полномочия, в том числе права и обязанности национальных и наднациональных органов власти².

Этическая сторона в деятельности ИИ становится приоритетной и на национальном уровне. Многие страны разработали национальные стратегии по развитию ИИ, в большинстве из которых имеются разделы по этическим принципам его разработки и использования³. Например, в 2021 году в Китае разработан «Этический кодекс ИИ нового поколения», формулирующий шесть принципов: повышение благосостояния человека, содействие справедливости, обеспечение безопасности, обеспечение управляемости и достоверности данных, обеспечение ответственности и повышение этической грамотности⁴.

О сложных и неоднозначных этических аспектах взаимодействия человека и искусственного интеллекта, о том, как сочетаются друг с другом традиции и прогресс говорил на пленарной сессии XXI Ежегодного заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» В.В. Путин. В частно-

¹ Regulation (EU) 2024/1689 of the European parliament and of the council of 13 June 2024. (2024) Official Journal of the European Union. <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj/eng>.

² Регламент Европейского союза об искусственном интеллекте. (2024) Анализ основных положений и принципов регулирования. Москва: АНО «Цифровая экономика», С. 5.

³ Помозова, Н., Литвак Н. (2025) Этика искусственного интеллекта как область международной конкуренции культур. Международный дискуссионный клуб «Валдай». https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/etika-iskusstvennogo-intellekta/?sphrase_id=772088.

⁴ Этический кодекс искусственного интеллекта нового поколения. (2021) Министерство науки и технологий КНР. https://www.most.gov.cn/kjbgz/202109/t20210926_177063.html.

сти, речь шла о платформах, создаваемых за рубежом и формирующих мировоззрение¹.

Проблемы искусственного интеллекта рассматриваются в рамках таких международных объединений, как «Большая двадцатка», БРИКС, ШОС, СНГ, ЕАЭС (Выходец). Исследователи выделяют важные черты технологий искусственного интеллекта на международном уровне: «транспарентность, доверие, безопасность, надежность, подотчетность, человекоориентированность», при этом перечисленные характеристики, кроме Евросоюза, не стандартизированы, отсутствуют их четкие определения (Новые, с. 242).

Таким образом, тема ИИ является востребованной как на широком международном, так и на национальном уровне в связи с вызовами и угрозами, которые возникают вследствие его повсеместного использования.

Технологии искусственного интеллекта кардинально меняют нашу жизнь. Недаром ИИ по своей значимости сопоставляют с развитием книгопечатания в XV веке. Несмотря на то, что искусственный интеллект создан человеком, у него появляется своя логика, отличная от человеческой. С помощью ИИ человечество уже решает важнейшие задачи в различных сферах жизни – медицине, науке, образовании, однако постоянно расширяется перечень негативного воздействия технологий ИИ, приносящего вред людям.

Перспективы развития ИИ связаны с возможностью расширения нашего понимания объективной реальности, выходящего за пределы традиционных алгоритмов. Сфера международных отношений является очень чувствительной для человечества, так как связана с войной и миром, конфликтами между странами и народами, налаживанием конструктивных контактов между государствами, решением мировых проблем, таких как экологическая, продовольственная, обеспечение безопасности. Появление нового актора может кардинально поменять ситуацию, помочь в решении глобальных проблем, реализации Целей устойчивого развития, а также привнести новые проблемы в международную повестку.

В связи с эволюцией критериев акторства все чаще исследователи полагают, что искусственный интеллект либо уже стал таковым, либо это произойдет в ближайшее время. Технологии ИИ влияют на формирование международных отношений явным образом через принятие государственных решений, имеющих транснациональный характер, и неявным образом, через прогнозирование рисков государственными и негосударственными акторами,

¹ Владимир Путин принял участие в XXI Ежегодном заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай». (2024) Стенограмма пленарной сессии. <https://ru.valdaiclub.com/events/posts/articles/vladimir-putin-prinyal-uchastie-v-xxi-zasedanii-kluba-valdai/>.

а также через установление определенных правил ИТ-компаниями в коммуникационных ресурсах.

В целях минимизации негативного влияния ИИ на различные сферы деятельности международное сообщество предпринимает меры для формирования общих правил, в частности этических, способных поставить под контроль человека наиболее уязвимые сферы взаимодействия. Однако различия в подходах к регулированию ИИ, существующие между ведущими странами, не позволяют прийти к согласованным результатам, что свидетельствует о необходимости более тесного международного взаимодействия. Наиболее предпочтительными является инициативы в рамках ООН, которая уже предпринимает важные шаги для скоординированной деятельности международного сообщества.

Искусственный интеллект является частью нашей жизни, поэтому в интересах человечества направить его деятельность в конструктивное русло. Людям необходимо понять и принять искусственный интеллект, в то же время, не передоверяя ему важнейшие направления деятельности, а используя его возможности для эффективного и согласованного решения возникающих проблем.

Литература

- Adorno, T. W., & Horkheimer, M. (1997). *Dialectic of enlightenment*. Verso.
- Ashley, R. (1989). Living on border lines: Man, poststructuralism, and war. In J. Der Derian & M. J. Shapiro (Eds.), *International/intertextual relations: The boundaries of knowledge and practice in world politics* (pp. 259–321). Lexington Books.
- Bijker, W. E., & Pinch, T. J. (1984). The social construction of facts and artifacts: Or how the sociology of science and the sociology of technology might benefit each other. *Social Studies of Science*, 14(3), 399–441.
- Carr, E. H. (1946). *The twenty years' crisis 1919–1939: An introduction to the study of international relations*. Macmillan.
- Hoffmann, M. J. (2003). Constructing a complex world: The frontiers of international relations theory and foreign policymaking. *Asian Journal of Political Science*, 11(2), 37–57. <https://doi.org/10.1080/02185370308434229>.
- Horkheimer, M. (1975). *Critical theory: Selected essays*. The Seabury Press.
- Keohane, R. O., & Nye, J. S. (Eds.). (1972). *Transnational relations and world politics*. Harvard University Press.
- Korneeva, E., Salge, T. O., Teubner, T., & Antons, D. (2023). Tracing the legitimacy of artificial intelligence: A longitudinal analysis of media discourse. *Technological Forecasting and Social Change*, 192, 122567. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2023.122567>.

Kremer, J.-F., & Müller, B. (Eds.). (2016). *Cyberspace and international relations*. Springer.

Marwala, T., & Hurwitz, E. (2017). *Artificial intelligence and economic theories: Skynet in the market*. Springer.

Mearsheimer, J. (2013). Structural realism. In T. Dunne, M. Kurki, & S. Smith (Eds.), *International relations theories: Discipline and diversity* (3rd ed., pp. 77–93). Oxford University Press.

Ndzendze, B., & Marwala, T. (2023). *Artificial intelligence and international relations theories*. Palgrave Macmillan.

Pain, K. (2017). World cities. In D. Richardson, N. Castree, M. F. Goodchild, A. Kobayashi, W. Liu, & R. A. Marston (Eds.), *The international encyclopedia of geography: People, the earth, environment, and technology*. Wiley Blackwell.

Schmidt, E., Work, R., Catz, S., Collins, K., Darby, J., Ford, K., Joshi, A., Liddell, M., Lynn, M., McKeon, B., Moore, M., Murray, R., Neuhauser, A., Ramos, G., Roper, A., Safavian, M., Sito, P., Traficante, D., Allen, J. (2020). *Final report: National security commission on artificial intelligence*. National Security Commission on Artificial Intelligence. <https://www.nscai.gov/wp-content/uploads/2021/03/Full-Report-Digital-1.pdf>.

Shneiderman, B. (2022). *Human-centered AI*. Oxford University Press.

Walker, R. B. J. (1992). *Inside/outside: International relations as political theory*. Cambridge University Press.

Wendt, A. (1992). Anarchy is what states make of it: The social construction of power politics. *International Organization*, 46(2), 391–425.

Wendt, A. (1999). *Social theory of international politics*. Cambridge University Press.

Выходец, Р. С. (2022). Политика стран ЕАЭС в области искусственного интеллекта. *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*, 16(3), 106–117.

Киссинджер, Г. А. (2022). *Искусственный разум и новая эра человечества* (К. Ахметов, Пер.). Альпина ПРО.

Лебедева, М. М., & Зиновьева, Е. С. (Ред.). (2025). *Новые технологии в мировой политике*. Аспект Пресс.

Международная безопасность в эпоху искусственного интеллекта. (2024). В двух томах. Том 1. В М. В. Захаровой & А. И. Смирнова (Ред.). Аспект Пресс.

Никипорец-Такигава, Г. Ю. (2023). Интернет как политический институт. В Г. П. Отюцкий (Ред.), *Категории социально-гуманитарных наук: методологические проблемы* (с. 37–59). РГСУ.

Филиппов, В. Р. (2016). Международные отношения эпохи постмодерна. *Геополитический журнал*, 2(14), 15–22.

Хомякова, К. Л. (2020). Концепция глобального города в современной социологии. *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*, 26(2), 94–110.

«Цифра» и искусственный интеллект на службе дипломатии: аналитический доклад. (2024). Зиновьева Е. С., Цветкова Н. А. & Сидоренко Э. Л. МГИМО-Университет.

Цифровой поворот в международных отношениях: как новые технологии меняют мировую политику и науку о ней. (2023). Сучков, М. А., Воронцов, К. В., & Силаев, Н. Ю. МГИМО-Университет.

References

- Adorno, T. W., & Horkheimer, M. (1997). *Dialectic of enlightenment*. Verso.
- Ashley, R. (1989). Living on border lines: Man, poststructuralism, and war. In J. Der Derian & M. J. Shapiro (Eds.), *International/intertextual relations: The boundaries of knowledge and practice in world politics* (pp. 259–321). Lexington Books.
- Bijker, W. E., & Pinch, T. J. (1984). The social construction of facts and artifacts: Or how the sociology of science and the sociology of technology might benefit each other. *Social Studies of Science*, 14(3), 399–441.
- Carr, E. H. (1946). *The twenty years' crisis 1919–1939: An introduction to the study of international relations*. Macmillan.
- Digital Turn in International Relations: How New Technologies are Changing World Politics and its Science. (2023). Sychkov, M. A., Vorontsov, K. V., & Silaev, N. Yu. MGIMO-University. (In Russ).
- Filippov, V. R. (2016). International relations of the postmodern era. *Geopolitical Journal*, 2(14), 15–22. (In Russ).
- Hoffmann, M. J. (2003). Constructing a complex world: The frontiers of international relations theory and foreign policymaking. *Asian Journal of Political Science*, 11(2), 37–57. <https://doi.org/10.1080/02185370308434229>.
- Horkheimer, M. (1975). *Critical theory: Selected essays*. The Seabury Press.
- International Security in the Age of Artificial Intelligence. In Two Volumes. Volume 1. (2024). In M. V. Zakharova & A. I. Smirnova (Eds.). Aspekt Press. (In Russ).
- Keohane, R. O., & Nye, J. S. (Eds.). (1972). *Transnational relations and world politics*. Harvard University Press.
- Khomjakova, K. L. (2020). The concept of the global city in modern sociology. *Moscow University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, 26(2), 94–110.
- Kissinger, H. A. (2022). *The age of AI and our human future* (K. Akhmetov, Trans.). Alpina PRO. (Original work published 2021) (In Russ).
- Korneeva, E., Salge, T. O., Teubner, T., & Antons, D. (2023). Tracing the legitimacy of artificial intelligence: A longitudinal analysis of media discourse. *Technological Forecasting and Social Change*, 192, 122567. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2023.122567>.
- Kremer, J.-F., & Müller, B. (Eds.). (2016). *Cyberspace and international relations*. Springer.
- Lebedeva, M. M., & Zinovieva, E. S. (Eds.). (2025). *New technologies in world politics*. Aspekt Press. (In Russ).
- Marwala, T., & Hurwitz, E. (2017). *Artificial intelligence and economic theories: Skynet in the market*. Springer.

Mearsheimer, J. (2013). Structural realism. In T. Dunne, M. Kurki, & S. Smith (Eds.), *International relations theories: Discipline and diversity* (3rd ed., pp. 77–93). Oxford University Press.

Ndzendze, B., & Marwala, T. (2023). Artificial intelligence and international relations theories. Palgrave Macmillan.

Nikiporets-Takigawa, G. Yu. (2023). The Internet as a political institution. In G. P. Otyutsky (Ed.), *Categories of social sciences and humanities: Methodological problems* (pp. 37–59). RSSU. (In Russ).

Pain, K. (2017). World cities. In D. Richardson, N. Castree, M. F. Goodchild, A. Kobayashi, W. Liu, & R. A. Marston (Eds.), *The international encyclopedia of geography: People, the earth, environment, and technology*. Wiley Blackwell.

Schmidt, E., Work, R., Catz, S., Collins, K., Darby, J., Ford, K., Joshi, A., Liddell, M., Lynn, M., McKeon, B., Moore, M., Murray, R., Neuhauser, A., Ramos, G., Roper, A., Safavian, M., Sito, P., Traficonte, D., Allen, J. (2020). Final report: National security commission on artificial intelligence. National Security Commission on Artificial Intelligence. <https://www.nsc.gov/wp-content/uploads/2021/03/Full-Report-Digital-1.pdf>.

Shneiderman, B. (2022). Human-centered AI. Oxford University Press.

The "Digital Dimension" and Artificial Intelligence in the Service of Diplomacy: An Analytical Report. (2024). Zinovieva, E. S., Tsvetkova, N. A. & Sidorenko, E. L. MGIMO-University. (In Russ).

Vykhodets, R. S. (2022). Policies of the EAEU countries in the field of artificial intelligence. *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*, 16(3), 106–117.

Walker, R. B. J. (1992). Inside/outside: International relations as political theory. Cambridge University Press.

Wendt, A. (1992). Anarchy is what states make of it: The social construction of power politics. *International Organization*, 46(2), 391–425.

Wendt, A. (1999). Social theory of international politics. Cambridge University Press.

Для цитирования: Баранов, Н. А. Искусственный интеллект как новый актер системы международных отношений: вызовы и перспективы / Н. А. Баранов // PolitBook. – 2025. – № 3. – С. 159–179. – DOI 10.24412/2227-1538-2025-3-159-179.

**Т.Л. Барандова,
И.В. Мокин**

**T. Barandova,
I. Mokin**

**ГОСУДАРСТВЕННО-
ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО
КАК МЕХАНИЗМ
РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ
ИНФРАСТРУКТУРЫ
РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ:
КРОСС-РЕГИОНАЛЬНОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ**

**PUBLIC-PRIVATE
PARTNERSHIP AS
MECHANISM
OF RUSSIAN REGIONS'
DIGITAL
INFRASTRUCTURE
DEVELOPMENT: CROSS-
REGIONAL STUDY**

Аннотация

В статье представлены результаты кросс-регионального исследования актуального состояния использования механизма государственно-частного партнёрства (ГЧП) по направлению проектов, входящих в сектор «цифровая инфраструктура» в регионах Российской Федерации. Исследование основано на анализе эмпирических данных, охватывающих проекты государственно-частного партнёрства и другие формы сотрудничества государственных и коммерческих акторов, сгруппированных по административно-территориальному принципу – федеральным округам.

Целью настоящего исследования является рассмотрение управленческой деятельности по созданию условий для цифровой трансформации, нормативно закреплённой в формах и механизмах ГЧП, для оптимизации привлечения инвестиций в создание цифровой инфраструктуры регионов и муниципалитетов, а также эффектов для выравнивания условий дальнейшего развития территорий.

В исследовании использованы экспертные методы, основанные на анализе вторичных данных. В результате исследования выявлено, что каждый федеральный округ имеет нормативную базу и потенциалы для реализации проектов в области цифровой инфраструктуры с опорой на научные центры, благоприятный инвестиционный климат и опыт реализации нацпроектов, однако, «цифровых» проектов, реализуемых с помощью механизма ГЧП, незначительное число из общей выборки.

Abstract

The article presents the results of a cross-regional study of the current state of the use of the public-private partnership (PPP) mechanism for projects in the digital infrastructure sector in the regions of the Russian Federation. The study is based on an analysis of empirical data covering public-private partnership projects and other forms of cooperation between government and commercial actors, grouped according to the administrative-territorial principle – federal districts.

The purpose of this study is to consider management activities to create conditions for digital transformation, which are normatively fixed in the forms and mechanisms of PPP, to optimize investment in the creation of digital infrastructure in regions and municipalities, as well as the effect on leveling the conditions for further development of territories.

The study uses expert methods based on the analysis of secondary data. As a result of the study, it was revealed that each federal district has a regulatory framework and potentials for implementing projects in the field of digital infrastructure based on research centers, a favorable investment climate and experience in implementing national projects, however, a small number of "digital" projects implemented using the PPP mechanism from the general sample.

The findings can contribute to the development of the study of the state of PPP, the search for problem areas and a deeper understanding of the advantages of this man-

Полученные выводы могут способствовать развитию изучения состояния ГЧП, поиску проблемных зон и более глубокому пониманию преимуществ данного управленческого метода, выработке практических рекомендаций по развитию условий для партнёрств государственного и частного секторов в сфере цифровой инфраструктуры.

agement method in developing practical recommendations in the field of modern public policy to develop conditions for partnerships between the public and private sectors in the development of digital infrastructure.

Ключевые слова:

государственное управление, цифровая трансформация, государственно-частное партнерство, инфраструктура регионов России.

Key words:

public administration, digital transformations, public-private partnership, infrastructure of Russian regions.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2025-3-180-195>

В связи с процессом цифровой трансформации всех сфер жизнедеятельности, проходящим в регионах России, аналитический интерес представляет изучение состояния их цифровой инфраструктуры, фундаментально значимой для интеграции платформенных решений в государственное и муниципальное управление. Наиболее актуальными в осуществляемых управленческих инновациях в сферах, затрагивающих внедрение технических решений и использование нейросетевых технологий, представляются проекты на национальном и региональном уровнях, которые ориентированы на применение механизма ГЧП в тех направлениях социально-экономической политики, которые обозначены в качестве приоритетов в стратегических документах правительства (Национальных проектах РФ до 2030 года): инфраструктура для жизни, продолжительная и активная жизнь, эффективная и конкурентная экономика, экономика данных, средства производства и автоматизации и т.д.

При решении социальных проблем общества используются механизмы межсекторного социального партнерства (МСП), подразумевающего взаимодействие организаций двух или трех секторов для обеспечения синергетического эффекта от сложения их ресурсов (Якимец, 2015). Среди них государственно-частное партнерство, наравне с общественно-государственным и общественно-частным, является темой теоретического осмысления, нормативного регулирования и практического применения в рамках механизма реализации конкурсных проектов и партнерских программ (Якимец, 2015). Как отмечают исследователи, при его применении «в социальной сфере происходит «достраивание» государственного (муниципального) управления различными формами участия в нем получателей государственных услуг, референтных групп ведомств, новых, в том числе электронных форм, «об-

ратной связи», общественного контроля и различных консультационных механизмов» (Никовская, Якимец 2016, с. 38).

Концепт ГЧП, как ключевой механизм взаимодействия бизнеса и государства, применяемый для инновационного и инфраструктурного развития (Бедняков, 2022), имеет длительную историю теоретического становления и нормативного обеспечения в мировом масштабе, поскольку на принципах ГЧП были построены, например, Эйфелева башня, Панамский и Суэцкий каналы, а в России первые примеры относятся к строительству купцами Демидовыми их уральских военных заводов (Мерзлов, 2023, с. 26). Активная разработка современного законодательного каркаса для его реализации началась в России более двадцати лет назад с инициатив выстраивания сотрудничества государства и «групп интересов», крупных корпораций, преимущественно в сегментах транспортной и жилищно-коммунальной инфраструктуры (Мерзлов, 2023; Левченко, 2015; Лещенко, 2013).

На федеральном уровне в РФ одним из первых институтов, поддерживающих становление ГЧП, стал «Инвестиционный фонд», затем на базе «Внешэкономбанка» в 2007 году был создан «Банк развития», и впоследствии появились «Российская венчурная компания», ГК «Ростехнология», Фонд реформирования ЖКХ и другие, обеспечившие организационно-финансовые основания для дальнейшего внедрения механизмов ГЧП (Лещенко, 2013). Наблюдались, однако, проблемы и препятствия в практическом применении ГЧП в России, которые неоднократно акцентированы исследователями, отмечавшими, что тормозят процесс его распространения и неэффективная работа существующих институтов, и коррупциогенные факторы (в отраслях, представляющих интерес для реализации ГЧП, велик риск присвоения «ренты», что связано с самой их природой), и недостаточное количество квалифицированных консультантов и специалистов в государственных органах (Варнавский, 2004; Лещенко, 2013).

Целью настоящего исследования является анализ результатов деятельности по созданию условий для цифровой трансформации, осуществляемой в нормативно закреплённых формах через механизм ГЧП, способствующей оптимизации привлечения инвестиций в создание цифровой инфраструктуры регионов и муниципалитетов. Статья отвечает на исследовательский вопрос: как на региональном уровне в России осуществляется внедрение механизмов ГЧП для развития цифровой инфраструктуры и связи в условиях процессов цифровизации?

Проанализированы теоретические работы отечественных и зарубежных авторов, рассмотрены формы реализации проектов ГЧП на региональ-

ном уровне, изучено состояние институционально-организационной и нормативно-правовой базы ГЧП в регионах России.

Работа исследовательского коллектива была ориентирована на изучение актуального состояния и выявление проблем в использовании механизмов ГЧП в сфере создания, развития и оптимизации цифровой инфраструктуры и связи на региональном уровне в РФ. В ходе кросс-регионального анализа были рассмотрены нормативные акты, региональные программы по цифровизации, объёмы бюджетного финансирования проектов в данной сфере, деятельность технопарков и научно-технических институтов, инвестиционный климат регионов, интеграция региональных проектов в национальные инициативы, а также (потенциальные) частные акторы - партнёры для реализации проектов ГЧП в регионах.

Эмпирический материал собирался из базы данных проекта «Росинфра» скрининговым методом (сплошным обзором данных), с использованием фильтров «цифровая инфраструктура»/«эксплуатируются», структурировался на «кустовом» основании - распределением по федеральным округам, картировался и сопровождался дальнейшим изучением имеющихся кейсов (всех регионов). В качестве источниковой базы для проведения количественного анализа данных ресурс был выбран на основании того, что платформа «Росинфра» является официальным акселератором проектных решений для ГЧП, созданным Государственной корпорацией развития России, специализирующейся на предоставлении информации для роста экспертных компетенций и финансовых инструментов содействия в подготовке и реализации инфраструктурных проектов¹.

Платформа «Росинфра» – это цифровое управленческое решение для подготовки и реализации инфраструктурных проектов ГЧП по всей России. На начало исследования (март 2025) в её базе данных содержалась информация более чем о 7400 проектах и инвестиционных предложениях (объектах, в отношении которых планировалось применять механизмы ГЧП), из которых 2 330 уже были завершены и находились в стадии «эксплуатируются» (они и составили общий объем выборки).

Выборка верифицировалась дополнительным изучением материалов кейсов, размещенных на официальных сайтах региональных правительств и, при наличии, документации с сайтов самих партнеров в проектах, исходя из

¹ Платформа «Росинфра»: <https://rosinfra.ru/>; база данных по иницируемым и реализованным при поддержке Центра ГЧП проектам: https://dpo.rosinfra.ru/user/login?return_url=https%3A%2F%2Fdpo.rosinfra.ru%2Fbase-projects.

принципа триангуляции, что обеспечило как географический охват, так и полноту, достоверность и валидность данных. Каждый федеральный округ был распределён и закреплён за участником исследовательского коллектива (9 человек), которые осуществляли сбор и обработку данных в соответствии с набором критериев для анализа: проекты сегмента «цифровая инфраструктура и связь» - на стадии эксплуатации или завершены; даты реализации (динамика); сумма инвестиций и доли партнеров; юридическая форма ГЧП; регион и федеральный округ; базовые характеристики модели ГЧП; уровень – федерации, региона, муниципалитета или совместные; при наличии – конкретные партнеры и их сети. Собранные данные картировались, на основании карт составлялось «контекстное» аналитическое описание по каждому ФО, дополнительно проверялись полученные количественные результаты, все рассматриваемые кейсы интерпретировались коллективно.

В теоретической дискуссии и рассмотрении вопроса, можно отметить, что исходя из широкого понимания, ГЧП рассматривается «как совокупности разнообразных форм экономических отношений (бизнес-процессы объединения, разделения полномочий, ответственности и рисков), возникающих в процессе взаимодействия органов власти, науки и частного бизнеса на федеральном, региональном и местном уровнях для достижения целей государственного управления и стратегических целей хозяйствующих субъектов и институтов высшей школы» (Харченко и др., 2015, с. 8). Предлагается и определение термина, как относящееся к «государственному финансированию социальных услуг, предоставляемых не государственными, зачастую добровольными (некоммерческими) организациями, и государственному финансированию научно-исследовательских и конструкторских разработок, проводимых частными предприятиями», а в международном сотрудничестве, данный термин применяется «для обозначения проектов, в которых принимают участие правительства, гуманитарные организации и частные компании» (Йескомб, 2015, с. 23).

С позиции узкой, юридической и экономической, трактовки ГЧП подчеркивается, что к признакам партнерства добавляются «закрепление взаимодействия сторон на юридической основе; равноправный характер взаимодействия; четко выраженная публичная или общественная направленность реализации проекта; ресурсы и вклады участвующих сторон проходят процесс консолидации и объединения; полученные результаты распределяются между сторонами в пропорциях, которые заранее оговорены и указаны в юридическом соглашении» (Рисин, Шахов, 2018, с. 138).

В целом, в зарубежной и отечественной научно-исследовательской литературе сформирован большой корпус текстов по различным направлениям

анализа применения ГЧП, издано несколько русскоязычных монографий (Иванов, 2015; Мерзлов, 2023), в которых отражены нормативные, управленческие и финансовые основы выстраивания и имплементации форм межсекторных партнёрств в разных отраслях социально-экономической деятельности и управления с использованием цифровой инфраструктуры (Иванов, Коробова, 2012).

Обширный обзор рекомендаций и монографий по тематике развития ГЧП в России был представлен в 2016 году на русском языке в специализированном журнале (Завьялова, Шаманина, 2016). В 2022 году проведен обзор состояния сектора государственно-частного партнерства в России, где были описаны основные сферы их реализации, доля различных форм и уровней, изучены рейтинги регионов и описаны характеристики рассматриваемого явления, выявлены проблемы внедрения механизмов ГЧП в текущей ситуации, но без разработки рекомендаций (Ведерникова, 2023).

На современном этапе внимание зарубежных исследователей сконцентрировано на сетевых отношениях «компаний специального назначения», или «проектных компаний», созданных специально для реализации определённого проекта (Special Purpose Vehicles – SPVs), практикуемых в развитых Европейских странах. Отмечается, в частности, что их создание представляет собой сложную задачу, особенно в многоотраслевом и многоюрисдикционном контексте. Рассматриваются факторы, влияющие на эти партнерства в проектах ГЧП, с упором на секторы дорожной и социальной инфраструктуры, подчеркивается, что прочное предыдущее сотрудничество и тесная связь партнеров по долевному участию в сети имеют решающее значение для формирования и эффективности партнерств (Guevara et al., 2025). Подчеркнем, что в нашем исследовании по актуальной российской ситуации, аналогичных сетевых образований не выявлено, возможно не по причине их полного отсутствия, а из-за структурной ограниченности используемой базы данных.

Основные принципы финансирования в странах со зрелым рынком инвестиций в инфраструктуру подробно изложены в работе Йескомб (Йескомб, 2008), где также раскрыты аспекты влияния структуры финансирования проекта на положения соглашений о ГЧП. Обозначены им и акторы: «со стороны частного сектора – инвесторы, кредиторы, компании, занимающиеся строительством и управлением объектами; со стороны государства — учреждения, непосредственно организующие и определяющие порядок государственно-частного партнерства, а также те, что конкретно занимаются госзакупками. При этом не стоит забывать и о широкой общественности, которая пользуется услугами ГЧП» (Йескомб, 2015, с. 28).

Краткий институционально-правовой анализ показал, что ГЧП в России в целом регулируется Гражданским кодексом РФ, а правовые особенности определяются текущими положениями Бюджетного кодекса РФ, Земельного Кодекса, Федерального закона «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» от 25.02.1999 №39-ФЗ и Федерального закона «О приватизации государственного и муниципального имущества» от 21.12.2001 №178-ФЗ.

Исследователями определены несколько этапов современного становления ГЧП на практике в российской действительности (Аверкиева, 2017), которое началось с поиска моделей правового регулирования в рамках разработки и принятия Федерального закона №115-ФЗ «О концессионных соглашениях» 2005 года, заложившего основу для передачи публичных объектов в управление частному сектору (Шор, 2023). Собственно, правовое регулирование ГЧП в тех формах, которые реализуются в настоящий период, происходит от него, а с 2016 года принятие Федерального закона №224-ФЗ «О ГЧП и МЧП» расширило правовую базу, введя гибкие формы партнёрства, включив законодательно оформленную возможность передачи права собственности частному партнёру с обременением.

В настоящий момент ГЧП позволяет передавать частному сектору строительные, коммерческие и финансовые риски, а также функции по предоставлению услуг, оптимизируя бюджетные расходы и привлекая передовые технологии (Юрош, 2017).

Оценка эффективности реализации проектов ГЧП проводится централизованно Минэкономразвития по Постановлению №1514, определяя сравнительное преимущество конкретного проекта. Выстроена структура управления на федеральном уровне, определена роль федеральных органов в институциональном оформлении деятельности по реализации, в т.ч. межуровневых, проектов ГЧП.

Законотворческий процесс по ГЧП в России ещё не завершён. По закону №39-ФЗ предоставляются государственные гарантии, на основании которых привлекаются инвестиции, выдаются кредиты. Механизм «особых обстоятельств» включен в законопроект от 2022 года, чтобы регулировать непредвиденные события, влияющие на исполнение обязательств. Он предлагается к закреплению в Законе №115-ФЗ для повышения правовой определённости партнерства. Изменения от 2025 года (ФЗ №22-ФЗ) усилили регулирование ГЧП в сегменте ЖКХ и запретили ГУП/МУП быть концессионерами, что, вероятно, связано с высокой степенью коррупциогенности в данном сегменте. По другим направлениям, где востребованы частные инвестиции, в новых управленческих документах акцент ставится на создание и

укрепление технологического суверенитета страны и регионов, а фокус смещается на приоритетность реализации ГЧП проектов в авиапроме, судостроении, машиностроении, инфраструктуре для производства товаров на экспорт и развития НИОКР в технопарках.

Цифровизация и процессы цифровой трансформации оказывают влияние на практические аспекты внедрения ГЧП, но региональное законодательство к ним быстро адаптируется, включая регулирование возникающей цифровой инфраструктуры на своих территориях¹. Пространственное развитие включено в основание инвестиционной активности регионов в процессе обновления Национальных проектов и региональных Стратегий в сфере «цифровой экономики» после 2024 года, что в перспективе должно усилить инфраструктурные ГЧП-проекты межрегионального и/ли межуровневого типа.

Отмеченные нормативно-организационные рамки ГЧП учитывались нами при поисковом исследовании, однако за скобками оставлен законодательный каркас, связанный непосредственно с цифровизацией государственного и муниципального управления и регулирование цифровых продуктов и услуг.

Согласно комплексному изучению актуального состояния проектов ГЧП на май 2025 года в сегменте «создание цифровой инфраструктуры и связи», результаты группированы по «кустовому» принципу на базе федеральных округов. Нами выявлено следующее:

1) в Центральном федеральном округе (ЦФО), лидирующем в РФ по количеству проектов, реализуемых на основании ГЧП в сфере цифровой инфраструктуры и связи, в стадии эксплуатации находится 11 проектов. Но если посмотреть на общее число реализуемых в округе ГЧП-проектов, то обнаруживается, что проекты в сфере цифровой инфраструктуры и связи составляют лишь незначительную долю (около 1,5% от общего числа). При этом лидирующее положение ЦФО связано с высокой обеспеченностью необходимой инфраструктурой и кадрами, а также благодаря повышенному вниманию региональных властей (Москва, МО, Нижегородская и Калужская области) к развитию цифровой сферы. Чаще к ГЧП-проектам в сфере цифровизации прибегает Московская область (7 проектов). Общий объем инвестиций в проекты составляет 8 624 399 000 рублей. Реализуются федеральные, региональные и муниципальные проекты. Ключевыми направлениями проектов выступают:

¹ О внесении изменений в Стратегию в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Ямало-Ненецкого автономного округа. (2025) Правительство ЯНАО. <https://yanao.ru/dokumenty/113024/>

- цифровизация в сфере транспорта (внедрение систем управления трафиком, мониторинга общественного транспорта, оплаты проезда);
- системы видеонаблюдения и общественной безопасности (установка камер видеонаблюдения в общественных местах, создание центров обработки данных, внедрение аналитических систем);
- цифровизация ЖКХ (внедрение интеллектуальных систем учёта ресурсов, управления жилищным фондом, онлайн-сервисов для жителей);
- цифровизация образования (создание электронных образовательных платформ);
- цифровизация государственного управления (создание единых баз данных).

Таким образом в округе реализуется достаточно много проектов из самых разных сфер, что выгодно отличает его от остальных округов России. Однако, незначительное количество проектов на фоне огромных инфраструктурных возможностей округа позволяет сделать вывод о недостаточном развитии механизма ГЧП в данной сфере.

2) в Уральском федеральном округе (УрФО) из 494 проектов ГЧП всего 5 посвящены цифровизации, что составляет приблизительно 1%. Их анализ показал, что уровень использования механизмов ГЧП в цифровой инфраструктуре УрФО варьируется в зависимости от региона, при этом большинство проектов финансируются из бюджетных средств.

Например, в Свердловской области реализуется ряд программ и проектов в сфере цифровизации, но в рассмотренных материалах отсутствуют прямые указания на использование ГЧП для реализации данных программ и проектов.

В Челябинской области утверждена Стратегия в области цифровой трансформации ключевых отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления. Реализация стратегии предполагает внедрение цифровых технологий для повышения эффективности деятельности органов власти и удовлетворённости граждан. Примечательно, что в контексте муниципального имущества, земельных отношений, аукционов и торгов упоминается «Муниципально-частное партнёрство (МЧП)», что свидетельствует о рассмотрении данного механизма на уровне муниципалитетов и о потенциальном распространении его на проекты в сфере цифровой инфраструктуры.

В Тюменской области реализуется региональная программа цифровой трансформации, однако на текущем этапе реализация данной программы не предусматривается использования механизмов ГЧП.

В Ханты-Мансийском автономном округе – Югре разработана Стратегия цифровой трансформации, которая направлена на внедрение квантовых

технологий, нейротехнологий, систем распределённого реестра, технологий беспроводной связи и других передовых решений. В качестве бенефициаров стратегии указаны коммерческие организации и инвесторы, что предполагает их участие в процессе цифровой трансформации. Одним из направлений является повышение инвестиционной привлекательности региона, что может включать привлечение частных инвестиций через механизмы ГЧП. Государственная программа «Цифровое развитие Ханты-Мансийского автономного округа – Югры» является основным инструментом реализации стратегии. Финансирование программы осуществляется преимущественно из бюджета автономного округа, однако стратегия допускает привлечение средств из внебюджетных источников, включая ГЧП.

В Ямало-Ненецком автономном округе реализуется государственная программа «Информационное общество», направленная на развитие информационных технологий и связи в регионе. Несмотря на отсутствие прямого упоминания ГЧП в паспорте программы, на инвестиционном портале региона в разделе «Проектная деятельность» выделены «Проекты ГЧП/концессии». Специалисты округа также проходили обучение по применению механизмов ГЧП в инфраструктурных проектах.

3) в Южном федеральном округе (ЮФО) из 56 всего 5 проектов ГЧП на стадии эксплуатации, из них 3 – реализуются на территории Крыма: 2 – в Севастополе, 1 – на уровне Автономной республики Крым. В ЮФО, как и в других регионах России, основное внимание в рамках ГЧП уделяется транспортной инфраструктуре, ЖКХ, социальным объектам и энергетике. Это отражает системную проблему: цифровая инфраструктура воспринимается как второстепенная задача, несмотря на федеральные инициативы национальной программы «Цифровая экономика».

Существует и проблема подмены проектов госзакупками, когда компания реализует продукт необходимый государству, а государственная сторона уже покупает сам продукт, распределяя риски реализации проекта. В регионах ЮФО, как и ряде других, бюджеты направлены на решение более насущных задач, таких как модернизация ЖКХ, реализация промышленных и логистических проектов, проектов в области культуры. А проекты в области цифровой инфраструктуры реализуются в рамках соглашений о сотрудничестве.

4) в Приволжском федеральном округе (ПФО) зафиксировано 10 проектов создания цифровой инфраструктуры в рамках ГЧП, в ряде регионов (Нижегородская область, Республика Татарстан, Республика Мордовия, Ульяновская область) имеются целевые программы цифровизации, включающие использование механизмов ГЧП. Все 10 проектов напрямую относятся к сфе-

ре «Цифровая инфраструктура и связь», что свидетельствует о признании цифровизации приоритетным направлением в рамках использования ГЧП-инструментов.

Республика Татарстан и Нижегородская область являются пилотными регионами в реализации национальных проектов «Цифровая экономика» и «Безопасные и качественные дороги», где цифровизация транспортной инфраструктуры имеет ключевое значение. Анализ акторов показал участие частных компаний, таких как местные операторы цифровой инфраструктуры и специализированные интеграторы. Финансирование проектов осуществляется через механизмы концессионных соглашений и соглашений о ГЧП/МЧП (224-ФЗ и 115-ФЗ), что предполагает наличие как бюджетного финансирования, так и частных инвестиций. Стоит отметить, что все проекты были полностью профинансированы частными компаниями.

5) в Северо-Кавказском федеральном округе (СКФО) цифровые проекты от всех проектов ГЧП, реализуемых в округе, составляют 6%, а из них лишь 8,6% находятся в статусе эксплуатируемых. Всего два - установка и обслуживание камер на дорогах - в Республиках Северная Осетия и Ингушетия. В обоих проектах партнёром с частной стороны выступает АО «Ситроникс», действующая на федеральном уровне. Очевидно, что связанные с цифровой инфраструктурой ГЧП проекты крайне немногочисленны – если обратиться ко всей совокупности цифровых проектов ГЧП в округе, выявляется, что 8 из 13 включённых в базу данных проектов связаны с транспортом: 7 из них – установки камер на дорогах и 1 – автоматическое управление платной парковкой. Большая часть частных партнёров относится к компаниям федерального масштаба, чьи офисы расположены в Москве.

Во всех субъектах имеются программные документы, затрагивающие процессы цифровизации. В Дагестане и Карачаево-Черкесии это республиканские программы, а в прочих субъектах – стратегии в области цифровой трансформации базовых отраслей экономики. По мнению исследователей, цифровая инфраструктура на территории федерального округа развита слабо: недостаточно правовой базы, не хватает специалистов (Токаева 2025), а на уровне государства нет компаний, которые были бы готовы заняться строительством ключевых узлов инфраструктуры: ЦОДов и ЦХОДов (Батов 2020);

6) в Дальневосточном федеральном округе (ДВФО) в эксплуатации находится 2 проекта ГЧП из сферы цифровой инфраструктуры и связи из 329 в целом: один проект в Приморском крае, второй – в Еврейской автономной области. Проекты цифровой инфраструктуры и связи занимают лишь 0,6% от всех проектов в федеральном округе. Тем не менее, и Правительство Российской Федерации, и правительства регионов, входящих в ДВФО, декларируют

курс на развитие цифровой инфраструктуры и связи. В официальной документации это приоритетная задача для всех регионов, и в настоящий момент именно ГЧП выступает в них механизмом привлечения частных инвестиций, чтобы обеспечить устойчивый социально-экономический рост в регионах. Однако многие специфические факторы, прежде всего, дефицит кадров, затрудняют полноценное развитие в данной сфере.

7) в Сибирском федеральном округе (СФО) только 1 ГЧП-проект из 261 находящихся на стадии эксплуатации – это проект Цифровой образовательной платформы Иркутской области. Соглашение о его создании заключено в 2022 г. (сроком на 10 лет), объем его финансирования составит 16 800 000 руб. со стороны партнёра от бизнеса (ООО «Дневник.Ру», платформа электронного образования). Из реализующихся можно отметить соглашение об организации доступа к сети интернет с. Ак-Даш Сут-Хольского района Республики Тыва на базе беспроводной технологии Ubiquiti. Этим исчерпываются все виды проектов ГЧП в СФО по базе данных проекта «Росинфра». В СФО, как и в других регионах, основное внимание в рамках ГЧП уделяется другим секторам: транспортной инфраструктуре, промышленности, ЖКХ, социальным объектам (школы, больницы) и энергетике.

Тем не менее в Топ-45 регионов России по уровню развития ГЧП (по оценке Минэкономразвития РФ)¹ в данном федеральном округе входят 5 регионов, так что нельзя сказать, что субъекты СФО в целом не готовы воспринимать ГЧП как форму сотрудничества и развития региональных экономик.

8) в Северо-Западном федеральном округе (СЗФО) в анализируемой базе данных нет проектов ГЧП в сфере цифровой инфраструктуры и связи. В СЗФО механизмы ГЧП по-прежнему преимущественно направлены на развитие традиционной инфраструктуры — в первую очередь автодорог, ЖКХ и социальных объектов. На конец мая 2025 г. в округе реализуется 270 проектов ГЧП, которые находятся на стадии эксплуатации или завершения. По масштабам инвестиций в СЗФО лидируют проекты дорожного строительства (722,7 млрд руб.) и жилищно-коммунальной инфраструктуры (112 проектов)².

¹ Рейтинг регионов по уровню развития ГЧП. (2025) https://economy.gov.ru/material/file/c35da2a561ed12ff8b27199065ea5ef3/rejting_subektov_rf_po_gchp_zh_2024_god.pdf.

² Более 1 трлн руб. инвестиций привлекли в СЗФО в рамках ГЧП. (2025) Журнал «Эксперт». <https://expert.ru/news/bolee-1-trln-rub-investitsiy-privlekli-v-szfo-v-ramkakh-gchp/>.

Резюмируя, отметим, что основными направлениями эксплуатирующихся в настоящий момент проектов ГЧП по всей территории РФ в сегменте «цифровая инфраструктура и связь» являются: цифровизация сферы транспорта; цифровизация государственного управления; цифровое образование.

В процессе изучения актуальной ситуации выявлены общие и схожие для всех федеральных округов проблемы и ограничения для внедрения механизма ГЧП в сегменте создания и развития цифровой инфраструктуры:

- высокая капиталоемкость проектов, что требует значительных инвестиций и затрудняет привлечение частных инвесторов;
- низкая рентабельность в удалённых районах, где плотность населения и ограниченный спрос на услуги связи делает их менее привлекательными для частного бизнеса;
- сложности с получением разрешительной документации на строительство и эксплуатацию объектов связи, весь процесс оформления может быть длительным, что увеличивает риски для инвесторов;
- недостаточная координация между федеральными и региональными властями в вопросах развития цифровой инфраструктуры может приводить к дублированию усилий и снижению эффективности инвестиций;
- нехватка квалифицированных специалистов в сфере информационных технологий и связи, что затрудняет реализацию проектов.

Анализ акторов реализации проектов ГЧП показал интерес к участию в них частных компаний, таких как местные операторы цифровой инфраструктуры и специализированные интеграторы. Финансирование проектов осуществляется преимущественно через механизмы концессионных соглашений и соглашений о ГЧП/МЧП. В целом федеральная нормативная база ГЧП обеспечивает гибкий инструментарий для привлечения инвестиций и в регионы. Минэкономразвития, ФАС, ВЭБ.РФ и Национальный центр ГЧП консультационно и организационно поддерживают реализацию проектов, ориентированных на цифровую инфраструктуру. Законодательство активно развивается, адаптируясь к экономическим и стратегическим задачам.

Анализ показал, что каждый федеральный округ имеет потенциал для инициирования и реализации на основаниях ГЧП-проектов в области цифровой инфраструктуры и связи, но использование механизма ГЧП в субъектах развивается неравномерно и недостаточно активно. С опорой на действующие в регионах кластеры и научные центры, вполне благоприятный инвестиционный климат и наработанный опыт реализации национальных и региональных проектов, они могут реализовывать ГЧП-проекты в обозначенном сегменте с привлечением и федеральных, и региональных, и локальных инвесторов.

Активно проявляется использование ГЧП в Татарстане и Нижегородской области, где цифровизация рассматривается как элемент реализации национальных проектов и региональных стратегий, но большого количества цифровых проектов ГЧП не выявлено и там, и в других экономически развитых регионах (Республика Башкортостан, Самарская область, Пермский край и т.д.), что ставит новые исследовательские вопросы, на которые еще предстоит ответить с привлечением экспертных оценок или расширив базу источников исследования.

Литература

Guevara, J., Herrera, L., & Castelblanco, G. (2025). Partnership Formation in PPP Networks: The Impact of Social Network Factors Across Sectors and Jurisdictions. CIB Conferences, 1(208). <https://doi.org/10.7771/3067-4883.1887>.

Аверкиева, Е. С. (2017). Государственно-частное партнерство как институт стимулирования предпринимательской деятельности. Вопросы регулирования экономики, 1 (8), 117-130. <https://doi.org/10.17835/2078-5429.2017.8.1.117-130>.

Батов, Б. Х. (2020). Состояние и перспективы развития инфраструктуры цифровой экономики Северо-Кавказского федерального округа. Информационное общество, 2, 30-38.

Бедняков, А. С. (2022). Государственно-частное партнёрство как модель развития публичной инфраструктуры. Вестник МГИМО-Университета, 15(1), 143-176. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-1-82-143-173>.

Варнавский, В. Г. (2004). Государственно-частное партнерство в России: проблемы становления. Отечественные записки, 6, 172-180.

Ведерникова, Е. В. (2023). Анализ состояния государственно-частного партнерства в России. Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки, 2, 242-254.

Завьялова, Е. Б., Шаманина, Э. А. (2016). Обзор монографий, пособий и рекомендаций в области развития и применения механизма государственно-частного партнерства. Государственно-частное партнерство, 3(3), 201-211.

Иванов, В. В., Коробова, А. Н. (2012). Государственное и муниципальное управление с использованием информационных технологий. М.: ИНФРА-М.

Иванов, О. В. (2015). Теория и мировая практика государственно-частного партнерства. М.: МГИМО.

Йескомб, Э. Р. (2008). Принципы проектного финансирования. М.: Вершина.

Йескомб, Э. Р. (2015). Государственно-частное партнерство: Основные принципы финансирования. М.: Альпина Паблишер.

Левченко, М. С. (2015). Зарубежный и российский опыт использования ГЧП. Транспортное дело России, 5, 32-38.

Никовская, Л. И., Якимец, В. Н. (2016). Институциональное развитие межсекторного партнерства в России. Полис. Политические исследования, 5(26), 37-48. <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.05.04>.

Рисин, И., Шахов, О. (2018). Базовые компоненты стратегии развития партнерства государства и бизнеса в Российской Федерации. Вестник ВГУ. Экономика и управление, 2, 136–142.

Токаева, Б. Б. и др. (2025) Цифровая экономика СКФО: состояние и перспективы развития. Управленческий учёт, 12, 1172–1180.

Харченко, Е. В., Широкова, Л. В., Алпеева, Е. А. (2015). Государственно-частное партнёрство как инструмент инновационного развития высокотехнологичных отраслей промышленности России. Вестник ТГУ, 2, 7–16.

Шор, И. М. (2023). Российские тенденции развития государственно-частного партнёрства. Вестник Московского городского педагогического университета, серия: Экономика, 4, 60–73.

Юрош, Т. Д. (2017). Особенности нормативно-правового регулирования государственно-частного партнерства в России. Вестник РУДН. Серия: Государственное и муниципальное управление, 4(4), 317–325.

Якимец, В. Н. (2015). Общественно-государственное управление. Государственное управление: РФ в современном мире. XII Международная конференция факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, 29–31 мая 2014 г.: Материалы. М.: Инфра-М, 214–219.

References

Averkiyeva, Ye. S. (2017). Gosudarstvenno-chastnoye partnerstvo kak institut stimulirovaniya predprinimatel'skoy deyatel'nosti. Journal of Economic Regulation (Voprosy regulirovaniya ekonomiki), 1(8), 117–130. DOI: 10.17835/2078-5429.2017.8.1.117-130.

Batov, B. Kh. (2020). Costoyaniye i perspektivy razvitiya infrastruktury tsifrovoy ekonomiki Severo-Kavkazskogo federal'nogo okruga. Informatsionnoye obshchestvo, 2, 30–38. (In Russ).

Bednyakov, A. S. (2022). Gosudarstvenno-chastnoye partnerstvo kak model' razvitiya publichnoy infrastruktury. Vestnik MGIMO-Universiteta, 15(1), 143–176. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-1-82-143-173>. (In Russ).

Guevara, J., Herrera, L., & Castelblanco, G. (2025). Partnership Formation in PPP Networks: The Impact of Social Network Factors Across Sectors and Jurisdictions. CIB Conferences, 1(208). DOI:10.7771/3067-4883.1887.

Ivanov, O. V. (2015). Teoriya i mirovaya praktika gosudarstvenno-chastnogo partnerstva. M.: MGIMO. (In Russ).

Ivanov, V. V., & Korobova, A. N. (2012). Gosudarstvennoye i munitsipal'noye upravleniye s ispol'zovaniyem informatsionnykh tekhnologiy. M.: INFRA-M. (In Russ).

Kharchenko Ye. V., Shirokova L. V., & Alpeyeva Ye. A. (2015). Gosudarstvenno-chastnoye partnerstvo kak instrument innovatsionnogo razvitiya vysokotekhnologichnykh otrasley promyshlennosti Rossii. Vestnik TGU, 2, 7–16. (In Russ).

Levchenko, M. S. (2015). Zarubezhnyy i rossiyskiy opyt ispol'zovaniya GCHP. Transportnoye delo Rossii, 5, 32–38. (In Russ).

Nikovskaya, L. I., & Yakimets, V. N. (2016). Institutsional'noye razvitiye mezhsektornogo partnerstva v Rossii. Polis. Politicheskiye issledovaniya, 5(26), 37-48. <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.05.04> (In Russ).

Risin, I., & Shakhov, O. (2018). Bazovyye komponenty strategii razvitiya partnerstva gosudarstva i biznesa v Rossiyskoy Federatsii. Vestnik VGU. Ekonomika i upravleniye, 2, 136-142. (In Russ).

Shor I. M. (2023). Rossiyskiye tendentsii razvitiya gosudarstvenno-chastnogo partnerstva. Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Ekonomika, 4, 60-73. (In Russ).

Tokayeva B. B. i dr. (2025). Tsifrovaya ekonomika SKFO: sostoyaniye i perspektivy razvitiya. Upravlencheskiy uchoy, 12, 1172-1180. (In Russ).

Varnavskiy, V. G. (2004). Gosudarstvenno-chastnoye partnerstvo v Rossii: problemy stanovleniya. Otechestvennyye zapiski, 6, 172-180. (In Russ).

Vedernikova, Ye. V. (2023). Analiz sostoyaniya gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v Rossii. Vestnik PNIPU. Sotsial'no-ekonomicheskiye nauki, 2, 242-254. (In Russ).

Yakimets, V. N. (2015). Obshchestvenno-gosudarstvennoye upravleniye. Gosudarstvennoye upravleniye: RF v sovremennom mire. KHII Mezhdunarodnaya konferentsiya fakul'teta gosudarstvennogo upravleniya MGU imeni M.V. Lomonosova, 29-31 maya 2014 g.: Materialy. M.: Infra-M, 214-219. (In Russ).

Yescombe, E. R. (2008). Printsipy proyektnogo finansirovaniya. M.: Vershina.

Yescombe, E. R. (2015). Gosudarstvenno-chastnoye partnerstvo: Osnovnyye printsipy finansirovaniya = Public-Private Partnership Principles of Policy and Finance. M.: Al'pina Publisher. (In Russ).

Yurosh, T. D. (2017). Osobennosti normativno-pravovogo regulirovaniya gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v Rossii. Vestnik RUDN. Seriya: Gosudarstvennoye i munitsipal'noye upravleniye. 4(4), 317-325. (In Russ).

Zav'yalova, Ye. B., & Shamanina, E.A. (2016). Obzor monografiy, posobiy i rekomendatsiy v oblasti razvitiya i primeneniya mekhanizma gosudarstvenno-chastnogo partnerstva. Gosudarstvenno-chastnoye partnerstvo, 3(3), 201-211. (In Russ).

Для цитирования: Барандова, Т. Л. Государственно-частное партнерство как механизм развития цифровой инфраструктуры российских регионов: кросс-региональное исследование / Т. Л. Барандова, И. В. Мокин // PolitBook. – 2025. – № 3. – С. 180-195. – DOI 10.24412/2227-1538-2025-3-180-195.

НАШИ АВТОРЫ

БАБАДЖАНЫЯН Папик Артурович – аспирант кафедры социально политических теорий, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова (Ярославль, Россия).

BABAJANYAN Papik – PhD student of the Department of Social and Political Theories, Yaroslavl State University (Yaroslavl, Russia).

E-mail: babajanyanpapik@yandex.ru

SPIN-код: 5993-5096

ORCID: 0000-0003-2828-5581

БРАНДОВА Татьяна Леонидовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры международных отношений, Северо-Западный институт управления Российской академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; доцент кафедры политического управления, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия).

BARANOVA Tatiana – PhD in Sociology, Associate Professor, Department of International Relations, North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Department of Political Management, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia).

E-mail: tbaranova@yandex.ru

SPIN-код: 2990-7868

ORCID: 0000-0001-8843-3916

БАРАНОВ Николай Алексеевич – доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления; член Российской ассоциации политической науки (Санкт-Петербург, Россия).

BARANOV Nikolay – Doctor of Political Sciences, Professor at the department of International Relations, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, North-Western Institute of Management (Saint Petersburg, Russia).

E-mail: nicbar@mail.ru

SPIN-код: 6033-7650

ORCID: 0000-0003-3547-3644

БЕЛЫЙ Владислав Александрович – аспирант Института дизайна и урбанистики, Университет ИТМО (Санкт-Петербург, Россия).

BELIY Vladislav – PhD student at the Institute of Design and Urban Studies, ITMO University (St. Petersburg, Russia).

E-mail: vladislav@itmo.ru

SPIN-код: 9438-1070

ORCID: 0000-0001-6755-2051

ВИДЯСОВ Евгений Юрьевич – кандидат политических наук, аналитик Центра технологий электронного правительства, Института дизайна и урбанистики, Университет ИТМО (Санкт-Петербург, Россия).

VIDIASOV Evgenii – PhD in Political Sciences, Analytics, eGovernance Center, Institute of Design and Urban Studies, ITMO University (St. Petersburg, Russia).

E-mail: vidyasov@gmail.com

SPIN-код: 2031-4499

ORCID: 0000-0001-5048-5972

ВОЛКОВСКИЙ Даниил Валентинович – аспирант, Университет Сорбонна-Пантеон Париж 1, научный сотрудник Европейского Центра социологии и политической науки (Париж, Франция).

VOLKOVSKII Daniil – PhD student in political science at University of Sorbonne-Panthéon Paris 1, researcher in CESSP (Paris, France).

E-mail: daniil.volkovskii@yandex.com

SPIN-код: 2304-0254

ORCID: 0000-0002-2674-5794

ГОЛОВИН Юрий Алексеевич – доктор политических наук, профессор кафедры социально-политических теорий, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова (Ярославль, Россия).

GOLOVIN Yuri – Doctor of Political Sciences, Professor at the Department of Socio-Political Theories, Yaroslavl State University (Yaroslavl, Russia).

E-mail: yagolovin@rambler.ru

SPIN-код: 3642-0423

ORCID: 0000-0001-6804-7057

ИГНАТЬЕВА Ольга Анатольевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры политического управления, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия).

IGNATJEVA Olga – PhD in Sociology, Associate Professor, Political Governance Department, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia).

E-mail: olga7919@mail.ru

SPIN-код: 5637-9364

ORCID: 0000-0002-1658-6427

КАБАНОВ Юрий Андреевич – аналитик, Центр технологий электронного правительства Института дизайна и урбанистики, Университет ИТМО (Санкт-Петербург, Россия).

KABANOV Yuriy – analyst, E-Governance Center, Institute of Design and Urban Studies, ITMO University (St. Petersburg, Russia).

E-mail: ykabanov@itmo.ru

SPIN-код: 1502-1398

ORCID: 0000-0001-9568-1002

КАЛЯМИНА Дарья Анатольевна – ведущий специалист по взаимодействию с государственными органами Дирекции по взаимодействию с государственными структурами, АО «Полиметалл УК» (Санкт-Петербург, Россия).

KALYAMINA Darya – Government Relations Manager, JSC «Polymetal Management» (St. Petersburg, Russia).

E-mail: d.kalyamina@mail.ru

SPIN-код: 7173-7157

ORCID: 0009-0003-9720-7648

КИРИНА Маргарита Александровна – преподаватель, младший научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Россия).

KIRINA Margarita – lecturer, junior research fellow, National Research University Higher School of Economics (St. Petersburg, Russia).

E-mail: mkirina@hse.ru

SPIN-код: 9305-2003

ORCID: 0000-0002-7381-676X

КОНДРАТЕНКО Константин Сергеевич – кандидат философских наук, доцент, кафедра политического управления, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия).

KONDRATENKO Konstantin – PhD in Philosophy, Associate Professor, Political Governance Department, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

E-mail: kondratenkoks@inbox.ru

SPIN-код: 4134-1890

ORCID: 0000-0002-9145-5435

МОКИН Илья Владимирович – исследователь кафедры политического управления, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия).

MOKIN Ilya – researcher, Department of Political Management, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia).

E-mail: mockinil@yandex.ru

SPIN-код: 5848-6654

ORCID: 0009-0000-8129-7472

ПЛАТОНОВА Юлия Юрьевна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и технологии социальной работы, Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы (Санкт-Петербург, Россия)

PLATONOVA Iuliia – PhD in Pedagogy, Associate Professor, Head of Department of Theory and Technology of Social Work, Saint Petersburg State Institute of Psychology and Social Work (St. Petersburg, Russia)

E-mail: y-platonova78@mail.ru

SPIN-код: 2788-1162

ORCID: 0000-0002-6188-4140

ПЛЕТНЕВ Александр Владиславович – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и философии, Санкт-Петербургский университет МВД РФ (Санкт-Петербург, Россия).

PLETNEV Alexander – PhD in Sociology, Associate Professor, Department of Sociology and Philosophy, Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

E-mail: venger.vin@rambler.ru

SPIN-код: 3442-8744

ORCID: 0000-0002-5966-988X

СОКОЛОВ Александр Владимирович – доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-политических теорий, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова (Ярославль, Россия).

SOKOLOV Alexander – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Socio-Political Theories, Yaroslavl State University (Yaroslavl, Russia).

E-mail: alex8119@mail.ru

SPIN-код: 9573-5606

ORCID: 0000-0002-7325-8374

СУХОНИНА Нина Анатольевна – ассистент кафедры социально политических теорий, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова (Ярославль, Россия).

SUKHONINA Nina – assistant at the Department of Socio-Political Theories, Yaroslavl State University (Yaroslavl, Russia).

E-mail: evametal@mail.ru

SPIN-код: 3119-7609

ORCID: 0000-0002-1349-4156

ТОЛСТИКОВА Ирина Ивановна – кандидат философских наук, доцент, ведущий инженер научно-технической лаборатории автоматизированного проектирования оптико-информационных и энергосберегающих систем, Университет ИТМО (Санкт-Петербург, Россия).

TOLSTIKOVA Irina – PhD in Philosophy, Associate Professor, Leading Engineer of the Scientific and Technical Laboratory of Applied Design of Optical-Information and Energy-Saving Systems, ITMO University (St. Petersburg, Russia).

E-mail: tolstikova_irina@mail.ru

SPIN-код: 4873-1566

ORCID: 0000-0003-2804-7102

ФИЛАТОВА Ольга Георгиевна – доктор политических наук, доцент, старший научный сотрудник, Центр технологий электронного правительства Института дизайна и урбанистики, Университет ИТМО; доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Россия).

FILATOVA Olga – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Senior Researcher, E-Governance Center, Institute of Design and Urban Studies, ITMO University; Associate Professor, National Research University Higher School of Economics (St. Petersburg, Russia).

E-mail: ogfilatova@itmo.ru

SPIN-код: 3320-6921

ORCID: 0000-0001-9568-1002

ЧУГУНОВ Андрей Владимирович – кандидат политических наук, доцент, директор, Центр технологий электронного правительства Института дизайна и урбанистики, Университет ИТМО (Санкт-Петербург, Россия).

CHUGUNOV Andrei – PhD in Political Sciences, Associate Professor, Director, E-Governance Center, Institute of Design and Urban Studies, ITMO University (St. Petersburg, Russia).

E-mail: chugunov@itmo.ru

SPIN-код: 8058-2724

ORCID: 0000-0001-5911-529X

THE CONTENTS

THE STATE AND CITIZENS IN THE ELECTRONIC ENVIRONMENT

O. Filatova, Yu. Kabanov, A. Chugunov

INSTITUTIONAL BARRIERS TO THE DEVELOPMENT OF THE DIGITAL
URBAN SERVICES ECOSYSTEM: THE CASE OF ST. PETERSBURG **7**

V. Belyi, E. Vidasov

FEATURES OF USAGE E-SERVICES FOR INTERACTION BETWEEN
AUTHORITIES AND CITIZENS: THE UNIFIED CARD OF
A ST. PETERSBURG RESIDENT USER SURVEY'S RESULT **36**

O. Ignatjeva, I. Tolstikova, A. Pletnev, K. Kondratenko, Iu. Platonova

ACCESSIBILITY OF DIGITAL PUBLIC SERVICES FOR DISABLED PEOPLE:
BARRIERS AND PROSPECTS FOR SOCIAL INCLUSION IN RUSSIA **54**

A. Sokolov, P. Babajanyan

DIGITAL NON-PARTICIPATION OF STUDENTS **76**

D. Volkovskii

DELIBERATIVE APPROACH TO ANALYSING THE QUALITY OF DIGITAL
COMMUNICATIONS BETWEEN AUTHORITIES AND CITIZENS:
A METHODOLOGICAL ASPECT **90**

Yu. Golovin, N. Sukhonina

LINGUOSEMIOTIC DISCURSIVE STRATEGIES IN THE COVERAGE
OF ETHNOPOLITICAL CONFLICTS IN RUSSIAN ONLINE MEDIA **117**

D. Kalyamina, M. Kirina

DIGITAL TRANSFORMATION OF REGULATORY POLICY:
ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE ASSESSMENT OF LEGIS **137**

N. Baranov

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A NEW ACTOR IN THE SYSTEM OF
INTERNATIONAL RELATIONS: CHALLENGES AND PROSPECTS **159**

T. Barandova, I. Mokin

PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP AS MECHANISM OF RUSSIAN REGIONS'
DIGITAL INFRASTRUCTURE DEVELOPMENT: CROSS-REGIONAL STUDY **180**

OUR AUTHORS **196**

ISSN 2227-1538 (Print)
ISSN 2307-4590 (Online)

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-48608 выдано
Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций

Адрес редакции и издателя: 428023,
Россия, Чувашская Республика,
г. Чебоксары, ул. Гражданская, 66, 7.

Тел. +7937 9539205.
E-mail: editor@politbook.online
<http://politbook.online>

ООО «НИИ общественных
и политических наук»

Подписано в печать 30.09.2025
Дата выхода в свет 20.10.2025

Формат 70x100/16.
Усл. печ. л. 12,0.
Тираж 500 экз.

Отпечатано с готового оригинал макета
ООО «НИИ общественных
и политических наук», 428023,
Россия, Чувашская Республика,
г. Чебоксары, ул. Гражданская, 66.
www.iorn.ru

Свободная цена

© НИИ общественных и политических
наук, 2025.

Published by:
Institute of Social and Political Sciences

Address: 66 – 7, Graghdanskay st.,
Cheboksary, Russia, 428023

E-mail: editor@politbook.online
<http://politbook.online>

© Institute of Social and Political
Sciences, 2025.